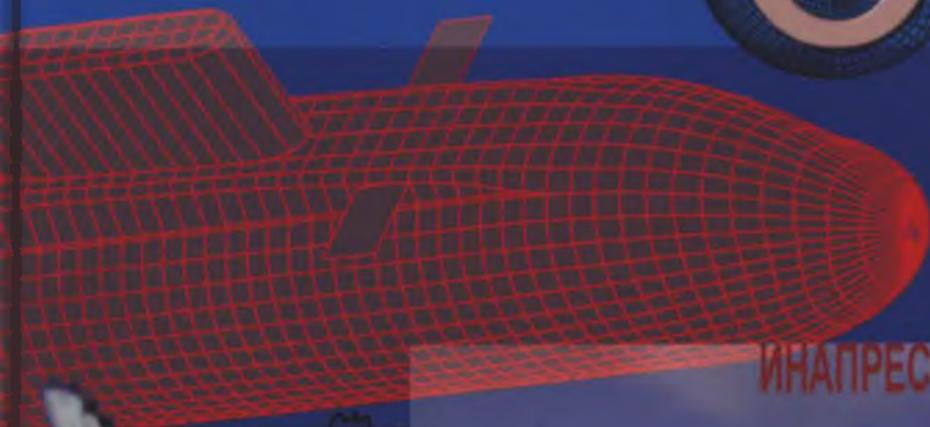

Александр
ПОКРОВСКИЙ

БортОВОЙ Журнал

ИНАПРЕСС

НОВАЯ
газета

АЛЕКСАНДР ПОКРОВСКИЙ

Бортовой журнал 6

НОВАЯ
ГАЗЕТА

Санкт-Петербург
ИНАПРЕСС
НОВАЯ ГАЗЕТА

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус)6
П48

Рисунки А. Покровского

Редактор Н. Кононов
Дизайн М. Покшишевской

ISBN 978-5-87135-210-6
© ИНАПРЕСС, А. Покровский, 2009

**О, дайте вечность мне, —
и вечность я отдам
За равнодушие к обидам и годам.**

Иннокентий Анненский

Россия, Россия, Русь святая, где ты, что ты, как ты в сердцевине и на окраинах?

Да неужто же ты жива еще — дышишь, дышишь на манер того заиндевелого путника, что не рассчитал свои силы и двинулся в путь в надвигающуюся пургу; и как он вышел, все видели, а вот только не дошел он вовсе до пункта своего назначения, упал, сердешный, разметав по просторам свои стылые ноги, и снегом его занесло, запорошило; а потом окрестные ребятишки нашли его в поле, кликнули мужиков и баб, а те и подсуетились — и ну слушать биение сердца: вот ведь оно, вроде как бьется! — отчего и притащили они бедолагу поближе к жилью, раздели, уложили в лохань и давай его водой поли-

вать — сначала и вовсе холодной, а потом все теплей и теплей.

И порозовел наконец горемыка, разверз уста свои непослушные да и выдохнул тихонько: «Чайку бы!»

Рассудочность — главное украшение нашего ума, лишение которого в высшей степени бедственно, а приобретение, стало быть, чрезвычайно трудно.

Вглядитесь в наши лица. Не правда ли, рассудочность — вот то, что бросается в глаза во-первых, а ублюдочность — во-вторых.

И здесь под ублюдочностью я понимаю только то положение, что человек, облеченный доверием, каким-то непостижимым образом все время оказывается у блюда.

Все дело в поводыре.
А поводырь — рассудок.

Вот это да! Судебная коллегия по граж-

данским делам Санкт-Петербургского городского суда отказала капитану первого ранга в отставке, инвалиду второй группы Измаилу Познянскому в признании его участником войны.

В 1944 году он стал курсантом Ленинградского подготовительного училища. Суд посчитал, что курсант такого училища на воинской службе не состоял. И все его товарищи, что волею судьбы оказались в Ленинградском и Владивостокском училищах в это время, тоже не служили, а потому у того, кто этого статуса добился раньше, необходимо его отнять.

Во как! Присягу приняли в 1944-м, но это все не считается. Присяга не основание.

Как в карауле с оружием стоять пятнадцатилетним пацанам по ночам, так к этому основания есть, а вот для признания того, что караул с оружием в пятнадцать лет — это воинская служба, так сразу и не находится никаких оснований!

И Постановление Совнаркома № 330 от 1 марта 1944 года, и Приказ наркома ВМФ Николая Кузнецова — это тоже не основания? Браво!

И медали «За победу над Германией» и «За победу над Японией» отберут.

Люди жизнь прожили, но в конце ее выясняется, что все было не так? Вот это пощечина!

И почему стариков на самом пороге смерти у нас ею награждают — на это, ребята, у меня ни объяснений, ни приличных слов не находится.

То есть в училище они пошли только из-за того, чтоб там время переждать, потому что там сытнее было? Ну, блин!

И это у нас навсегда.

У нас на службе были такие отделы кадров, и сидели там люди, которые учитывали, где ты и как служил.

Вот посылают тебя на подводную лодку, а вдогонку шлют приказ, а потом тебя прикомандировывают к другой лодке, но приказ куда-то теряется, и потом получается, что ты не служил, что тебе это только так показалось, потому что по всем приказам получается, что несколько месяцев ты неизвестно где пропал, и они, эти месяцы, тебе в пенсию не засчитываются, и потому ты должен их искать и всем доказывать, что в это время ты нигде не бегал.

После увольнения в запас всеми этими подсчетами и пересчетами занимаются уже не отделы кадров, а военкоматы, но и те и другие объединяет одна страсть — они изо всех сил пытаются доказать, что никакой ты не герой, а совсем наоборот, и сам по себе ты никто.

Служба — это непрерывная череда унижений. И она у нас такая, что кто-то жизнь

кладет на алтарь Отечества, а кто-то штаны протирает, но выигрывает всегда тот, со штанами.

Поразительным образом чиновники могут воспитать в народе ненависть к власти.

Этих курсантов по всей стране осталось всего 180 человек, им уже по 80 лет каждому, и дело даже не в цене вопроса — по 500 рублей на каждого — дело в том, что в конце жизни надо обязательно человека растоптать.

Правда очень нужна. Она как зуд.

Обязательно надо переименовать улицы.

Не надо имен убийц. Убийца должен оставаться убийцей. Пора выздоравливать.

Офицеры — это звание надо заслужить.

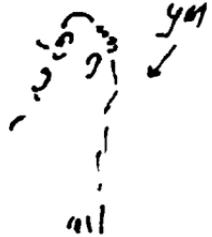
Власть боится кастовости. А ведь именно ей обязана, скажем, Германия. Без нее не было бы побед рейха.

Наши же великие полководцы посылали солдат на минное поле и считали, что это нормально.

Суворов, когда переходил Альпы, рисковал так же, как и любой солдат его армии.

А тут — полное презрение к человеческой жизни. Тот не офицер, кто о солдате не думает.

Начальники — их дуновение приносит. Случится как-нибудь дуновение, и принесет оно начальника, и как только приземлится он, так сейчас же и поменяет всех родственников и друзей прошлого начальника на собственных родственников и друзей.

Оттого-то и история на Руси всегда была историей смены одних родственников и друзей на других друзей и родственников.

А на саму Русь это никак не влияет, потому что блохи были всегда, и только собаке, запаршивевшей совершенно, решать, когда пришло время окунуться в речку, да не сразу, не вмиг, а постепенно, погружаясь все медленнее и медленнее, чтоб дать, значит, им, кровососам, время собраться, подняться повыше и скопиться в одном только месте. А то место — нос собачий. И вот когда все эти злыдни сойдутся на этом самом носу, вот тогда-то псина и погрузится в воду вдруг, а они и утонут.

Все, что ни делает начальник, все он делает во благо.

Наделавшего рассудит время.

Ой, до чего же мне нравится все в России — и это нравится, и то. Вот намедни наш губернатор опять чего-то сломал. Чего-то старинное. Он намеревался еще сломать, но профессора немые ему не дали.

А жаль! То-то было бы чудно!

9 Мая — день скорби. У меня воевали и отец и дед. Когда просил отца рассказать о войне, он всегда говорил: «Война — это грязь». Он шестнадцатилетним пацаном со своей матерью и двумя малолетними сестрами 22 июня оказался в Бресте. Потом — три года под немцами. Питались чем придется. Отца чуть в Германию не угнали. Мать схоронили.

Малолетняя моя тетка 22 июня в 4 утра видела, как по пешеходному мосту через железнодорожную станцию Брест бежали солдаты в исподнем. Они бежали в белом — кальсоны и рубашки, а головы они прикрывали подушками от шрапнели. Немцы заняли город. Боевые части пошли дальше, полевая жандармерия осталась наводить порядок. Эти расстреливали на месте любого, кто оказывал хоть малейшее сопротивление.

Всюду на обочинах лежали убитые люди. В основном — молодые ребята. Моему отцу

немец прикладом выбил все передние зубы за один только косой взгляд.

А дед воевал в Гражданскую, финскую и потом прошел всю Великую Отечественную. Он привез семью в Брест за несколько дней до войны. Назначение получил. 22 июня он ушел по тому мосту. Он вышел из окружения, добрался до своих, а потом через три года вернулся в Брест и отыскивал свою семью. Вот такие бывают чудеса.

Их в землянке бомбили наши, когда на Брест наступали. Они еле из нее выскочить успели.

А потом всех ребят, достигших восемнадцати, что под немцами были, спешно призывали и с ходу бросали в бой. Даже в обмундирование не переодевали. Мол, под немцами был — искупай кровью. Они и искупали. Пали почти все.

Я собираю воспоминания солдат о той войне. Я собираю то, что они рассказывали своим сыновьям и внукам.

Вот только некоторые:

«...Дед Гена был переброшен под Москву в ноябре в составе так называемых „сибирских дивизий“ (не путать с дальневосточными, одетыми и вооруженными), а они были совсем без оружия („Добудете в бою“), вот и стоят у меня в ушах до сих пор его слова, когда он говорил об атаках: „Бежишь и думаешь: блядь, ну хотя бы ножичек!!!“»

Или:

«...Нас везли на фронт долго. Остановились как-то в степи, вывели несколько человек, поставили перед вагонами и расстреляли. Расстреляли просто так. Для острастки...»

А вот еще:

«...Мы „ура“ не кричали. В атаку когда идешь, то кричать не можешь. Это в кино кричат. Мы — молча. Встала в атаку рота, побежала, я бегу, оглянулся — один бегу. Всех положили. Мне сержанта дали...»

«...Ворвался в немецкий блиндаж, а в руках — только саперная лопатка. Очнулся — вокруг куски мяса. Мне потом говорили, что я четырех немцев зарубил. Чуть под трибунал не отдали. Говорят, что надо было их в плен брать...»

«...Нас не очень-то и кормили. Кухня всегда опаздывала. Видно, списывали продовольствие. Выписывали как на живых, а после атаки — где они, живые-то? Шли по грязи трое суток. Налетели самолеты — небо от них черное. Я потом в поле один встал...»

«...Задача была шоссе удержать. По нему кавалерия должна была пройти. У немцев танки, у нас — кавалерия. Рейд в тыл врага. Кавалерия прошла. Назад никто не вернулся — ни люди, ни лошади. Их генералу потом повышение вышло. Он-то в тот рейд не ходил...»

«Сейчас, слава богу, никто не опровергает слова Монтгомери, который спросил у Жукова про штурм Зееловских высот примерно так: «Это правда, что вы отдавали приказ войскам идти по минным полям?» Последовал недоуменный ответ: «Да, а что?» — и Монти ответил: «Если бы я так приказал, то меня расстреляли бы на следующий день».

Вот такие записки о войне.

Генералы о войне вспоминают часто. Кучу книг написали. Солдаты — редко. Только когда внукам рассказывают.

Мне было примерно тринадцать, когда я что-то стал говорить отцу о Великой Победе. Он меня прервал и сказал: «Это скорбь... великая...»

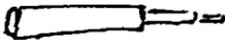
—

Нет, нет, нет! Ни слова об их черствости, низости, жадности, подлости — ни слова!

Только о том, как они умны и чудесны, прекрасны, добры и сдержанны во всем.

—

Я имею на него виды. То есть я хотел сказать, что виды мои не чета тем видам, что отмечают в себе все остальные.

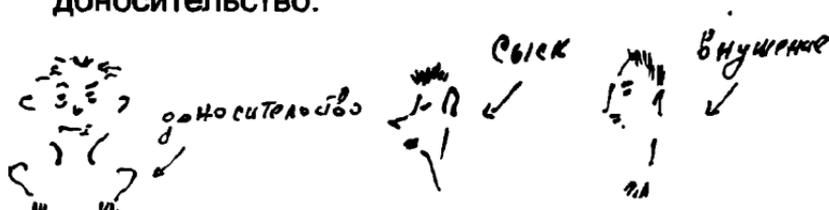

Мои виды отличаются дальновидностью. То есть если подходить близко к работе вели-

кого мастера, то картина его выглядит совершеннейшей мазней и гадко пахнет. А вот отойди от нее на дальнейшее расстояние, и воссияет она в лучах истины, что твоя мадонна и прочие пейзажи.

—

Всем необходимо внушение. Оно, оно, оно двигатель нашего общества, потому как за всем нужен пригляд, отчего в Отечестве возлюбленном следует развивать сыск и доносительство.

Внушение может быть только сверху. Оно для нижестоящих, и в этом оно сродни матерным выражениям, которые, в свою очередь, сродни водопаду.

Водопад падает только вниз. Никто еще не замечал обратного.

—

Постоянно хочется сделать что-нибудь для окружающих — реанимировать, возродить, воздвигнуть и дать немного денег этим, как их, ну... дабы они не ходили всюду с опущенными к корыту чунями.

Я трепещу от мысли, что тысячи путешественников по необъятным просторам человеческих знаний могут быть внезапно застигнуты мглой невежества.

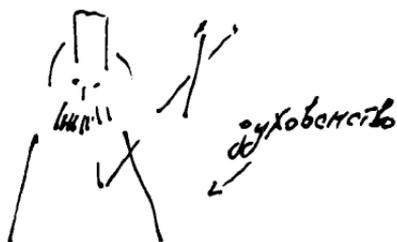

Сами знаете, отчего у нас мгла.

Правителям хорошо бы ежедневно принимать пилюли от глупости.

Я рисую себе в воображении картины кисти великих мастеров эпохи, посвященные этому занятию: «Такой-то принимает пилюли в присутствии государственных членов».

А то ведь, пардон, не лик, а рыло.

Что же касается духовенства, то нет и еще раз нет!

Ни слова против. Никогда я не скажу ничего о том, как они велики и

неопрятны. В мыслях своих, конечно.

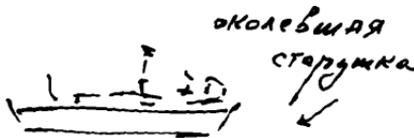
При всей слабости моих нервов и подавленном состоянии, в котором я постоянно нахожусь, я мог бы, конечно, отметить, что цинизм нашего духовенства сродни цинизму... но делать мне это не хочется.

А всему виной природная моя застенчивость. Ее приступы. Знающие меня хорошо

часто загодя отмечают надвигающийся приступ и... ну вот опять... снова... Нет... ни слова о духовенстве...

Все рыдают. И рачительный врач напрасно щупает пульс у околевшей старушки. Крики ближайших родственников: «Россия! Россия!» — привлекли мое внимание.

— Что? Что? Где? — спрашивал я шепотом, соблюдая приличия. — Да вот! — говорили мне. Скрипачи настраивали парочку творений Амати на подобающий лад, а я в это время все вглядывался и вглядывался в лицо, с той же минуты ставшее мне особенно дорогим. Неужели? Неужели это она? Как? Я ведь думал, я полагал, что она тучна и благодатна, а тут — высохшее нечто. Как же это?

— Клещи! — заметил мне патриарх Всея, присутствие которого я осознал в то же мгновение. — Как же... — Все в руках Его! — Но... — Твари... — А... — Льстецы! — Но... — Опричина! — И... — И клещи! — То есть? — Это все, что есть. Можно есть, можно не есть! — после этого полилась музыка, и была она ух как хороша.

Мне показалось странным, что в недавнем своем рейде по Атлантике «Адмирал Кузнецов» обошелся без эсминцев.

Я поговорил с ребятами об этом. Вот что мне рассказали.

Эсминец проекта 956. Легкий крейсер — убийца авианосцев. Так его натовцы называли во времена холодной войны.

Их было ровно 17 — эсминцев проекта 956. Они вошли в состав Северного, Балтийского и Тихоокеанского флотов.

На Севере их было девять. Теперь осталось четыре, а в море до недавнего времени ходил только один — «Адмирал Ушаков». В 1994 году на нем был поднят Андреевский флаг. Тогда он назывался «Бесстрашный».

Этот корабль шесть лет служил в Атлантической эскадре КСФ. Экипаж завоевывал призы Главкома ВМФ по противовоздушной и артиллерийской подготовке. В дальних походах обеспечивал боевую устойчивость ТАКР «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов», участвовал в визитах.

Из девяти эсминцев Северного флота «Адмирал Ушаков» единственный прошел заводской ремонт и возвратился в строй.

Головной эсминец «Современный» (ремонт был сделан на 70 процентов) сгнил в 35-м СРЗ в Росте.

«Отличный», «Отчаянный», «Безупречный» выведены из боевого состава.

На прикол к стенке поставлены эсминцы «Безудержный», «Окрыленный», «Расторопный», гвардеец «Гремящий».

У каждого из них не одна боевая служба, тысячи пройденных миль. Им бы служить еще и служить, ведь такие корабли рассчитаны на тридцать лет.

Да, эти эсминцы спроектированы давно, но по своим тактико-техническим характеристикам (ТТХ) они до сих пор являются уникальными.

Ударный комплекс «Москит» (по натовской классификации SS-N-22 Sunburn, или «Солнечный ожог», 8 сверхзвуковых ПКР), ЗРК «Ураган», арткомплексы АК-130 и АК-630 неоднократно доказывали свою эффективность.

При максимальном водоизмещении (около 8 тысяч тонн) — изящные обводы, скорость хода до 33 узлов, превосходная маневренность. Если б эти корабли были газотурбинные!

Эти эсминцы оснащены минно-торпедным вооружением, двумя бомбометными установками РБУ-1000, вертолетом ПЛО Ка-27ПЛ (применяем при волнении моря до 5 баллов на дальности до 200 километров); на них установлены системы РЭБ, навигационные радары, РЛС обнаружения воздушных и надводных целей, РЛС управле-

ния огнем 130-мм и 30-мм орудий, гидроакустический комплекс (с активным и пассивным каналами). Их корабельные системы боевого управления способны получать информацию о целях с активных и пассивных устройств эсминцев, других кораблей соединения, от самолетов или по каналам связи с корабельным вертолетом.

Контур ПВО обеспечивает поражение нескольких целей.

Они предназначены для уничтожения надводных кораблей и подводных лодок, десанта противника, противоракетной и противовоздушной обороны кораблей и транспортов в походном порядке, для огневой поддержки морских десантов, патрулирования и несения боевой службы как в соединении, так и в одиночном плавании.

Их бы эксплуатировать правильно: в котлотурбинную энергетическую установку (КТЭУ) надо давать не какую попало воду, а только ту, что прошла водоподготовку, да специалистов-эксплуатационщиков бы им неплохих, да запасные части не разворовывались бы, да и ремонты (ППО и ППР) неплохо бы проводить — и тогда цены бы им не было.

Ведь не дураки же китайцы — они у нас четыре таких эсминца купили.

Эсминец «Окрыленный» выходил в море только в течение пяти лет — с 1989 года по 1994-й. А потом?

А потом по техническому состоянию в паровых котлах было заглушено максимальное количество трубок, после чего корабль переведен в «резерв второй категории», то есть постепенно приходит в негодность у пирса.

У эсминца «Расторопный» другая судьба. В ноябре 2000 года его буксировали из Североморска в Санкт-Петербург. В проливной зоне «накрылся» дизель-генератор. Три дня корабль был обесточен. Консервы разогревали на огне (в бочке) возле кормового орудия. Он уже восьмой год ждет своего часа на «Северной верфи».

Гвардейский эсминец «Гремящий» в 2005 году был выведен из боевого состава флота. Его ремонт обойдется федеральному бюджету в 900 миллионов рублей. Его собрат «Безудержный» тоже ждет своей очереди. Вот только дождется ли?

Корабли у нас разовые — вот ведь беда — построены на один раз — никакого ремонта.

Можно, конечно, создать уникальный корабль (например, «Стерегающий»), но вот только будет ли он ремонтироваться?

«Гремящему» следовало бы служить до 2018 года, «Расторопному» — до 2019-го, «Безудержному» — до 2021-го.

А единственному из них ходовому «Адмиралу Ушакову» — до 2023 года.

Пять уже утилизированных североморс-

ких эсминцев не выслужили и трети положенного срока, гвардеец «Гремящий» — только половину.

Кстати, в депеше о списании корабельного состава наряду с «Гремящим» есть и многоцелевая атомная субмарина Б-388 «Сосновый Бор», которая в день прихода телеграммы на КСФ находилась в полигоне Баренцева моря, где успешно выполнила учебную торпедную стрельбу по отряду боевых кораблей.

Что касается ее, то флоту удалось отстоять ее у Москвы. Шокированные офицеры обматерили столичных чинуш: «Что это за долбоебизм — списывать боеготовую лодку, на доковый ремонт которой флот потратил сорок миллионов рублей! По этой „единичке“ даже разговора не может быть!» Вот такие дела у нас на Севере.

По Тихоокеанскому флоту: эсминцы «Быстрый», «Бурный», «Боевой», «Безбоязненный» небоеспособны, стоят на приколе.

По Балтийскому флоту: «Беспокойный» и «Настойчивый» — полукалеки.

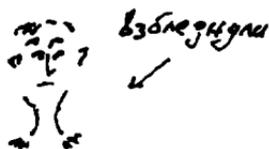
Ах, какие украшения приняты нами для окружающей обыденности: елки, палки, кружева. Всем, абсолютно всем окунаться на Крещение в прорубь. Окувание —

вещь самонужнейшая, потому что выходят все пороки.

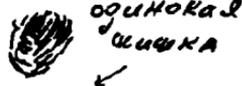
Организм спасается от очевидной смерти, вот они и выходят.

Выше всего ценимы мною те лишения, коим подвергнуты были наши правители минувшей ночью. Чрезвычайно трудно было не заметить, как они взбледнули с лица.

Им надо бы примириться с положением людей внутренне голых. Это выносимо, конечно, но только при некотором философском усилии, когда любой персонаж нашей отечественной истории удовлетворяется тем немногим, что он может подцепить и спрятать у себя под исподним, не возбуждая при этом криков «Держи!» и «Караул!».

Как глупо выглядит одинокая шишка! Она годится лишь на то, чтобы напоминать нам об отсутствии соседней шишки. Вот так — от шишки к шишке — и происходит построение, отчего через некоторое время мы уже имеем полное собрание шишек.

А как же еще, скажите, нам сохранить себя?

Как же хочется безвременно лишиться своего начальника! Чтоб, значит, раз и навсегда.

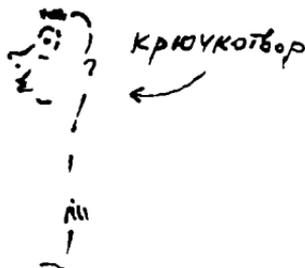
Я лично человек очень преданный, но так иногда хочется, чтобы бедняга помер, — это вам не передать.

А я стоял бы в изголовье и держал бы свечку. Толстую. И слезы сами бежали бы у меня по лицу, оставляя грязные полосы. Я всхлипывал бы, пускал пузыри, задыхался бы от жалости. Ах, как было бы приятно!

Не знаю, подлинно не знаю, что со всем этим делать. Всюду министры, а мы все движемся и движемся — будто салазки кто салом смазал. Только кажется, что приехали, уже трудно и тесно щекам и другим частям тела — ан нет! — не так трудно, не так тесно — и опять заскользили, заскользили под горку с улюлюканьем и со свистом.

Какими бы философскими принципами, пометами, положениями, воззрениями ни обладал любой крюкотвор, столь цепко расположившийся на на-

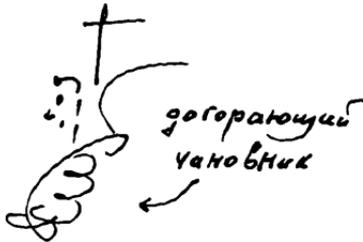

ших исконных равнинах и низменностях, в самую пору будет по отношению к нему умеренность в воздаяниях. А то ведь все жрут и жрут — с лязгом зубов, с чавканьем, сочно, смакуя, утираясь, торопясь, подбирая, похлипывая, похрипывая, похлопывая себя по ляжкам, истекая слюной.

—

Не случалось ли вам видеть, как возгорается белый лист бумаги, положенный на тлеющие угли? Сначала он медленно, неторопливо покрывается темными пятнами, а потом в нем образуются прожжения, а потом он вспыхивает вдруг и догорает в один миг.

Вот так и чиновник. Все ведь приходят белыми в этот мир.

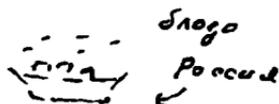

—

Должен вам сказать следующее: залюбуешься иногда, на него глядячи. И ведь так все устроено в нем, что где там наша статуя Давида! И ножки у него хороши, и ручки, и пробор. А говорит-то, говорит-то как

сладко — просто слюнки побежали — так он хорошо говорит.

И любит он из всех блюд только одно — Россию.

38 лет тому назад 12 апреля 1970 года в Бискайском заливе затонула К-8 — атомная подводная лодка проекта 627А (по натовской классификации «Ноябрь»).

Это была первая катастрофа атомной подводной лодки Советского флота. Она произошла при возвращении лодки с боевого дежурства. Подробности гибели К-8 оставались секретными вплоть до 1991 года.

К-8 возвращалась из Средиземного моря, где она почти два месяца несла боевую службу.

На переходе в базу она должна была принять участие в самых крупных учениях Советского военно-морского флота — «Океан-70».

В этом случае лодка изображала подводную лодку вероятного противника, осуществляющую прорыв к берегам Советского Союза. Учения предполагалось начать 14 апреля, а заканчивались они к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

8 апреля, когда лодка шла в районе Азорских островов, при всплытии на сеанс

связи произошел пожар. В рубке акустиков в 3 отсеке (центральный пост) произошло короткое замыкание (КЗ) в силовой сети 380 В 50 Гц.

Звук от этого дела был такой силы, будто взорвались гранаты.

Практически одновременно по той же причине возник пожар и в 7 отсеке. Сработала аварийная защита реактора.

На лодке была объявлена «Аварийная тревога», и она всплыла в надводное положение — отсеки загерметизировали, началась борьба за живучесть. Дизель-генератор запустить не удалось — он был неисправен. На лодке остался только один источник электроэнергии — электрическая батарея — ее хватило ненадолго.

В огне погибли пятнадцать человек. Несмотря на герметизацию, продукты горения скоро распространились по всей лодке. Управление борьбой за живучесть было перенесено на ходовой мостик.

В 2.00. уже 9 апреля через люк 8 отсека на верхнюю палубу вышел личный состав кормы. С собой они вынесли пятнадцать человек, получивших смертельные отравления угарным газом. Через некоторое время к месту аварии приблизился канадский транспорт «Сiyv de ore». Он сделал потрясающие фотоснимки и ушел, не оказав помощи.

В течение суток все попытки связаться

со Штабом флота и донести об аварии закончились неудачей.

10 апреля к лодке подошло болгарское судно «Авиор», с которого о случившемся удалось доложить в Штаб. Одновременно началась эвакуация экипажа. К этому времени в корме выгорели сальники размагничивающего устройства, и корма лодки стала заполняться водой. Какое-то время проникновение воды внутрь прочного корпуса удавалось сдерживать с помощью ВВД, но к 10 апреля весь запас ВВД был израсходован.

С этого времени лодка была обречена.

На третьи сутки после аварии к лодке прибыли советские суда «Саша Ковалев», «Касимов» и «Комсомолец». С лодки снимали оставшихся людей. Шторм не позволил взять лодку на буксир.

Говорят, когда командир К-8 капитан второго ранга Всеволод Бессонов докладывал в Штаб об аварии, то его спросили не о людях, а что с лодкой! «Вы бросили корабль?» После этого он понял, что должен умереть. Он вернулся на корабль и привел с собой почти всех офицеров — 21 человек. Командира БЧ-5, который говорил ему, что лодка теряет остойчивость, что идти опасно, он обвинил в трусости и выслал с корабля.

Зачем он повел на темный, заполняющийся водой корабль офицеров, один Бог ведает, но такое было время. Не повел бы —

отдали бы под суд, а там и расстреляли б. Вполне. А так — герой.

В 6.20 12 апреля К-8 затонула вместе со всеми, кто был на борту.

Всего погибли пятьдесят два человека. Семьдесят три спаслись.

Расчеты командира БЧ-5 были признаны верными, и все обвинения с него были сняты.

Погибших наградили посмертно.

До некоторых вдов награды так и не дошли.

О нем можно будет сказать потом, что глаза его не молчали.

Глаза — те окна, сквозь которые смотрит в этот мир душа, — не молчали. Они говорили, твердили, талдычили о том, чтоб мы не верили ни одному его слову.

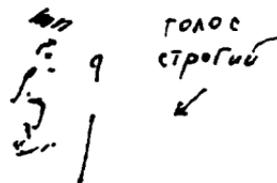
Трудно держать в уме подряд несколько правд. Какая-нибудь да выскользнет.

Выручает только жаргон.

Он отвлекает внимание и не дает сосредоточиться на выскользнувшей правде.

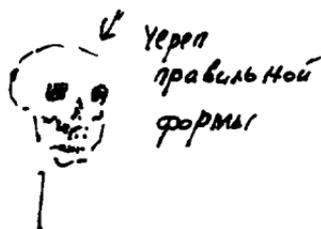
У наших господ мало, а то и вовсе нет времени на разум. Разум — это же ум, хотя

бы один раз, но если есть важная физиономия, густой строгий голос, делающий в словах ударения в правильных местах, и прочие орудия обмана, то ум становится лишним приобретением.

Избавление от него — во благо.

Ведь заведись в организме ум — там и до совести недалеко.

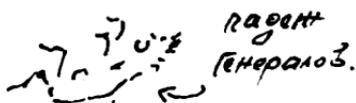
У всех правителей череп очень правильной формы. Конечно, когда при рождении его доставали все мы знаем откуда, то он был слабый, легко меняющий свои очертания, но потом, со временем, когда биография правителя начала выправляться, то и череп претерпел благоприятные изменения.

Теперь же какой только череп былого правителя ни возьмешь в руки — так и не можешь сдержать своего восхищения. Что ни череп — то шедевр костоправного искусства.

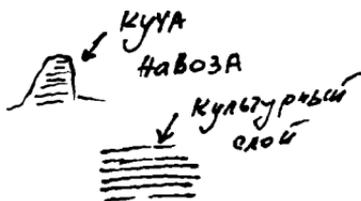

Интенсивный падеж генералов не может не радовать. Я вообще считаю, что вместе со званием «генерал» надо человеку вручать юбилейный револьвер. Ну, чтоб потом, на до-

суге, когда ему приспичит
подумать о брэнности, было
чем чесать во лбу.

Земля очищается. Это только сначала на
ней лежит куча навоза, а потом эта куча
превращается в плодородную почву, и выг-
ребные ямы только какой-то период служат
по своему прямому назначению, а потом они
уже служат культуре.

«Травля бедных остроумцев велась во
все времена. Остроумие всегда прижива-
лось не там, где приживалась власть.

Власть ею не венчана. Остроумцы взя-
ли на себя труд очищать этот мир от мусор-
ной кучи ходячих ошибочных мнений.

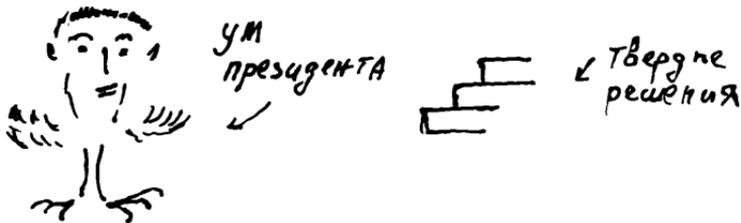
Власть же только тем и
занята, что рождает эти мнен-
ния с превеликим избыт-
ком».

Вольтер (вроде бы).

Все, что мы знаем о президенте, — это то, что он имеет ум.

Предположить противное было бы неразумно.

Не всегда все дается. И потом — эти твердые решения... Я не знаю ничего тверже этих решений — что тебе скала или алмаз — звук пустой.

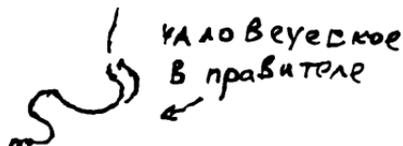
А тут... Я бы сравнил это все с ударом копытом осла.

Никогда не ожидаешь от осла ничего подобного — а вот и поди ж ты!

Именно в то место.

Никогда не теряю надежды обнаружить человеческое в правителе.

Пусть даже это будет самое что ни на есть неприличное.

19 марта 1906 года по указу императора Николая II в классификацию судов военного флота был включен новый разряд кораблей — подводные лодки. В состав Российского флота вошло 10 подводных лодок.

19 декабря 1900 года главный инспектор кораблестроения, член Морского технического комитета Николай Евлампиевич Кутейников составил «комиссию по проектированию полуподводного судна». Ее возглавил Иван Григорьевич Бубнов, корабельный инженер, преподаватель Николаевской морской академии и конструктор на Балтийском заводе. Подводные лодки тогда именовались миноносцами.

Проектирование началось с пустого места. В России к этому времени не было ничего, что касалось бы теории подводной лодки. Полный комплект чертежей миноносца разработал чертежник Яковлев.

5 июля 1901 года первая лодка была заложена на Балтийском заводе. 26 февраля 1902 года в список команды вошли «люди здорового сложения, хорошего поведения и некурящие» — 2 офицера и 8 матросов. Подлодку зачислили в состав судов флота 14 сентября 1902 года под названием «Миноносец № 150». В мае 1903 года ее спустили на воду. В начале июня ей присвоили наименование «Дельфин».

16 июня планировалось очередное учебное погружение у стенки Балтийского завода. Лодка была перегружена (из 34 матросов лишь четверо принадлежали к штатной команде «Дельфина», остальные были новичками). При погружении лодка опускалась быстрее обычного, и в люк хлынула вода. Спаслись 12 человек. Не пожелал спастись лейтенант Черкасов, замещавший командира Беклемишева, с ним погибли еще 24 человека. Комиссия, расследовавшая причины трагедии, нашла их в... «совокупности неправильных действий лейтенанта Черкасова».

Именно с этих пор, то есть с самого начала строительства подводного флота, в гибели лодок будут обвинять прежде всего экипажи кораблей.

Конструктивные недостатки «Дельфина», а кроме того, полное отсутствие на нем спасательных средств не взволновали никого — не хотелось сразу же отваживать людей от такого перспективного дела, как подводная война.

Зимой 1904 года подводные миноносцы «Дельфин» и «Сом» отправились на Дальний Восток по железной дороге. Лодки отправились на войну без оружия — мины для них не были готовы.

6 февраля командир Завойко доложил о готовности «Дельфина» к выполнению боевых задач. К этому времени лодку удалось

вооружить — для нее на месте переделали несколько мин Уайтхеда образца 1898 года.

«Дельфин» — лодка бензиновая. Бензин использовался в качестве топлива. Несколько взрывов подряд убедили конструкторов в том, что в выборе топлива была допущена ошибка.

Конструкторы будут ошибаться еще не один раз, и всякий раз это будет стоить подводникам жизни.

Подводный флот России прошел славный путь от «Дельфина» водоизмещением в 113 тонн и до 48 000 тонн «Акулы».

Он участвовал во всех войнах.

Через катастрофы и гибель людей в 2006 году Российский подводный флот пришел к своему столетию.

У важных господ мало или вовсе нет надежды на приобретение того, что называется дальновидность. Воруют.

Как это недальновидно!

Начальника отличает от других людей то, что он способен к немедленным действиям.

Слабые и порядочные все время сомневаются — справятся ли, и потому они не идут в начальники.

Начальники не сомневаются. Начальники не сомневаются никогда.

В самом конце начальник всегда говорит: «Я душу положил на алтарь Отечества!» — отчего у очень слабых и порядочных тотчас же

возникает вопрос: в какой момент своего правления начальник положил — в самом начале или же в самом конце?

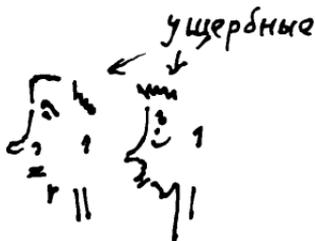
Потому что если он положил в начале, то далее он обходился совершенно без всего, если же это произошло в конце, то кому в конце нужна была его душа?

—

Лишения — вот чему надо подвергнуть каждого чиновника. Надо его подвергнуть, то есть лишить всего, а потом посмотреть — так ли он любит Отчизну милую, нет ли стений, не сыплется ли из него чего-либо — проклятия, например.

Союз — приют для ущербных. Сильным союзы не нужны.

А какие у нас все еще есть союзы? У нас все еще есть Союз писателей (и не один), Союз кинематографистов, Союз композиторов, Союз журналистов, Союз художников, Союз архитекторов и еще какая-то мелочь, загребаемая горстями.

Дело в том, что в Союзах остается еще кое-какая собственность, что не может не волновать.

А кого волнует собственность, оставленная пока еще союзам? Она волнует чиновников. Чиновник — это тот, кого волнует собственность.

Какая же защита от чиновника? Защитой от чиновника служит другой чиновник, принятый в Союз.

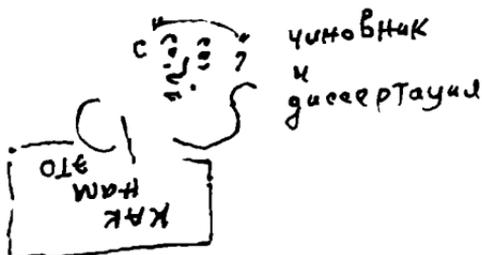
И не просто чиновник, а какой-нибудь губернатор.

Мало того что этим орлам пишутся докторские диссертации учеными, привыкшими

писать научные труды для собственного начальства, но их еще и в Союзы принимают.

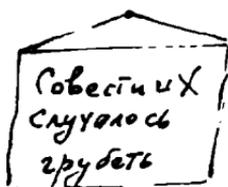
Но как приятно: губернатор-писатель, губернатор-композитор, он же — журналист и архитектор.

И не просто докторская диссертация на тему «Канализация огромного мегаполиса», а еще и небольшая сюита, сочиненная им по дороге в бу-

фет. Сказал три слова подряд — Союз журналистов, ткнул рукой схему метрополитена — Союз архитекторов, взял в руки кисть и положил ее на холст — Союз художников, чихнул — Союз ветеранов труда.

Господи! Пошли им всем огромное психическое здоровье.

«Совести их случалось грубеть от длительной привычки к греху!» — вот такую надпись я изобразил бы на специальной табличке, предназначенной для прикалывания на грудь всем усопшим чиновникам.

Я бы попросил у Всевышнего только об одной привилегии: лично ее туда доставлять.

Служба подводника считается одной из опаснейших специальностей на земле.

В подводники всегда шли самые отчаянные головы. С того момента, как они ступали на корабль, главным для них становилась способность действовать быстро, автоматически исполняя целый набор заученных движений.

Сигнал тревоги мог застать человека в любой миг. В это время надо было сначала выполнить ряд обязательных действий, а затем уже осознать происходящее — так подводник становился частью машины, поведение которой не всегда было понятно даже ее создателям — жизнь придумывает иногда невообразимые вещи.

С первого своего дня подводники будут тонуть, гореть, блуждать в дыму, задыхаться, падать с ускользящей из-под ног палубы за борт, замерзать в ледяной воде. Они будут проваливаться на глубину, и их тела вода будет рвать на куски вместе с металлом.

Смерть для них станет делом обычным, к ее присутствию потом привыкают.

Кто-то не выдержит и уйдет, но те, что останутся, станут самым надежным человеческим материалом.

Земля и все на земле будут для них нескончаемым праздником, а то, что там, под

водой — настоящей работой и жизнью. Вот поэтому все земные заботы представляются им одной очень большой ерундой.

Военно-морской флот — дорогое удовольствие. Подводный — тем более.

Одна подводная лодка может стоить столько же, сколько и маленький город.

Советский военно-морской флот был одним из самых многочисленных, а подводный флот страны Советов превосходил все подводные флоты мира вместе взятые.

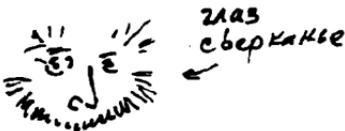
Сейчас это уже история. Флот пропадает на глазах, а подводный — пропал почти полностью. То, что имеется, доживает отпущенные ему дни, то, что создается, безнадежно отстает уже на стадии зарождения.

Все, что есть у России сегодня, — это остатки. Флоту в России не привыкать погибать.

Он погибал очень часто.

Нужен ли России флот?

Похоже, этот вопрос до сих пор не решен.

глаз
сверкающие

Украшением власти служат ум и глаз сверкающие. Причем одно абсолютно не смотрится без другого. Я осмелюсь

даже предположить, что одно без другого просто не существует.

Если есть у власти ум, то сейчас же жди сверканья, и если получилось сверканье, то вот вам и ум.

В общении друг с другом чиновники более всего полагаются на интуицию, на взор, на взгляд, на наклон головы.

Для этого им совсем не нужно слов, а такое слово, как «деньги», вообще не произносится, в нем нет никакой необходимости. Все угадывается по радости в уголках глаз. Капнуло — и радость, капнуло — еще одна. А иначе зачем? Ради чего? Во имя чего?

А иначе все превращается в обыденность, в мысли о том, как сдержать инфляцию. Причем эти мысли — правило игры. Об этом принято говорить. Сказал: «Надо сдержать инфляцию!» Тебе ответили: «Надо сдержать!» — значит, свой.

Для несвоих существуют походы премьер-ра на коровьи фермы.

Там изучается вопрос.

Все это напоминает сельские новости из радиоточки. Новости — сами по себе, грязь — сама по себе.

И все уже понимают, что если говорят о снижении налогов, то это означает, что ско-

ро их будет больше, а если говорят о пенсиях, — цены подскочат.

Производство? Да? У нас есть производство?

Сельское хозяйство — и его тоже нет.

Совсем нетрудно понять то, о чем говорят чиновники.

Каждая чиновничья мысль — это отрицание истины.

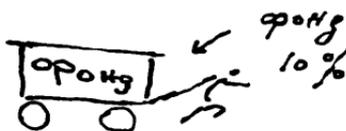
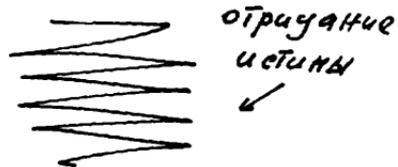
И предела никак не достичь.

Чего только стоит этот, как его, фонд! О каких только процентах я не слышал — и десять годовых, и два годовых, и три с половиной.

Он нужен для того, чтобы «чуть чего». А «чуть чего» уже случилось, но в Америке. То есть это «чуть» — для Америки?

И есть, наверное, управляющая компания, которая всем этим фондом управляет, и есть, наверное, комиссионные, выплачиваемые той компанией, что продает нам бумагу, тем, кто эту бумагу за нас у них покупает.

И все понимают, что это деньги, которые уже никогда не будут деньгами, и что есть совершенно другие деньги, на совершенно других счетах, но все молчат — тсссс! — правила игры.

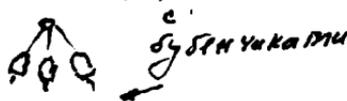
Мы совсем ничего не сказали о верхушечном украшении власти, а ведь оно и бросается в глаза прежде всего.

У всего, знаете ли, есть верхушка, у власти тоже, и вот на этой верхушке должно быть украшение. Не что-то такое развесистое, чтоб издалека было видно, но нечто благородное, подчеркивающее, так сказать, чтоб окружающим... и вообще...

Я считаю, что это честность.

И обязательно чтоб она была с бубенчиками.

украшение

Вот я все думаю: танцуют ли наши начальники?

Приходит мне на ум, что танцуют.

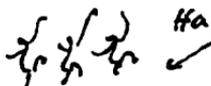
А раз танцуют, то и кокетничают.

Вот оно откуда все берется.

Вот мы и нашли первопричину гнусности, подлости, сальности и воровства.

танцующие

начальники

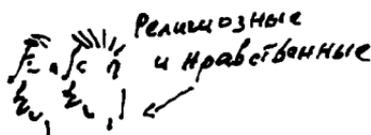

«Религиозные и нравственные качества наши были в точности такими, какими мы сами их себе представляли!»

Не пугайтесь. Это эпитафия.

Религиозные

и нравственные

Палуба уходит из-под ног, и я лечу вверх тормашками, а потом просыпаюсь и понимаю, что это сон.

Мне снится подводная лодка и то, как мы проваливались на глубину. Мы успели провалиться на пятьсот метров, а потом кормой выскочили на поверхность, а под нами было пять километров. Долго падать? Да нет, совсем не долго.

Когда снится такое — это самый крепкий сон.

А еще снится строй, мы стоим на пирсе, и нам что-то говорит старпом. Что он говорит? Не слышно что-то.

Подводникам часто снится лодка. Лихое было время, и мы сами были лихие.

Жизнь на земле — великий праздник. Под водой — работа, работа, работа. По две вахты в сутки, по четыре часа каждая. Трехсменка. Двести пятьдесят суток в году. А по триста можно? Можно, но только как бы не тронуться, не рехнуться.

И никто не говорит «последняя автономка», нельзя говорить «последняя». И «лучший экипаж» говорить нельзя. Лучших забирает море. Нет, нет, мы не лучшие, мы обычные, таких много.

И отпуск никогда не давали догулять сполна. Все время отзывали — и снова в море.

Тогда готовились к войне. К большой вой-

не. Все время готовились. Вот эта готовность к войне нас и отличала.

Сейчас вглядываюсь в фотографии тех лет. Многих ребят уже нет. Хорошие лица. У подводников хорошие лица. И фотографировать тогда не давали — всюду секреты — но мы друг друга щелкали. Втихаря.

А дома — жена и дети. Дом — маленькая квартирочка с холодными батареями.

Люди с хорошими лицами должны жить в маленьких квартирочках с холодными батареями.

И снег. На севере всегда снег, снег. Солнце и снег. Ветер в лицо. Твердая ледяная крошка сечет лицо в кровь.

Подводники бегут на лодку по штормовому предупреждению.

Ветер такой, что валит на землю, а мы бежим, бежим. Ночью, конечно. Я столько раз бежал ночью.

А лето только два месяца, но снег пойти может. Северный флот. И так десять лет. «Главное — это люди». Так говорили. Такие были лозунги. Я их запомнил.

Любые перемены в армии — во благо. Любой застой генералов — во вред.

Генералы, как и говно в организме, — должны идти.

Генералы
должны
идти

НАТО встанет на наших границах. Обязательно. Если б я был НАТО, я именно так бы и поступил — встал бы.

Грузия и Украина уйдут, а там и Армению уговорят — ей очень хочется в Евросоюз.

И все эти мечты о том, что Украина расколется на две части, — это все извлеченное на свет Божий детское место, там ребенка давно уже нет.

Продажны все, так что купят, кого еще не купили, и «Севастополь, Севастополь, город русских моряков» будет городом натовских моряков. Наши официальные органы возмущены, естественно, но это у них такие настольные игры.

Они же нас забором окружают. Вот за их забором мы и будем жить.

Чтоб не баловались.

Завоевывать нас никто не собирается — территория никому не нужна. За ней же ухаживать надо — мыть тротуары с мылом, например, и людей воспитывать. А кому охота мыть наши тротуары? Это мы сами когда-нибудь потихоньку научимся. Под их наблюдением.

Встанут — Буш не зря прилетел.

Все-таки ведущая экономика мира, и даже если их доллар до рубля упадет, то ничего им не сделается. Они эти свои неудобства по всему миру размажут, и попле-

тутся все другие экономики подсчитывать свои убытки.

И евро никуда не денется.

Конечно, можно продержаться какое-то время, принимая в Евросоюз новых членов, но часть американских долгов европейцы все равно на себя берут. Дважды два всегда будет четыре.

Это у нас дважды два получается двадцать четыре: двадцать воруем, четыре в уме, — а все остальные же нормальные люди.

А вот когда они встанут на наших границах, то тогда и о суверенитете еще каких-нибудь наших республик можно будет подумать.

Уже сейчас наш Северный морской путь вызывает беспокойство у соседей по планете — правильно ли мы там все делаем, не гадим ли? И наши мысли насчет шельфа в Северном Ледовитом океане тоже кажутся всем очень подозрительными. А еще Америка озабочена вопросами справедливости — ей кажется, что Россия несправедливо владеет Сибирью. Реки все еще полны чистой воды — а за нее войны будущего, и лес мы бездумно вырубаем — и здесь нужен глаз мирового сообщества, и главное наше сокровище — газ — тоже почему-то достался не всей планете.

А союзников у России всегда было только два — ее армия и флот, но и эти уже почти отпрыгались.

С промышленностью мы справиться не можем, а из сельского хозяйства у нас осталось только само министерство.

Так что за нами приглядывать надо.

—

Душа, душка моя ненаглядная! Ну до чего же хороша!

До чего хороша она — душа чиновника. Она и умна, и чувствительна, а где надо — и богобоязненна, да, очень богобоязненная. Чуть чего — разом за свечку, и уже стоят, причитая: «Господи, помилуй!»

Суки.

Не помилует он вас, суки, еще раз!

—

Спится чиновникам крепко. Совесть их имеет довольно других хлопот, ей некогда нарушать их покой. Она гостит у Праздности в обществе Похоти.

—

Россия — страна дворцовых переворотов. Тут правителя убивают ради правителя.

Тут все сделают тихо, но шило из мешка все равно будет торчать.

И не одно — ежик из шил.

Тут все должны соблюдать правила, а потом в какой-то момент — раз! — и все смешали — и на дворе уже новые правила.

И все временное — все на время. Дали покататься — а потом удавили.

То ли царя, то ли Бориса.

Новым страшно, потому что придет время, и они уже будут не такие новые.

Тогда приходит усталость.

Усталость от всего.

Потому что все ненадежно, не на кого опереться. Заверения — блуд.

Закона нет.

Есть только разговоры о законе, мысли, мечты — пустая болтовня вечера.

А ведь все в природе по закону — и не по одному.

Нет закона — идешь против природы, а она вечная.

А ты — только замахваешься на идею вечности.

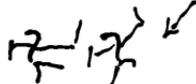
Когда сын министра старушку на зеленом переходе, и ему за это ничего — это феодальное право.

Они феодалы. Готы на Руси.

Без закона нет будущего.

Значит ли это, что у России нет будущего?

Значит.

Готы

—
Будет ли Честь драться на дуэли? Не-а. Переродилась. Ей не до дуэлей.

—
Застрахован ли я от всякого соблазна покуситься на ... ? Застрахован. Почему и живу так весело.

—
Рассуждения о том, что нашей губернии начальник время от времени впадает в состояние глубокого счастья, я лично воспринимаю без тени улыбки.

А все потому, что я не питаю никакого отвращения, никакой ненависти и никакого предубеждения ни против самого начальника, ни против этого его недуга.

Мало того, я убежден, что от природы начальник наш награжден некоторой закваской, которая нет-нет да и подарит ему те минуты, когда он готов пускать радостные пузыри от любой ерунды.

закваска

—
Про НАТО меня уже спрашивали. Недавно позвонили и спросили еще раз. Это форма такая — звонят корреспонденты какого-нибудь печатного органа и спрашивают: «Ваше мнение о том, что НАТО

встает на наших рубежах», — и я отвечаю. Только я отвечаю каждый раз по-другому. Ну, чтоб самому было интересно.

НАТО

В этот раз я ответил: «Это отлично! Наконец теперь мы сможем сказать не просто «НАТО», а «товарищ НАТО». Оно, как только там встанет, на наших священных рубежах, так сразу же и превратится для нас в старшего товарища.

И оно нам будет указывать на что-нибудь, а мы это «что-нибудь» будем исполнять, и с нашей стороны это будет называться «адекватно реагировать».

Например, они скажут нам:

— Вы там коррупцию свою преодолели?

А мы им:

— Вот только что и преодолели. Всех своих чиновников посадили на пятьсот лет каждого, а деньги у них отобрали и старушкам раздали!

— А пенсии свои привели в соответствие с нашими стандартами?

— Привели! Минимальная пенсия теперь 400 евро!

— А со счетами своих чиновников в наших банках разобрались? Это ж форменное безобразие! Они же со своими ворованными долларами лезут в нашу экономику! Они скоро всю нашу демократию с потрохами купят!

— Только что разобрались! Просим пе-

ревести их вклады назад в Россию, где мы их скормим сиротам.

— А как у вас с природой? Природу сохраняете? Не заливаете нефтью уникальную тундру?

— Сохраняем, сохраняем! Для себя мы бы, может, и не сохраняли, но для вас... Вот только что и начали сохранять! Прямо перед вашим вопросом!

— А как у вас с продуктами?

— Налаживается! Мы ваших фермеров завезли, и они такие урожаи на наших пустырях стали собирать — вы не поверите!

— А дороги?

— И дороги делаем! Под ваш стандарт!

— А мусор?

— И мусор убираем! И перерабатываем его! Представляете? И это так выгодно оказалось! Мы теперь из мусора природный газ получаем!

— И подметите в городе!

— Уже подметаем!

— И помойте там!

— Уже моем!

«Вы, наверное, шутите? — сказали мне в трубку. — Смеетесь?»

— «Ну что вы! — ответил я. — Я плачу!»

Насчет чиновников — это мое, любимое.

Люблю выписывать всякие их детали, деталюшечки.

Чиновники — это такая метахондрия, которая все никак не приживется на нашем организме, потому что ведет себя как вирус — жрет.

Книгу «Мертвые уши» сдал в «Новую». Хотят издавать. Жду. Спрашиваю с болью: «Кадыыыы?!»

Мне прислали письмо: «Уважаемый Александр Михайлович! Я, как председатель Самарского Славянского клуба, изучив вашу родословную, считаю, что Вас необходимо принять в наш Славянский клуб почетным членом, без предварительных условий: Остальные истинные славяне: Рапопорт Яков Эдгарович, Эйдлин Григорий Самуилович и кандидат в члены клуба Хахалин Роман Альфредович — разделяют мою точку зрения.

Председатель Самарского Славянского клуба Курт-Аджиев Сергей Османович».

Я ответил, что я вступаю только в «Истинно Славянский клуб», и потому туда, где «не истинно», меня лучше не звать. Я от-

метил также, что чувствую, что руководимый Сергеем Османовичем клуб является таковым. Вот только название надо бы подправить. Добавить слово «Истинно». Относительно же борьбы со всякими проявлениями следует отметить, что в «истинно славянском» не с чем бороться, потому что все, что «не истинно», с порога отвергается.

Истинно же славяне постоянно пребывают в благодушном расположении духа, позволяя всем остальным славянам совершенствовать себя, для того чтобы в конце концов достичь состояния истинности.

Рекомендация молодой девушке, приславшей мне письмо: «Слово „респект“ режет ухо старым козлам, интересующимся молодыми девушками». Может, «решпект» писать? Я даже не знаю. Не то чтобы я за чистоту русского, э-м... языка, нет. Русский язык, э-м... не нуждается ни во мне, ни в прочих очистителях. Он сам очистится. Со временем. Как ручей, оставленный в покое. Что-то останется, но сгладится. Люблю его. Вкусный.

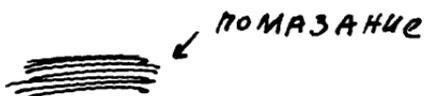
А в «Бортовом журнале» я пишу все короткое, замаскированное под доброжелательность.

Моя
R-3A

Последняя поза моя дышала спокойствием и благородством.

Приятно быть помазанным на что-то приятное.

А вопросы «как помазали» и «чем помазали», на мой взгляд, совершенно лишние.

Глупость не свойственна нашим правителям. Им свойственна мудрость. Она в каждом слове, а также в каждом предложении, обращении, заявлении, уверении, подведении, опровержении. Она видна даже в недомолвках, в паузах, в запятых, в позах, в поворотах, в наклонах. Она во всем.

Если б они при этом еще и головой трясли, то она была бы и в тряске головой.

Представим себе на секунду, что у всех них выросли крылья. На манер ангелов. Белые такие — перышко к перышку. И они с этими

крыльями проводят все время, потому что их никак не снять, не отстегнуть. И заседания они проводят с крыльями, и в Думе выступают. Здорово.

Особенно все это хорошо смотрится в общественном туалете, при попытке оседлать унитаза.

Некоторые почетные граждане нашего города извинились перед еще более почетными.

Как это случилось?

Видите ли, эти почетные граждане поставили свои подписи под письмом, в котором говорилось, что в нашем городе разрушаются старинные здания; но потом, когда им объяснили, что на месте тех самых старинных зданий, что на непросвещенный взгляд обывателя, так безжалостно истребляются, будут построены точь-в-точь такие же здания, но из современных материалов, они — те почетные граждане, как и примкнувшие к ним, отозвали свои подписи под тем письмом и принесли свои глубокие извинения.

Здорово!

У меня трижды отнимали Родину. 20 лет я защищал Советский Союз — нет теперь Советского Союза.

А потом у меня отняли город Баку — ро-

дился я там. Красивый, между прочим, город — выперли в один миг.

А теперь у меня отнимают Петербург.

По кусочку.

По чуть-чуть.

То сквер исчезнет, то старинная ограда сменится блистательным новоделом.

В этом городе жил мой прадед — профессор медицины. Здесь жила моя прабабушка — урожденная княжна Вяземская.

И еще один мой родственник здесь долгое время жил — князь Вяземский Петр Андреевич.

Нет, нет, мне не нужны титулы, и даже на родство с Петром Андреевичем я не претендую.

Я претендую на родство с этим городом, с камнями его мостовой. Тут мои предки кровь свою лили.

Тут Пушкин написал: «Твою погибель, смерть детей, с жестокой радостью вижу...», а Лермонтов: «Вы, жадною толпой стоящие у трона...»

Тут столько всего было.

Тут Гоголь писал свой «Невский проспект», а Карл Брюллов — портреты. На них удивительно одухотворенные лица.

Я живу тут 21 год.

Я родился в Баку, я защищал огромную страну, и потом меня — бездомного — этот город принял.

Я люблю этот город. Я люблю даже его торжественную мрачность, его нелюдимость и даже то, что он совсем не нуждается в своих жителях.

Но я в нем нуждаюсь. Я нуждаюсь в нем все время, каждый день, каждый миг.

Мне нужны его проспекты, его шпили, его небо, его купола.

Мне нужны его летящие в небесах ангелы и то, что выше них не должно быть никаких зданий, потому что над городом — так задумал великий Петр — вместе с ангелами реет сам Бог.

Мне нужны его улицы, дворцы, дома, парки, сады.

Мне нужен мой тополь. Ему было 125 лет, и он рос перед окнами дома, в котором я сейчас живу. Это был сильный, здоровый тополь — ни одной червоточины.

Его срубили ночью.

Как украли.

Срубили, расчистили под пустырь и ставят теперь на этом месте бетоностекляшку.

Мне не нужны лубочные кирпичи Петропавловской крепости и пыль от строительства бесконечных торгово-развлекательных комплексов.

И мне не надо, чтоб кто-то сначала разваливал до основания старинное здание, а затем на его месте поставил железобетонную основу, на которую потом будет нало-

жен грим «с точь-в-точь с такими же барельефами».

Вы мне оставьте кирпичи. Там каждый кирпич с фамилией. Люди строили этот город и гордились тем, что они его строят. Они писали на кирпичах свои фамилии. Это именные кирпичи.

Те кирпичи и через сто лет не берет электродрель — ломаются сверла.

И к этим кирпичам они готовили специальный раствор. На совесть. Они клали кирпичи на совесть.

И вода в подвалах у них стояла только во времена наводнений, а не так, как сейчас.

Они хотели остаться в памяти потомков.

И они остались.

А теперь эту память — бульдозерами.

Страна непуганых. А все, что не пугано, то растет.

Чиновников — как вшей на тифозном.

Если верхний клык в челюсти не встречает сопротивление нижнего — ну нет его, этого нижнего, вырвали — то и выдвигается он из челюсти, превращаясь в клык Бабы-яги.

А бабушка все прихорашивается и на смотрины все ходит, на красоту свою намекая.

И в балах участвует, порхать все пытается в атласе да в парче заморской.

И речи умные говорит — не зря хлеб-то кушаем.

Но как ни старается бабушка, а все одно — клыки-то торчат. Ведьма.

А ведьма — потому что ведает, что творит.

Страна ведьм.

Им тут конца не видно. Обложили. Племя. Это то племя, которому не хочется говорить «Здравствуй!».

Ему хочется сказать «Сдохни!».

—

Мы — цивилизация, порождающая мусор.

Вернее, из-за неспособности его перерабатывать нас и цивилизацией-то назвать очень трудно.

Дрожжи

Более всего мы напоминаем пивные дрожжи, которые только едят и гадят под себя, а потом отходов жизнедеятельности становится столько, что жизнь дрожжей просто останавливается, прекращается и... пиво созрело.

Люди никак не могут согласиться с тем, что Земля живая, и, например, землетрясение в Китае они считают несчастьем, трагическим стечением обстоятельств.

Гниющий мусор — это прежде всего метан. Он способен вызвать куда больший

парниковый эффект, чем пресловутый углекислый газ.

В некоторых странах уже существуют заводы по сортировке и переработке мусора. С каждым днем их становится больше. Что же Россия? Что-то есть и у нас. В Москве есть завод да в Петербурге еще один.

А у наших северных соседей мусорные машины уже ходят на биогазе, и заводы по переработке мусора напоминают именно заводы — современные, чистые.

Я как-то спросил у одного чиновника в Карелии:

— Почему бы не купить именно такие заводы?

— Время не пришло. Мы мусор будем жечь. Нам нужен завод по сжиганию.

— Но перерабатывать же лучше, в том числе и для природы.

— Пока мы освоим эти технологии, мы от мусора умрем.

— Но биогаз? Вся Европа...

— У нас есть природный газ.

Вот и весь сказ. Есть природный газ и есть так называемые полигоны — место для своза мусора.

Нагадим здесь — перейдем на следующее место.

Бюджетные деньги выделяются не на переработку мусора. Они выделяются на помещение его на полигоны. Вот и осваи-

ваем. Территории. А потом эти территории назовем Родиной.

Россия не Китай. Авось не тряхнет.

Мозг мой воспламеняется от одной только мысли о наших несомненных успехах.

И сейчас же рисуются картины будущего: все женщины идут по полю, в сарафанах, а мужчины с косами, в рубахах навывпуск.

Под картиной надпись: «Кризис во благо».

«Бедняга жил в темноте!» — так и напишут на его могиле. Я бы хотел, чтобы эта надпись украшала каждую могилу каждого члена Законодательного собрания.

Не знаю, подлинно не знаю, зачем я в общении отмечаюсь.

Ведь я же тут. Весь. Абсолютно. Я же...

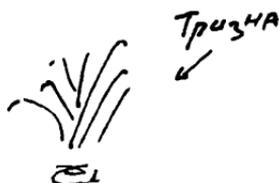
Но новому начальству видней...

Оно-то — ого-го-го — новые виды имеет. И виды эти... Отечество... господа... тризна... Отчизна...

И только и делов-то, что приказать, а я-то... Мне скажи только: «Ну что, старик, готов?» — А я: «Готов, ваше сиятельство!»

С тем бы и полетели.

На хер.

—

«В этом деле нет никакого другого искусства, кроме того искусства, что уже был. Словом, борьба, обращаю ваше внимание на глубинное значение этого слова, борьба, господа, предстоит нам нешуточная. Борьба с тем самым злом, неотъемлемой частью которого мы с вами и являемся. Многие канут. Многие останутся без ничего. Но надо, господа! Надо начинать! Не надо слез! Не надо того, что называется муками! Все...» — и дальше речь оборвалась. Автор скончался.

То была речь о коррупции.

—

Премьеры иногда возвращаются. Говорят, преступников тянет на место преступления.

Разъятие плоти хорошо только в том случае, ежели то плоть чиновника.

И не любознательности ради, а только лишь в поисках истины.

Я убежден, что истина скрывается от нас именно там.

Сердце мое окончательно установилось на своем месте, когда я услышал о том, какие меры принимаются для спасения России.

Я давно убежден, что Россию надо спасать. И делать это надо постоянно с благородным выражением лица.

Благородное
вращение
лица

Трудно себе представить иное выражение, когда дело касается любезного Отечества, и все-таки на секунду я себе его представил.

Ну что тут сказать? Мерзость, господа, мерзость.

— Как же это? Что это? Не прерывайте меня! Дайте же мне сообразить! Как это «У нас ничего нет своего?» — Так! — сказали мне, после чего что-то упало у меня в грудях.

— Да неужто? — сказал я себе. —
Ужто! — сказали мне и рассыпались в прах.
То была сцена из «Макбета».
При жизни Шекспира игральный вариант.

—
За старинным зданием Военно-Морского музея на стрелке Васильевского острова показалось новое здание — настоящий архитектурный шедевр. Боюсь, что скоро весь Петербург будет выглядеть именно таким образом: за дворцами будет выситься стеклянноплиточное нечто.

Немедленно хочется узнать фамилии всех тех, кто в этом деле участвовал.

И вообще, хочется знать: есть ли у нас в городе главный архитектор, и если он есть, его имя должно быть у всех на устах.

Можно, конечно, обладать невеликим художественным вкусом.

Можно, в конце концов, вообще не иметь никакого вкуса, но и в том и в другом случае это должно быть делом частным, личным.

Ну нет вкуса, не повезло, сочувствие хочется выразить.

Нет вкуса — считай, калека.

И все бы ничего, вот только этот калека навязывает свое убожество всему городу.

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный! — воскликнул как-то Александр свет Сергеевич.

А тут возвели памятник рукотворный. Не боится ни памяти людской, ни вечности.

Бедный Петр Великий! Бедный Павел! Цари Николаи, цари Александры! Ох и вворачаются же они в своих гробах!

Ох и ежатся! Отдали дитя свое в руки простоядином, вот вам дитя-то и искалечат.

Есть такое очень мягкое определение пошлости: «Пошлость — это неправильно понятая ценность».

Что-то многовато ее нынче. Тонет в ней город.

И такие вот «дивные» исполины обступят со всех сторон маленькие игрушечные дворцы.

Поднимутся к небесам страшные стекляшки, а все прекрасное омельчает, съежится, уйдет вниз.

И над ангелами, хранящими этот город, станут реять совсем иные ангелы.

«Меня редко удавалось провести фальшивыми звуками. Строгие позы и важные физиономии также не производят на меня ни малейшего давления.

Другие же орудия обмана — торжественные голоса, например, оказывают на меня такое же действие, что и птичий по-

Александр Покровский

мет, слетающий с небес, — я сейчас же начинаю очищаться.

Отсюда — судорожное очищение мною своей одежды прилюдно может означать только одно — мне лгут.

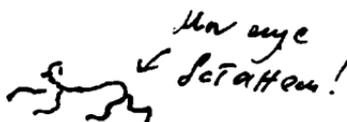
Монтень.

—

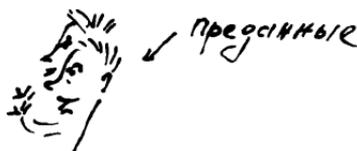
Моего слуха коснулось вот что: «Мы еще встанем!»

Никак не могу понять, почему мы все время ложимся?

И что это за положение такое, при котором надо эпизодически вставать на карачки?

—

Преданность, Ваше Высокопревосходительство, всякое испытание превозмочь может.

Оттого и множатся они. Преданные.

И в кручине утешат, а уж в радости-то, в радости-то, Господи, в радости-то как они спляшут!

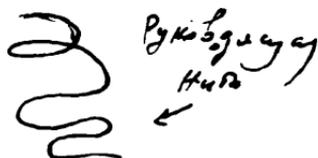
И сопельки утрут, ежели таковые от страха из носа выступят.

В России конституционное начало должно быть разлито везде. Куда ни кинься — а там начало.

Многоголовое.

Но если уж есть начало, то и конец должен быть, я полагаю.

Интересно, как выглядит конституционный конец?

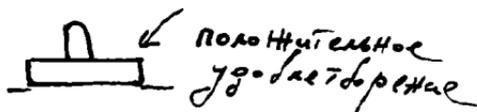

Руководящая нить в нашей конституции — это веселая ее сторона.

У нас веселая конституция, в которой что ни статья, то настоящее,

всенародное веселье.

Я не представляю себе иной конституции. Например, я не представляю себе угрюмой конституции, где что ни статья — то плач.

Все должно быть улажено с положительным удовлетворением, чтоб не имели место

всякие там опасения, что не всем членам Законодательного собрания хватит по куску.

Все должно быть с твердостью и достоинством.

Берем, значит, по куску и отправляем все это, раскрывши широко, привольно... только во благо, смею заметить... только во благо... Отечества, Отчества... Отчизны... да так, что и слеза невольная, бывало, побежит да и капнет прямо-таки в тарелку.

Истинное, смею заметить, господа, искусство управления заключается не в строгости — нет, не в строгости оно заключается, нет — но в том благодушии, которое в соединении с прямодушием извлекает на свет Божий дань благодарности из самых черствых и злобных сердец.

Каждый день в течение по крайней мере десяти лет мы с самого утра пытаемся поправить наши дела. К обеду желание это только укрепляется посредством поглощения первого и второго. После обеда начинает казаться, что дела идут, в общем-то,

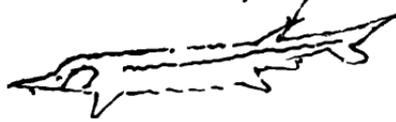
не так уж и плохо, и до ужина только ворошим на столах бумаги, полагая, что на ужин ожидается холодная севрюжина.

После севрюжины — пока она угасает в желудке — кажется, что дела идут просто отлично.

С последним сигналом, полученным от самого труднорастворимого куска оной, приходит чувство беспокойства и неуверенности в завтрашнем дне.

Всю ночь хочется перемен.

севрюжина

Удивительно! А что нам удивительно? Нам все удивительно! Мы постоянно находимся в состоянии удивления относительно того, сколько тратится времени и сил для поддержания нравственности в народе.

нравственность?

Для поддержания нравственности лучше все подходят очереди, ибо нет у нас ничего более нравственного, чем очередь. Встал и сейчас же узнал свой номер.

Это знание так успокаивает.

—
Меня спросили о фосгене.

5 июня около 11 часов утра в городе Цицикар (китайская провинция Хэйлунцзян, граничащая с Россией) при разрезании поступившего на утилизацию газового баллона произошла утечка неизвестного газа, повлекшая смерть троих и отравление еще восьми человек. Установили — газом был фосген.

До нашей границы 300 километров, а до ближайшего нашего населенного пункта — 500 километров. МЧС развернуло всю свою деятельность, армия находится в полной боевой готовности оказать МЧС всяческую помощь.

Ну что ж, отлично. Бдительность не повредит — мало ли чего еще там китайцы у себя разлили.

Можно, конечно, при этом делать себе ответственные лица. Когда я это все вижу по телевизору, то у меня возникает ощущение, что ребята в школе очень плохо учили химию.

Что же касается фосгена. Если он был в баллонах, то это боеприпас. Просто так его в баллонах никто не хранит. Фосген — боевое отравляющее вещество удушающего действия. Стоял на вооружении в Первую мировую войну. Смертельная концентрация от 0,01 до 0,03 миллиграмма на литр. Дос-

таточно воздействия этой концентрации в течение одной минуты.

Антидота нет. Главная защита — фильтрующий противогаз.

Фосген получается и в мирной жизни — это промежуточный продукт при производстве пластмасс. По одной трубе поступает окись углерода, по другой — хлор, при соединении этих двух труб получается фосген.

Он очень прост в производстве. Боевое применение затруднено — трудно создать боевую концентрацию, он легко рассеивается ветром. Так что на 300 километров до нашей границы его не хватит, а чтоб хватило, его там вагонами надо лить, а если лить вагонами, то он уложит всех китайцев, но и тогда до наших границ еле дотянет. При больших концентрациях он «пробивает» шихту фильтрующего противогаза, так что в этом случае нужен противогаз изолирующий. Через кожные покровы не действует. Вызывает отек легких и смерть от удушья.

Обладает запахом прелого сена и скрытым периодом воздействия. То есть отек легких развивается у пораженного не сразу после смертельного вдоха, а только через несколько часов после воздействия.

Происходит все очень быстро — человек просто падает на землю, легкие заполняются плазмой крови, и тогда человека не спасти.

Влага воздуха разлагает фосген на угле-

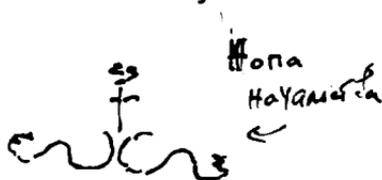
COCl₂ - фосген

кислый газ и пары соляной кислоты. При попадании в воду он медленно разлагается на те же составляющие. На солнечном свете и при нагревании разлагается на угарный газ и хлор.

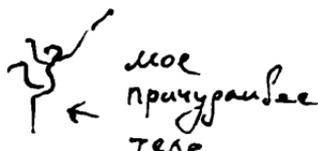
Как боевое отравляющее вещество он особенно хорош при выкуривании террористов из городской канализации.

Начальство всегда спасает свою жопу.

Чем выше начальство, тем больше у него жопа и тем больше времени требуется на ее спасение.

Господа ежемесячные обозреватели! Как решились вы настолько изрезать, искромсать мою душу, которая и так потерта и растерзана до нитки?

Неужели же мое причудливо искривленное тело или только одинокая часть его, висящая втуне уснувшей летучей мышью, не внушает вам христианского сострадания и мысли о том, что мое природное стремление к гармонии заставит мигом подкрутить все струны моей томящейся души, дабы исторгнуть звуки, так приятные окружающему слуху?

«Жалкое, несчастное, упыристое создание, бессильное уйти от ударов судьбы. Разве ж мало в нашей жизни поводов для горя, чтобы добровольно прибавлять к ним новые, увеличивая число наших бедствий? Вотще! Изыди! Сгинь! Пропади!» — вот какие мысли приходят ко мне при одном только взгляде на этот портрет.

«Иди, бедняжка, жри кашку!» — услышал я недавно, проходя по улице, разговор двух дворничих. Слух мой обладает необходимой клейкостью. Неласковые звуковые колебания немедленно становятся его добычей.

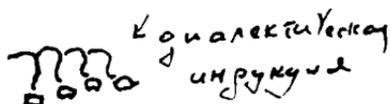
А еще меня поразило то, что, ругаясь, дворничихи немало подпрыгивали на манер реверанса, а метлы и совки они держали так, будто это были края бального платья.

Наш путь во мраке можно отметить осторожными наблюдениями и умозаключениями, по аналогии образующими процесс доказательства, называемый классиками диалектической индукцией, выставляемый

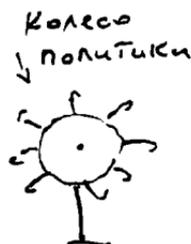
Александр Покровский

оними как наиболее верное и истинное положение вещей, людей и событий.

Почему они должны быть осторожными? Потому что, бредя во мраке, пусть даже вооружившись самыми светлыми намерениями, вы рискуете стукнуться головой о поминутно встречающиеся столбы и вышибить себе все мозги или только их часть, отвечающую за эту самую индукцию.

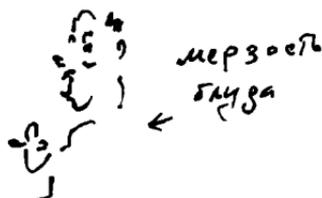
Справедливости ради надо отметить, что бредущие во мраке с осторожностью, никоим образом не застрахованы от падения носом в клоаку. Кроме того, они никак не убеждены от нападения ученых мужей, всегда готовых сотворить им увечье. Те мужи несутся на алчущих логики с напряженными членами, изготовленные к плевку, а на переднем плане нарисованной нами картины государственный муж крутит колесо политики, как идиот, против потока развращенности, вместо того чтобы следовать за ним.

Все наши потуги на экономической ниве вызывают к жизни следующие размышления: лишь бы ребенок был честно зачат.

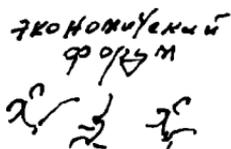
Помилосердствуйте! Мы и честности!
Сумятица, галиматья, дурь несусветная!

Разве ж имеется на сей счет хотя бы ма-
лейшее опасение? Мерзость блуда и иные
политические деяния давно
уже стали отвратительны лю-
бому из наших величайших
патриотов. Ну конечно же мы
честны — а как же иначе!

—

Есть все основания пуститься в пляс: у
нас есть экономика. Самым ярким призна-
ком ее наличия является форум.

Цель, таким образом, достигнута — вот
оно, а то мы все думали, что все это по-дру-
гому называется.

—

Дети — штука волнительная.

Он еще маленький. Ему уже двадцать
два, а он все еще маленький. Такое иногда
несет, что просто за голову хватаешься, а
потом думаешь — это пройдет, ты себя
вспомни, ты в этом возрасте тоже нес та-
кое — мама не горюй.

Он поумнеет. Ничего. Главное — парень добрый — это важно.

И еще у него повышенное чувство справедливости, если так можно сказать.

Просто каменным становится, если видит какое-то зло. Каменный, ершистый.

И здорово, что он начал учиться. До этого момента, по-моему, учились только мы с его мамой.

И еще он готовит. Это его домашнее задание. Любит готовить и нас кормить. Просто сияет, когда мы хвалим его стряпню. Вкусно. Это его бабушка научила. Он должен в доме делать что-то, чего не делаем мы. Мы в нем нуждаемся — это важно. Тогда дом будет крепким.

И еще мы перезваниваемся: «Алло! Я доехал!» «У тебя все хорошо?» «Все хорошо!»

Такие небольшие послания — я с тобой, я рядом. И прикосновения нужны. Очень. Я все думал: откуда это у нас, а потом понял — от обезьян, животное чувство. Подбежать, потрогать и отбежать. Это важно. Важно прикасаться. Просто так, подошел и коснулся.

А лучше — обнять или прижаться. Голова к голове. Такое необходимое, мягкое напоминание — я тут. И в груди сейчас же разливается радость.

В этом мире есть только любовь. И еще терпение.

И еще терпеливое ожидание любви.

Клянусь всем, что есть, и тем, чего нет, но что должно было быть!

Если бы во всем мире остались только три капли смысла, я бы отдал их ему.

Ему! Ибо кому еще нужно отдавать то, что является смыслом, как не тому, кто этим смыслом и должен распоряжаться?

Кстати, он мне вчера приснился с лыжами.

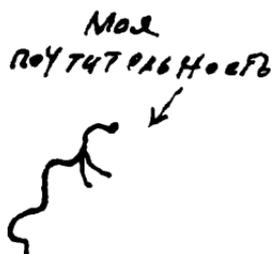
Мне пришлось стряхнуть с себя первые ласковые прикосновения надвигающейся дремоты — на экране появилось то, что мне дороже всего, — наш президент.

Не понимаю, почему его появление у некоторых вызывает дикий хохот.

Я же с самых незначительных размеров воспитан в глубочайшей почтительности к власти. При любом его появлении я встаю и начинаю благодарить.

За что?

Но ведь я же еще жив.

А не построить ли нам стеклянный мост через Неву?

Зачем? Ни у кого нет, а у нас есть. И я бы всех их привез бы сюда полюбоваться на это чудо.

Они бы только рты пораскрывали, потому что им бы и в голову не пришло такое у себя сотворить.

А вот мы можем даже этот самый мост поставить на попа, чтоб они не только рты, но и кое-что другое себе разверзли.

Знаю я одного архитектора, так он не то что мост, он мать родную в янтарь запаяет, чтобы только нашей главной милости угодить.

Вы, конечно, знаете, о какой милости я говорю.

Она такая, такая... ей только хвоста не хватает.

Предлагается следующая история. После училища в отдел кадров флота приходит лейтенант-ракетчик. Его назначают на лодку. Лодка готовится к автономке. В этот поход командиром ракетной боевой части

идет капитан третьего ранга Сова, который после похода должен уходить в академию. На его место назначается нынешний командир группы старший лейтенант Серега Кашкин, а на его место они за время похода должны подготовить нового командира группы — вот этого самого только что назначенного к ним лейтенанта.

У лейтенанта необычная фамилия — Робертсон, а зовут его, как Суворова, Александр Васильевич.

В отделе кадров с самого начала его спросили:

— Кто вы по национальности? (С этого и начинается фильм.)

— Русский.

— Но фамилия-то (с усмешкой) французская?

— Почему французская? Фамилия шотландская! У меня и документ есть. Я ксерокопию сделал. Меня о моей фамилии еще в училище спрашивали. Вот!

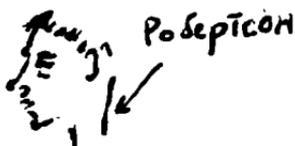
И лейтенант показывает документ. Это копия грамоты, выданной Петром Первым шотландскому шкиперу Джеймсу Робертсону, поступившему на русский флот в 1712 году.

— И что потом? — спрашивает оторопевший кадровик.

— И что потом? — спрашивает оторопевший кадровик.

— Потом? А потом Гангут! С Апраксиным

Робертсон

Федором Матвеевичем! Он и медалью награжден! «За прилежание и верность»! — лейтенант достает из папки, которую он держит в руках, бумаги и раскладывает их перед изумленным кадровиком.

Так и начинаются приключения лейтенанта Александра Васильевича Робертсона, получившего поначалу кличку «Сашка Робинзон».

Лейтенант попадает в самую гущу событий: лодка грузит продукты, ракеты, торпеды, потом она выходит на контрольный выход, где ее преследует американский крейсер, который всячески пытается ее таранить, потом лодка проваливается на глубину, возвращается в базу и снова выходит в море, теперь уже в автономное плавание, и все это происходит с лейтенантом на фоне непрекращающихся подначек, шуток, без которых экипаж подводной лодки не может быть экипажем. Без смеха флот не флот. Там, где смерть за спиной, там всегда шутят.

Перед походом лейтенант успевает влюбиться, разочароваться и снова найти свою любовь.

В походе Робертсон изучает устройство корабля и сдает его флагманскому специалисту. Именно ему он и обязан тем, что во время пожара, случившегося из-за короткого замыкания в силовой сети в 8 и 9 отсеках, Робертсон оказывается в 10 отсеке и

остается в нем совершенно один на многие и многие сутки.

Аварийная лодка всплывает, борется с огнем, а потом — в надводном положении — ее на буксире тянут в базу.

И никто не догадывается, что в последнем отсеке борется за свою жизнь лейтенант Робертсон, получивший поначалу из-за многочисленных приключений кличку «Сашка Робинзон».

Робертсона найдут и спасут.

А иначе и быть не может, ведь это фильм про подводников, про их жизнь и про флотское братство, которое, гори оно ясным пламенем, все равно не сгорит.

—

Жаль, что никто не поддержал мою идею: обязать банк по первому требованию клиента выдавать ему купюрник с номерами купюр.

правоохранительные органы

Казалось бы, наши правоохранительные органы должны были бы просто вцепиться в это предложение,

потому как тогда же тут можно было бы определить, кто, где и в каком окошке.

То есть все возвращается на круги своя: государство само по себе, а мы — сами под себя.

Патриотизм различается. Он состоит из двух направлений. Первое молчаливое: «Я люблю Родину», второе неутомное: «Они должны любить Родину». По первому направлению ты пошел и молча сделал то, что считаешь правильным. По второму — ты все время орешь о том, что надо любить Родину.

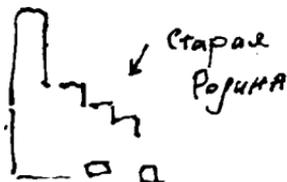
Невозможно любить грязь непролазную. Если ты ее любишь, значит, что-то там не в порядке с умом.

И плохие дороги нельзя любить, и мусор, выложенный вдоль них, и аэропорт-недоме-рок, и дачный участок с бутылками, и загаженный пруд, и утреннюю площадь, залитую вчерашним пивом, и праздник, где все ходят пьяные, и шприцы в подъездах, и суету наркоторговца, и подвалы затопленные, и сгнившие крыши домов, и дворовую помойку.

Нельзя любить разруху. Разруха везде. Она начинается с подмены понятий. Есть у тебя понятие «Родина», а тебе стараются ее подменить. Незаметненько так.

Или новое построить. Старое сломать и выстроить тебе нечто — «Вот теперь твоя Родина».

Нет. Не любят они Рос-сию. Если б любили, все бы тут сияло. И прежде всего лица людей. Люди — это же тоже Родина. Это ее часть.

Может быть, самая главная. Ну так и возлюби, если главная.

Не-а. Не любят. Топят все в словесах. И слова-то какие-то скользкие. Все время ускользает из них смысл. Не ухватить.

—

— Ну, как там у вас, в Петербурге? — спрашивают меня из Москвы по телефону.

— Секундочку, — говорю я, — сейчас в окно посмотрю!

Дело в том, что окна моей гостиной выходят на помойку. Это удобно. Спрашивают тебя: как там, в Петербурге, ты смотришь в окно, а там все время не хватает одного большого ящика, и потому все складывают всё на землю.

— Отлично, — говорю, — у нас в Петербурге! Просто замечательно. Все на своих местах.

Вот если б за окном была бы чистота, да еще бы и асфальт во дворе наконец доложили, — а то уже скоро год как заасфальтирована только половина двора — да освещение бы во дворе сделали, то можно было бы предположить, что что-то там, наверху, поменялось. А так — все просто отлично!

Когда Валентина Ивановна говорила как-то по телевизору, что и крыши починили, и подвалы осушили, и дворы осветили, не говоря уже об асфальте, это она, видимо, про

что-то другое говорила, но только не про Петроградку. Петроградской стороне не повезло. Тут и крыши текут, и подвалы в воде. Нет, конечно, кое-что на Большом проспекте привели в порядок, да и на Каменноостровском тоже, но чуть в сторону ступил — и можно обнаружить следы светомаскировки, до сих пор защищающей город от налетов фашистской авиации.

Про подвалы я уже и не говорю. Есть у меня парочка знакомых умельцев, которые берутся все подвалы осушить, но для этого надо им денег заплатить. Для меня это большие деньги, для города — сущая ерунда, но ведь работы еще и с Водоканалом надо будет согласовывать, — а тут я совсем не знаю, что и сколько стоит. Так что пока откачивают с помощью насоса и шланга. Лет десять уже качают, а может, того больше, и за это время столько денег на эту откачку потрачено, что те подвалы давно уже золотыми стали. Ну да ничего. Покачают еще лет пять-шесть, а потом придет дяденька из Смольного, который признает дом аварийным, после чего его разрушат, а жильцов — в Новое Девяткино.

Петроградка же не так хорошо охраняется от разрушения, как, скажем, Зимний дворец. Тут и баню на Большой Пушкинской разрушили — кстати, здание-то старинное. На него из своего окна Кустодиев смот-

рел. А еще он смотрел на такую небольшую церквушечку, из которой по воскресеньям православный народ выходил. Там-то он своих русских красавиц и высматривал.

ПАМЯТНЫЕ
доски

Тут, на Петроградке, многие жили, о чем и многочисленные памятные доски имеются.

Но доски досками, а здания-то валим. Нет, говорим, конечно, обещаем разобраться, но между делом, то есть между разговорами, валим. Вот и на Биржевой мост веками смотрело такое красивое здание, а теперь там руины.

Руины. Вот ведь беда-то какая. Больно. И не спасают от этой боли никакие нарисованные кирпичи на оштукатуренных стенах великой Петропавловской крепости.

Память людская — великая чертовка. Все в ней — и боль, и радость, и горечь поражений. Россия — страна без границ, без конца и без края. Что ни деревня, то свои обычаи, обряды, правила. Через много лет их назовут культурой русского народа.

Вот только не складывается она никак, а все потому, что в каждой деревне свои сарафаны, не складывается — все кипит да кипит. А хочется, чтоб все, значит, вместе, все разом, все заодно. Оттого и праздников

столько и своих и чужих — хороводы, карнавалы.

День Военно-морского флота — это тоже праздник. Праздник страны, не лишенной памяти. Праздник великой страны, которая помнит о том, что у нее был великий флот.

А флот — это же люди. Это они водили в море боевые корабли. Это они шли в бой, погибали, замерзали, тонули.

Знаете, сколько их всего, тех, кто ради России шел в бой? Их миллионы. Они бились с врагами во все времена.

А времена те всегда были одинаковыми. И всегда побеждал тот, кто не щадил ни себя, ни людей своих, ни свой корабль. Ломались мачты и падали за борт, горели корабли, тонули люди. Не сдавались они. Нет, не сдавались.

Удивительное это дело: горстка моряков не сдала «Стерегущий». Они задраились и пустили внутрь воду.

А в войну лодки на Балтике ходили в основном только туда. Назад возвращались редко, а смерть — она всегда была возле плеча — чуть только поверни голову и поздороваться.

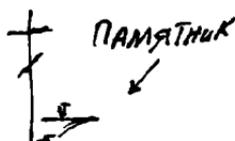
А после войны была Куба. К Кубе послали дизельные лодки. Они должны были прорываться через блокаду. Жарко. В отсеках нет охлаждения. Температура пятьдесят и выше. Падают в обморок. Отлили водой —

и опять на пост. А наверху кружат стервятники — только высуну нос, сразу подскочат.

А потом — атомный флот вышел в Мировой океан. И ходили они даже на Северный полюс. Подо льды.

А ведь там, подо льдами, можно было погибнуть от любой оплошности. Толщина льда семнадцать метров, и глубоко в воду уходят ледяные пики.

Многие погибли. И люди, и корабли.

В Санкт-Петербурге есть небольшой сквер. Его называют сквером Подводников. Там есть деревья, которые посвящены погибшим кораблям. Что ни дерево, то корабль, подводная лодка. Что ни дерево, то слава России.

21 июля 2008 года ровно в 7 утра их окружили забором. Будут вырубать. Теперь у России другая слава.

—

Я считаю себя обязанным что-то сделать, что-то совершить на ниве разворачивающейся и все более и более разрастающейся борьбы с коррупцией.

Все время хочется что-то добавить, усугубить, вставить, подчеркнуть, а также отметить и заострить.

Я считаю, что в этом деле не все использовано до конца. Вот взять хотя бы прокля-

тия. Надо! Надо, я считаю, использовать и проклятия.

Причем малые проклятия — лишь пустая трата сил и здоровья. Если уж проклинать, то желательно использовать проклятия крупные, могучие, достающие до самой что ни на есть печени. Не следует забывать и другие части тела проклиняемого: селезенка, желчный пузырь, мочевой пузырь и, конечно же, семенники. Все они должны быть искалечены единым порывом.

Недавно я обнаружил именно такие проклятия. Они могут пригодиться нашему вдумчивому читателю (лично я ими пользуюсь от случая к случаю). Они написаны епископом Эрнульфом где-то в начале XVII века.

Я обнаружил копию этих проклятий, списанных из церковной книги Рочестерского собора. Вот они:

«Властию всемогущего бога, отца, сына и духа святого, и непорочной богородицы девы Марии, и всех небесных сил, ангелов, архангелов, престолов, господств, владычеств, херувимов и серафимов, и всех свя-

тых патриархов, пророков, и всех святых апостолов, и евангелистов, и святых праведников, кои одни только удостоены петь перед лицом Агнца новую песню, и святых мучеников, и святых исповедников, и святых дев, и всех святых, и избранных божьих, да будет он (вставить имя и фамилию) проклят (за то-то и то-то). Отлучаем злодея и грешника, и предаем анафеме и изгоняем за порог святой церкви всемогущего бога, дабы он предан был на вечные муки с Дафаном и Авироном и со всеми, кто говорит господу богу: отыди от нас, ибо мы не хотим знать путей твоих. И как огонь угашается водой, так да угаснет свет его до скончания веков, если он (имя и фамилия) не покается в (том-то и том-то) и не загладит вины своей. Аминь».

На этом можно было бы и остановиться, но для полноты действия лучше продолжить:

«Да проклянет его бог отец, сотворивший человека!

Да проклянет его сын божий, пострадавший за нас!

Да проклянет его дух святой, ниспосланный нам во святом крещении!

Да проклянет его святой крест, на который взошел ради нашего спасения Христос, восторжествовав над врагом своим!

Да проклянет его святая богородица приснодева Мария!

Да проклянет его святой Михаил, заступник святых душ!

Да проклянут его все ангелы и архангелы, начала и власти, и все воинства небесные!»

Кстати, наши воинства тоже не дети малые насчет проклятий, но куда их проклятиям до этих, но продолжим:

«Да проклянет его достославный сонм патриархов и пророков!

Да проклянет его святой Иоанн Предтеча креститель господень, и святые Петр и Павел, и святой Андрей (Первозванный), и все христианские апостолы, и прочие ученики его, а также четыре евангелиста, проповедью своей обратившие в истинную веру вселенную!

Да проклянет его (имя и фамилия) дивная рать мучеников и исповедников, угодивших богу добрыми своими делами!

Да проклянет его хор священных дев, ради славы христовой презревших суету мирскую!

Да проклянут его все святые, от начала мира и до окончания века снискавшие благоволение божье!

Да проклянут его (имя и фамилия) небеса и земля и все, что на них есть святого!»

А вот это мне очень нравится:

«Да будет он проклят, где бы он ни находился: в доме или в конюшне, в саду или в

поле, на большой дороге или на глухой тропинке, в лесу, в воде, или в храме!

Да будет он проклят при жизни и в минуту смерти!»

А вот это особенно хорошо:

«Да будет он проклят за едой, и за питьем, голодный, жаждущий, постящийся, засыпающий, спящий, бодрствующий, ходящий (в том числе и под себя, надо полагать), стоящий, сидящий, лежащий, работающий (или делающий только вид), отдыхающий, мочащийся (здорово), испражняющийся и кровоточащий!»

И далее:

«Да будет он проклят во всех способностях своего тела (все мы понимаем, каких способностей мы еще не касались)!

Да будет он проклят снаружи и внутри!

Да будет он проклят в волосах главы своей! (Кстати, волосы есть не только на голове.)

Да будет он проклят в мозгу своем и темени! (Тяжелое проклятие, надо заметить.) В висках, на лбу, в ушах, в бровях, в глазах, в щеках, в челюстях, в зубах (как в передних, так и коренных), в губах, в гортани, в плечах, в запястьях, в руках, в кистях рук, в пальцах!»

А вот и самое страшное:

«Да будет он проклят в чреслах своих и в паху! В лядвях! (Не знаю, что это такое, но полагаю, что-то ужасное.) В половых органах! В бедрах, коленях, голенях, в ногах и ногтях на пальцах ног!

Александр Покровский

Да проклянет его (еще раз) Христос, сын бога живого, во всей славе величия своего! И восстанут против него небеса (еще раз), со всеми силами, на него движущимися, да проклянут, да осудят его, если он не покается и не загладит вины своей! Аминь!»

Кажется, все.

Я большой любитель коллекционировать курьезы. Я считаю угрозы, распространяемые правительством с помощью телевидения, курьезами и с удовольствием вношу их в свою картотеку. И потом, тон, тембр, сама подача — это очень хорошо. Немного, правда, напоминает сельсовет, но все равно это очень здорово.

Курьезы
↙

А вот и крыса побежала через двор. Крысы у нас бегают через двор и днем и ночью. До помойки и обратно. Двор-то почти совсем не освещен, так что идешь, а под ногами что-то живое так и шныряет.

Крыс в Петербурге стало больше. Они бегают по дворам, лестницам, домам. Они переносят лептоспироз, холеру, желтую лихорадку и тетушку чуму.

Травят ли их? Травят, но через какое-то время их становится еще больше, и старая отравка на них уже не действует — изобретай новую. Да и не жрут они старую — умные.

Как бороться с крысами? Надо привести в порядок подвалы, дыры в асфальте, лестницы, мусоропроводы, чердаки.

А если все это не объять?

Ну, если все это не объять, то тогда надо сделать так, как однажды сделал Господь Бог, когда ему надоели крысы. Бог завел котов.

Коты — только они способны сократить поголовье крыс. Коты и бродячие собаки, а также лисы, забегающие в наш город полакомиться этими удивительными грызунами.

Так что у каждой нашей помойки должен сидеть кот, а рядом должна бродить бродячая собака.

Вот только травить крыс не надо, а то коты и собаки помрут, поев отравленных.

А как же сами коты? Они же тоже переносят болезни! И собаки! — скажут мне.

Переносят. И коты, и собаки, и лисы, и вороны, и голуби (на которых, кстати, тоже можно найти управу).

Ну так их же лечить надо. Всех этих котов-собак. Надо. Ветеринарная служба го-

рода начинает немедленно лечить дворовых котов и собак. Стерилизовать, лечить и все прочее.

Мало того, в отремонтированные подвалы делаются специальные лазы для кошек. Ну, так, как это делали наши предки, хранящие зерно в амбарах. В тех амбарах делался лаз для кошки, которая там и жила. Была даже такая специальная порода кошек, способная жить на улице. Дикая скандинавская кошка. Ее предки у нас называются сибирскими котами.

Заведем в каждом дворе кошек, будем их подкармливать, поить и лечить, и наступит у нас гармония с крысами.

А то ведь победят они нас. В борьбе с ядами.

В Европе, например, давно оценили кошек. В некоторых городах Испании, например, они сидят чуть ли не на каждом квадратном метре. Кошки абсолютно дикие, но муниципалитет их подкармливает и наливает им в плошки воду в жаркие дни. И кошки те прекрасно выглядят. А вот крыс не видно.

Когда-то в средневековой Европе инквизиция боролась с ведьмами. На костер шли не только люди, но и кошки. Результат? В Европу пришла чума. Чума приходила много раз, а потом люди все поняли и развели котов.

До них дошло: не будет котов, чума будет.

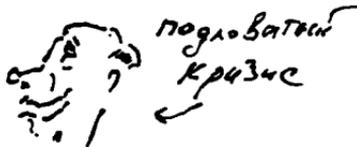
Когда-то я служил на подводных лодках. В одно время лодки наши заполонили крысы. Что только не делали, чтоб их извести. Ничего не помогало. Помогли коты. Затащили на лодку котов — и все. Нет, крысы никуда не делись, но только они теперь бегали не сотнями по лодке, а одна-две.

Так что в борьбе с крысами надо бы поступить так, как поступил сам Господь Бог: завести котов.

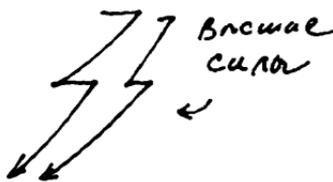
—

Как только я намереваюсь вздремнуть, так сейчас же мне является он. Лысоватый, подловатый кризис. Вы думаете, что о кризисе нельзя так сказать?

Можно. Кризис — он ходячий.

Признаюсь, мне не хватило духу пожелать кому-либо зла. Что-то на меня нашло, после чего пришло осознание того, что если я пожелаю зла, то что же останется высшим силам? Им же тоже хочется пожелать, а тут я у них все время болтаюсь под ногами.

Парень в День ВМФ поднял на крейсере «Мурманск» Военно-морской флаг СССР. И все бы ничего — подумаешь событие, но только крейсер «Мурманск» теперь сидит на мели у берегов Норвегии и до него еще добраться надо.

Когда-то, в 1975 году, сразу после училища я чуть не попал на этот крейсер служить. Он тогда стоял в Мурманске, в Росте на ремонте. На нем служили мои друзья.

Потом его отремонтировали, и он еще долго ходил в море.

После — снова ремонт и лихие 90-е годы.

Тогда все продавали.

Кому угодно.

На иголки и так, для увеселения.

Крейсер «Мурманск» тоже продали. Нашим южным соседям по планете.

Все-таки у каждого корабля свой норов. Кто-то спокойно идет под резак, а кто-то не хочет, бунтует, рвет тросы.

Его вели на буксире. В ночь под Рождество 1994 года в Норвежском море он сорвался с привязи, побродил немного, а потом нашел свою мель — остров Соройя, коммуна Хансвик, провинция Финнмарк, Норвегия.

В море вылилось топливо. Почему-то не откачали его перед тем как вести крейсер на погибель. Вот теперь оно и выливается чуть чего. Чуть тронешь крейсер, так и получите. Будто прирос он к этим неласковым берегам.

Не хочет корабль уходить. Не сдается. Грозный он и по сию пору.

Норвежцы не стали делать из него бордель. Так и стоит, привлекая туристов. От них отбоя нет. Тянет их на него.

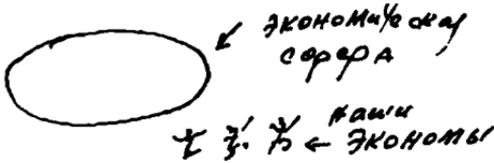
Каждый, кто ступает на его борт, невольно проникается чувством глубокого уважения к России, к русскому флоту, к русским морякам.

— Все же русские немного ненормальные, — говорят смущенные норвежцы, осматривая исполина.

Ненормальные мы.

Это точно.

До сих пор украшаем флагами несуществующего уже государства несдавшиеся корабли.

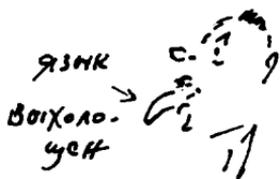
Очень странно, что при наличии вокруг такого количества экономов мы до сих пор не име-

ем полного расцвета в экономической сфере. Нет, конечно, какие-то сумерки уже очевидны, но все еще, осмелюсь заметить, не сходятся концы. Ведь любое арифметическое действие предполагает абсолютное тождество по обе стороны от предлагаемого знака равенства, а тут — то с той стороны, то с этой — глупость какая-то.

Нечего напускать на себя важность и делать вид, будто мы пуп Вселенной. Мы совершенно не пуп. Мы запуп — место, которое стремится к тому, чтобы быть пупом.

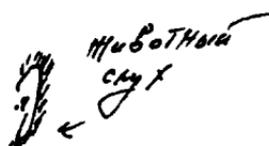
пуп
Вселенной

Все должно быть детским. То есть все должно быть лишено логики взрослого человека. Поэтому сказуемое у нас не сказуемое, а подлежащее не подлежащее. А между существительным и прилагательным порой нет согласия в числе, роде и падеже. Всем правит интонация, ударения, внешний вид, брови, поза и разрывы между словами, именуемые паузами. Язык выхолощен, слова потеряли смысл.

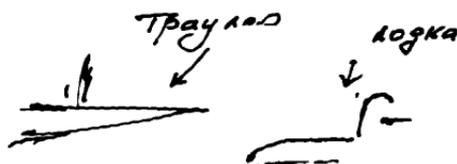

Зато на этом языке можно писать законы. И все будет законно, что тут ни сделай. Когда надо — законно, когда надо — нет. Чудные дела.

Животному слуху я приписываю нашу чуткость относительно грозящих нам неудач. Власть должна быть благодарна ему: как ни крути, а выходит экономия — все защищают себя сами. Можно даже поставить памятник животному слуху, столь развитому у вверенного ей населения. Как ни подкрадывайся, а мы всегда начеку.

А сданных налогов хватит только на два удара дубинкой по спине каждому жителю, включая стариков, женщин и детей.

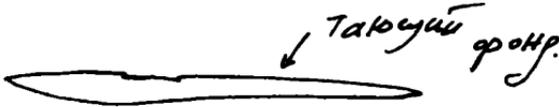
Их траулер разрезал, как бумагу,
По второму отсеку удар пришелся,
Они в базу шли в надводном,
А на траулере все пьяные были,
Вода хлынула во второй,
Один офицер встал на одной переборке,
другой — на другой,
Чтоб никто в соседние отсеки не провался,
А они и не прорывались,
Аккумуляторную батарею забортная
вода залила,
И выделился хлор — им двух вдохов хватило,
Когда их достали, у всех волосы были от хлора розовыми.

Россия, словно лошадь, все никак не утонет в торфе — ни туда ни сюда.

Ей бы до дна достать, чтоб оттолкнуться и пойти вверх, а то ведь болтает ногами — и все без толку.

А я знаю, зачем нам этот фонд подрас-

тающего поколения, все время тающий, как весенний снег, где-то там, на другом конце.

Он именно для стабильности. Чтоб нас никто не трогал, ибо кто же тронет того, кто за свое спокойствие готов деньги терять в пользу трогающего.

Однажды я говорил со шведским делегатом-депутатом. Он раньше был директором школы, а теперь вот заседает в парламенте. И живет он рядом со своей приемной. В соседней комнате. Служебное жилье. Открыл дверь — и уже на службе. Я спросил его, насколько его нынешняя зарплата больше той, что была в школе.

— Она меньше.

— Какой же смысл в такой перемене? — удивился я.

А он удивился моему вопросу.

— Но это же почетно, — сказал он.

Почетно. У них это почетно. Вот ведь. А я как-то сразу и не подумал.

—

Войну я комментировать не хочу. Скажу только: «Господи, хорошо, что они остановились!»

Земля в двадцать первом веке стала очень маленькой. Шаг в сторону — война. Человечество еще не скоро уgomонится. Разума нет — страдают невинные. Эти всегда страдают. Так что тут нет правых.

И еще, я полагаю, мировое сообщество в полной мере не оценило этот трюк с российскими паспортами, и в будущем вполне могут появиться китайские паспорта для жителей Хабаровска или, например, курило-японские.

Военная сторона вопроса — танки у нас гложут, самолеты наши сбивают, а потери наши в основном среди 18-летних пацанов.

Вот это я не понимаю. Если к войне готовились, то почему там 18-летние? Если не готовились, то тогда все понятно.

—

На Пионерской площади (возле ТЮЗа) состоится Третий Всероссийский туалетный фестиваль. В программе открытие музея туалетов, конкурс туалетных скульптур, граффити-шоу

праздник
туалета

на туалетных кабинах, конкурс флористов-декораторов, конкурс на лучшую надпись на стене туалета и прочие состязания.

Когда мне в руки попало приглашение на этот фестиваль, я подумал, что юмор спасет наш город.

Смех — это же защита. Грязь и смрад на улицах калечат сознание, а смех возвращает ему его первоначальный облик.

На туалетный фестиваль надо являться в карнавальных костюмах — это традиция подобных праздников.

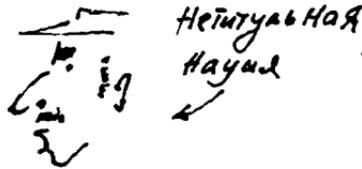
Представляю себе чиновников, открывающих это мероприятие, с бумажными унитазами на голове, в костюмах в форме писсуаров и с ершиками, привязанными вместо галстука.

Хорошо бы шли в эти дни пирожные, испеченные в виде небольших рулонов туалетной бумаги, мороженое, напоминающее туалетные кабинки и прохладительные напитки, разливаемые из бочки с надписью «Освежитель воздуха».

Оркестр издает только трубные звуки, а дети обливают всех водой из посуды, напоминающих гульфики.

В огромный макет унитаза может войти любой желающий. Макет должен быть прозрачным, наполненным водой в нужных местах. Тут же можно было бы организовать и коллективное проныривание.

Тут у некоторых возникают всякие вопросы относительно того, что Покровский (то есть я) не титульная нация (то есть не русский). В связи с чем должен заявить, что все компетентные наши органы знают, что Покровский — титульная нация. Русский. Но родился в Баку и жил там до 17 лет, а потом — училище и Северный флот.

Правда, азербайджанцы тоже меня считали нетитульной нацией. Мама у меня обрусевшая армянка, а по их, азербайджанскому, разумению я не то чтобы не азербайджанец, я даже не русский, я — армянин.

Но и в Армении меня армянином не считают, потому что у меня мама — армянка из Баку и не знает армянского языка, из чего получается, что и я не знаю этого замечательного языка, то есть я не армянин.

На Северном флоте вообще никак не считали, там было всем похеру, какой я нации, и под это дело я окончательно уверовался в том, что я русский, о чем аж с 17 лет во всех анкетах и пишу.

В Тунис поехали сразу, вдруг, ни с того ни с сего.

Почему в Тунис? Потому что дешевле, чем в Сочи. Странно, но дешевле.

В салоне самолета все время шлялась парочка наших идиотов в футболках с надписью на английском языке: «Опасность! Русский турист!».

В Монастир прилетели ночью. Жарко, запах сгнившей кожи.

— У вас всегда так пахнет?

— А разве пахнет? — Здешний гид никакого запаха не чувствует. — У моря воздух свежее.

Море и солнце — это на следующий день. Его тут много.

Дороги отличные — ни одной выбоины. Скорость движения — 30. Так и едут. Никто не нарушает.

— А тут жуткие штрафы. Двадцать динаров.

Двадцать динаров — это четыреста рублей. Действительно, жуткий штраф.

Средняя зарплата в Тунисе — четыреста долларов — это четыреста восемьдесят динаров. Отель государственный. Он возвращает во времена советской власти. Во всяком случае, рестораном это кормилице назвать трудно. Это столовая. И кто им только дал четыре звезды? Но кормят сносно, а песок на пляже усеян окурками — убирают-

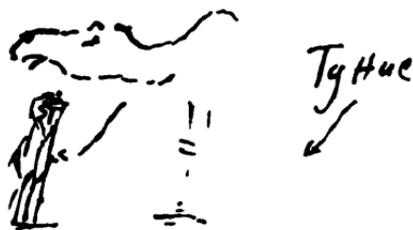
ся только бутылки. Так что мусор увидеть можно. Хотя нельзя сказать, что его здесь не собирают. Мусорщики при этом напевают что-то свое и здороваются со всеми встречными.

На баках для сбора мусора надпись по-английски: «ремейк».

Дело всей жизни некоторых наших певцов служит надписью на мусорных баках в Тунисе. Мусор здесь перерабатывают.

Наши туристы немедленно напились и побросали в бассейн своих девушек вместе с бокалами пива.

Тунисцы на это дело взирали со спокойствием верблюдов.

Тунис — государство светское. В 1956 окончательно обрели самостоятельность, потом нашли у себя немного нефти, фосфатов — это помогло встать на ноги. Теперь нефть уже не так обильно поступает на внешний рынок, как в былые времена, но страна держится. Оливки, масло, кожа, текстиль, туризм и еще какая-то ерунда.

Литр бензина — один доллар.

Тунис считается бедной страной. И еще это страна полиглотов — почти каждый может говорить на нескольких языках. Арабский в диалектах — их существует просто куча.

Кроме того, французский, английский, испанский, немецкий.

С недавнего времени к ним добавился еще и русский. Кое-кто учился в Украине.

На базаре надо отчаянно торговаться. Первый вопрос: откуда ты. Вопрос задается на всех языках сразу.

— Оттуда.

— Чех?

— Нет.

— Словения?

— Нет.

— Украина?

— Почти.

— Что за страна «Почти»?

То, что предлагается за шестьдесят динаров, можно купить за двадцать.

— А сколько стоит мясо?

— Мясо? Пятнадцать динаров.

— Дорого.

— Бери за десять.

Мясо — баранина, телятина, козлятина. Десять динаров. Одна мякоть. Парная. Двести рублей килограмм.

— А с костью?

Меня не поняли.

— Мясо на кости сколько стоит?

— Зачем тебе кость? Кость собака ест.

— Ну все-таки, сколько стоит мясо на кости?

— На кости? Бери за пять.

Образование бесплатное. В школе — тринадцать лет, потом институт. Там тоже не надо платить, не считая какой-то мелочи. Высшее образование больше получают женщины, чем мужчины.

— А мужчины сразу хотят работать.

Тунисский диплом приравнивается к французскому. Отличники могут быть отправлены за рубеж на учебу за государственный счет.

И это не дети чиновников.

— Нет, это просто отличники.

Тут много чего можно делать за государственный счет. Например, лечиться.

— Медицина бесплатная. К нам даже из Алжира и Ливии приезжают лечиться.

— Потому что бесплатно?

— Почему бесплатно? Для них платно. Просто у нас очень хорошая медицина.

Врачи здесь получают тысячу двести долларов в месяц, работая в государственных поликлиниках и больницах. А в частных они получают четыре тысячи и выше. Могут и десять тысяч получать.

Врачи частной практики должны полне-

дели отработать в государственных учреждениях, а вторую половину недели они могут работать на себя.

Из Алжира и Ливии сюда едут не только лечиться, но и гулять. На выходные и праздники. В Тунисе нет сухого закона. Алжирцы и ливийцы с удовольствием вкушают спиртное. Пьяных не бывает.

— А сколько у вас получают полицейские?

— Самое малое — триста пятьдесят динаров.

— И все?

— У них еще есть комиссионные.

Часть штрафа, например за превышение скорости, возвращается полицейскому в виде денежного вознаграждения.

— А взятки не берут?

— Почему не берут? Только за это можно в тюрьму сесть.

Тунис считается самой благополучной страной. На всю страну одна женская тюрьма (очень красивое здание) и несколько мужских. За курение марихуаны можно сесть лет на шесть. За продажу наркотиков — на всю жизнь. Воров вылавливают очень быстро. Убийство человека карается пожизненным заключением.

— Аллах дал человеку жизнь. Отнял ее — отдай свою.

— А откупиться можно?

— Нет.

Смертной казни нет с 1989 года.

— У нас было одно выступление исламских фундаменталистов. Хотели взять власть. Подавили, а после этого отменили смертную казнь. У нас и так хорошо, нам это все не надо.

Ислам исламом, но если девушка в восемнадцать лет захочет выйти замуж без согласия родителей, то закон будет на ее стороне.

— Мы же с французами почти родственники. Свободу любим.

Традиционная тунисская свадьба — это семь дней объезжать всех родственников, и обойдется это в 30 тысяч долларов.

Это цена маленькой квартиры. То, что называется, в спальном районе. Так что молодые чаще всего просто регистрируются, потом вечеринка, а на деньги покупают жилье. С 1956 года у тунисцев одна жена.

— Наш президент сказал: «Хватит и одной».

— Но ислам разрешает.

— Нет. У нас теперь по закону одна жена.

— А дети?

— Два, три ребенка в семье.

— Пособие на детей?

— Да.

И пособие есть. Пенсия — 80 процентов от последней зарплаты. Даже если зарплата была 400 динаров — пенсия 320 динаров (6400 рублей на наши деньги). Вода и

электричество будет стоить для семьи 100 динаров в месяц, «коммунида» (наше ЖКХ) — 50 динаров.

Разводы редки, потому что за развод надо заплатить большие взносы, и еще надо оставить жене дом и обеспечить и ее и детей. Детей здесь не бросают. Беспризорников нет.

Бродяг тоже не видно. Старость обеспечена. Если умирает один из супругов, то второй всю оставшуюся жизнь получает и свою пенсию, и пенсию умершего супруга. Таков закон.

И еще одиноких старух обеспечивают сиделками. За государственный счет.

— Почему только старух?

— Мужчины живут тут в среднем пятьдесят шесть лет, а женщины до семидесяти шести.

— Понятно почему.

— Почему?

— Морят мужа, а потом двадцать лет получают его пенсию.

Гид смеется.

— Просто мужчины много курят. Почти все мужчины у нас курят.

Курят и от этого мрут. Похоже, это все их проблемы.

Пенсии, пособия, дороги, сиделки, старость, дети, образование, медицина, еда.

И все это без природного газа и золотовалюты Центрального банка.

Все для людей, а иначе зачем это все.

Сомалийские пираты опять отличились: захватили яхту с французами. Но французский спецназ отбил соплеменников, а Саркози тут же заявил о своей новой инициативе: создать против сомалийских пиратов международные полицейские силы. И создадут.

Два года назад я писал статью о пиратах. По ней даже собирались снимать документальный фильм. Я тогда предложил создание таких сил, но только инициатором их создания, по моему замыслу, должна была выступить Россия. Не только наказали бы пиратов, но и получили бы международный институт, в котором у России была бы ведущая роль, что позволило бы на международные взносы построить, к примеру, и парочку новых эсминцев для нашего флота. Фильм не сняли, все заглохло. Теперь все лавры достанутся Саркози.

Мне нравится французский иностранный легион. Набирают со всего мира джентльменов удачи, и они исправно служат Франции в горячих точках. Оклады, пенсии, пособия, французское гражданство.

Жаль, что Россия до этого все никак не созреет.

А ведь придется.

Я нигде не видел беспризорников. За границей их нет. В России они есть. Это целая армия, пополняющая криминальные ряды. Нужна государственная программа по превращению беспризорников в солдат. Идеальные получились бы солдаты, но в это дело надо вложить много денег и сил. Дело стоит того. Было бы желание.

Пока его нет.

Рассказали историю. Дело было в небольшой поликлинике, куда в конце рабочего дня привели ребят из первого класса на какую-то диспансеризацию.

Дело в том, что диспансеризации давно не проводились, и это, так сказать, первый случай за много-много лет, так что все — и дети, и врачи — держались как-то особенно торжественно, что ли.

И вот к невропатологу входит маленький мальчик лет семи-восьми. Невропатолог, старенький, интеллигентного вида доктор, засуетился, принимая такого пациента. Сразу разговоры: «А как ваше имя, молодой человек?» и «Как вы учитесь?», — на что

мальчик отвечает, мол, учусь, стараюсь, и все это не торопясь, чинно, оба улыбаются, и по всему видно, что им обоим это общение нравится — доктор все спрашивает, мальчик отвечает, доктор говорит, что ножку надо положить на ножку, что он — вот сюда молоточком, и тут...

И тут дверь открывается настежь, в нее сначала влезает гигантская швабра, потом уборщица — огромная бабища с ведром, и она по полу широкими бросками той шваброй — шась; шась!

Доктор смутился, покраснел, потом поправил очки и говорит:

— Неужели вы не видите, что мы с молодым человеком заняты? Выйдите, пожалуйста, подождите минутку, мы закончим, и вот тогда...

— Вот еще! — отвечает бабища. — Буду я тут вас ждать! Всех не наждешься!

И тут маленький мальчик вдруг говорит той бабе:

— А ну пошла отсюда на х...й!

И о чудо! — баба, приседая и кланяясь, жопой в дверь со словами «Ой, а вы, значит, заняты!» вышла. Дверь закрылась, тишина.

Вы знаете, доктор немедленно поставил мальчику диагноз: «Совершенно здоров!».

Фондовые рынки рухнули, потом оживились, чтобы через какое-то время, судя по всему, снова рухнуть.

Интересно, как там поживает наш Стабилизационный фонд? Говорят о чем угодно, но только не о нем.

Не вспоминают, не вздыхают, не кричат, не посыпают голову пеплом, не стонут, не ворчат, не сетуют — тишина.

А мне все же интересно, как он там, в забытой Богом Америке? Не одиноко ли ему? И как он себя чувствует?

Может быть, его следует поддержать как-то, опереть на что-нибудь, прислонить, подставить стул?

Но, возможно, я что-то пропустил, и у нас уже давно нет никакого Стабилизационного фонда. Ведь не видел же его никогда и никто. Никто не знает, как он на самом деле выглядит.

Все только о нем говорили, но так, чтобы представить: вот эта чудовищная штука и есть наш горячо любимый фонд — вот этого не было.

Было только умное лицо господина Кудрина по телевизору, и рассуждало то лицо о тех замечательных преимуществах, что дает нам размещение этих денег там, в экономически негнибаемом далеке.

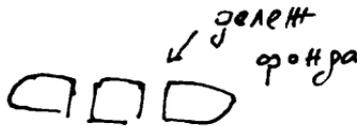
Оно тогда напоминало вдохновенный лик

селекционера, скрестившего наконец корову с трактором. Все обещало необычный приплод — этакий вагон с рогами.

Но время шло, а Стабилизационный фонд миру все не являлся. Ну хоть бы что-нибудь, хоть одним глазком!

Показали бы нам тонну бумаги, что ли! Мол, вот она, та самая тонна, на которую удалось выменять все наши немалые деньги.

Не показали, не предъявили, не представили, и злые языки теперь скажут: «Самое время его поделить. Заявить на весь мир: вот ведь Америка что учудила, украла наш незабываемый фонд!» — а потом разделить его между настоящими страдальцами, как дыню: развалить сперва пополам, очистить от семечек, а потом поделить на дольки, да еще и еще, а после каждому причастному вложить в рот по сахарному кусочку.

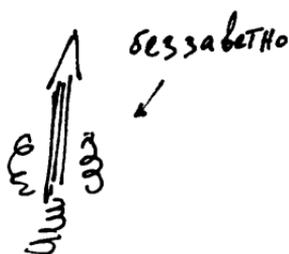

Не пора ли развернуть в народе дискуссию «Я люблю свою Родину!», в ходе которой выяснить, за что мы все любим Родину, как мы ее любим и в чем это все проявляется.

По ходу дела можно было бы выявить тех, кто, на наш взгляд, недостаточно ее

любит, а также тех, кто ее совсем не любит. А еще можно было бы выстроить народ, разделив его на категории:

беззаветно

а — любит беззаветно, б — любит не всегда и не везде, г — любит от случая к случаю, д — совсем не любит.

В отдельную графу надо бы выделить всех пришлых, которые и помыслить не

должны о том, чтоб раньше нас тут любить нашу Родину. Их придется все время преследовать и истреблять.

А еще между отдельными категориями хорошо бы посеять неприязнь, чтоб, значит, занять народ, устроив ему соревнование: те, кто любит беззаветно, не должны, к примеру, спокойно почивать на лаврах, они все время должны доказывать всем то, что они то как раз «беззаветно», обрушивая свой гнев на тех, кто «не всегда».

При этом надо пользоваться таким свойством русского языка, как его молодость.

А по этой самой молодости в русском языке нет однозначного толкования тех или иных слов, что, безусловно, очень выгодно для поэзии и для законотворчества.

То есть тут у нас одно и то же слово или понятие можно толковать на свой лад.

То есть надо пользоваться тем, что в понятие «любить Родину» каждый вкладывает

вает свой собственный, выстраданный неоднократно смысл, и как только он начнет прививать этот смысл кому-либо другому, то тут-то и выяснится, что под одним и тем же они понимают совсем не то, и тогда победит сильнейший.

Замечательная уловка красноречия состоит в том, чтобы не называть вещи своими именами.

Лучше всего вообще все путать.

Вот я, например, все время, путаю петтинг с путингом, а также с пудингом, патингом, паркингом.

□ □ □ □ петинг
 ↓ пудинг?

И что за нелепая причуда обижаться на весь мир и надувать губки? Детки малые. Это все от детства. Школьные страхи все еще не прошли. И эти губки надувают за нас. Они-то знают, что все это чушь, но нам демонстрируют это как отчаянное благодеяние. Они нас считают идиотами.

↑ губки надутые

—

Это все открывает шлюзы, влечет, кружит головы, потрясает основы, сворачивает умы. Пошли! Наши пошли к Венесуэле!

—

Хорошо бы все время иметь аргумент при себе. Только повстречал противника, как сейчас же выхватил из-под мантии аргумент и предъявил. Все это говорит, конечно, об упадке красноречия, ведь, будь оно у нас в расцвете, кто бы молча выхватывал из-под мантии аргумент, но здесь я хочу говорить не об этом. Здесь я хочу говорить о качестве материи.

Была бы у нас достойная, плотная материя, под которой так удобно все время носить аргумент любой величины, кто бы из существующих парламентариев, спрашиваю я вас, отважился бы носить брюки! Ведь под ними нельзя спрятать ничего, что стоило бы показать.

И потом, залезать в штаны, рыться в них с гримасой, а потом извлекать на свет Божий совсем не то — это же погубить весь эффект, как я считаю.

—

Меня спросили о том, что я думаю о будущих войнах на море.

Военно-морской флот — дорогая игрушка. И он всегда был и будет очень затратным делом.

Сегодня в России корабли строятся по десять и более лет. За это время война и мир сильно меняются. Это вечная погоня вооружения за тактикой. Задачи определяют оружие. Никто не создает оружие просто так, его создают под тактику боя, а она меняется быстрее, чем сегодня в России успевают построить очередной корабль.

Строится, к примеру, ракетный подводный крейсер стратегического назначения, но как только он входит в состав ВМФ, вдруг оказывается, что запустить баллистическую ракету по противнику вам никто не даст: война начнется до этого запуска, ракетно-сец уничтожат у пирса.

Можно, конечно, заранее выйти на позиции, но любой выход подводной лодки очень лихо отслеживается, и просто так выйти незамеченным год от года становится все сложнее.

То есть мы хотим построить, к примеру, восемь подводных лодок проекта «Борей», но пока они сойдут со стапелей, окажется, что произвести им боевые залпы никто не позволит — противоракетные системы от-

реагируют до того, как придет команда «Залп».

С 70-х годов прошлого века занятие района боевого патрулирования для ракетных подводных лодок было большой проблемой. Уже в те же времена было очевидно, что скрытное продвижение лодок к районам предполагаемых боевых действий проблематично, не только из-за их большой шумности, но и из-за того, что крадущуюся на глубине сто метров подводную лодку видно из космоса, примерно так же, как мы видим рыбу, плещущуюся на глубине в бассейне, наблюдая за всеми ее передвижениями с небольшого мостика, перекинутого через этот бассейн.

Все это приводит к тому, что кроме ракетных подводных лодок стратегического назначения нужны еще и многоцелевые лодки, а потом и дизельные лодки с повышенной автономностью.

Так и возникает очередная гонка вооружений.

Гонка, в необходимости которой все уверены так же, как и в ее бесполезности.

Мы вынуждены делать абсолютно бесполезное дело — вооружение проигрывает времени.

Мир разрастается настолько стремительно, что применение хотя бы одной баллистической ракеты скажется на всем земном шаре.

То есть пустивший ракету пустит ее прежде всего в себя.

До этой мысли политики еще не добрались, поэтому ракетные подводные крейсера, как и прочие корабли, будут создаваться еще очень долго.

Сегодня уже не нужны торпеды, которые, взрываясь под днищем подводного корабля, убирают взрывом из-под него всю воду, в результате чего водяное давление просто переламывает корабль пополам.

Задачи изменились. Войны будущего вообще представляются мне некой шахматной партией, когда один противник говорит другому: «Вам мат в три хода!» — и если его не понимают, показывает все эти ходы без применения оружия.

Что же касается торпед, то, как мне кажется, их создатели скоро пойдут по пути уменьшения боевого заряда в пользу точности.

И подводные лодки будущего, на мой взгляд, — это очень небольшие подводные аппараты, полностью автоматические. И вооружены они одной, максимум двумя-тремя торпедами.

Сами лодочки прячутся внутри судна-матки, которое представляет собой обычный контейнеровоз или же танкер. Причем под перевозку этих малюток может быть приспособлен любой контейнеровоз и любой танкер.

Базироваться же такие малютки не должны в какой-то определенной базе. Они должны разъезжать по всей стране на спецпоездах, замаскированных под обычные вагоны. Доставка их в базу, погрузка и выход в море должны быть делом одного дня.

Вот тогда они смогут скрытно выйти в море, не опасаясь превентивного удара, потому что, чтоб перекрыть этот выход, придется перекрыть все движение водного транспорта, а это год от года будет сделать все сложнее.

Разворачивание подводных сил на позициях в этом случае может быть осуществлено очень быстро.

Цели для противника будут очень малы и многочисленны, что затруднит их обнаружение и уничтожение, а вот торпеды, выпущенные из таких подводных лодок одновременно, цели найдут. Каждая свою.

Взрыв такой торпеды не уничтожит корабль противника. Он всего лишь оторвет ему, скажем, винты или нанесет какое-либо другое повреждение, которое сведет на нет выполнение им боевой задачи.

Подводная лодка, к примеру, у которой оторвало винты, будет заниматься не подготовкой к ракетной стрельбе, а борьбой за собственную живучесть.

Находясь под водой, она вынуждена будет всплыть, а на поверхности ее уже бу-

дет ожидать авиация противника — этот самый опасный враг подводных лодок на все времена.

Вот такой мне представляется будущая война на море.

О вчерашнем посещении Магадана высшими силами.

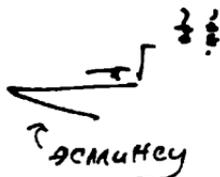
Как все-таки хорошо: пришел, увидел, рассказал, пожурил, поругал, путь наметил, про себя отметил — забота, бля!

↑ Все в Магадан

В район Сомали пошлют наш эсминец. Как-то я говорил с одним представителем.

Ох и ленивые! Ленивые умом. Эти всегда потерпят поражение.

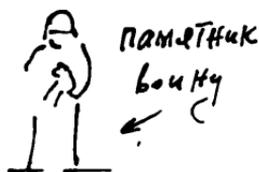
↑ эсминец

Прочитал воспоминания Алена Польца о том, как советские войска освобождали Венгрию. Насиловали и убивали. Множество женщин в районе боевых действий были изнасилованы и не один раз. Расстрелы на месте. То есть немцы и наши — это примерно одно и то же. Когда войска шли, насилие было минимальным, как только остановились, так и началось.

Я впервые услышал об этом лет двадцать пять назад от ветеранов той войны. Они рассказывали. Скупно, но рассказывали. Я тогда испытал шок. Меня воспитывали, воспитывали на том, что мы освобождали Европу, но забыли сказать как. Я отказывался верить, но рассказчики усмехались и говорили, что это правда.

В войне нет победителей. И в Великой Отечественной тоже. Поэтому у меня особое отношение к любой войне.

Так что памятники воинам-освободителям по всей Европе — это, знаете ли, штука спорная.

И когда кто-то хочет их демонтировать, то сопротивления в моей душе это не встречает.

Хотя это тоже часть истории.

А правду о той войне еще только предстоит написать.

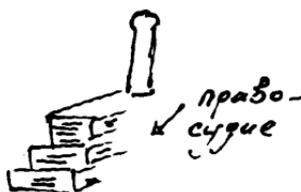

Диву даюсь, как они еще не выдохлись и как им хватает себя для нужд и экстренных потребностей всех этих больших государств и густонаселенных империй, где все потуги че-

ловека ограничены узкими пределами его берлоги, где духовная жизнь придавлена и сведена к абсолютному

экстремальные потребности

нулю, а человеческие страсти замызганы и заморожены. Там достаточно даже не самой рассудочности, а лишь легкого на нее намек, чтобы все сейчас же заговорили о мудрости, а что же касается остроумия, то без него обходятся совершенно, ибо даже ни искры его там не требуется.

Пуманз для меня всегда будет только жертвой. Я об этом писал, говорил и продолжаю говорить. Я отказываюсь верить в правосудие в России. Это не правосудие, это что-то иное. Можно взять человека на улице, затащить в милицию и растерзать там его без суда и следствия, а потом объявить, что он был террористом, мол, чего вы его жалеете.

Ну если не террористом, то хотя бы бандитом — тоже нечего жалеть.

А уж как милиционеры при этом пострадали — это не описать.

А родителям-то человека какво? Отец и мать служили Родине, а потом им объявляют, что вся их жизнь псу под хвост. Это как? И жены человека тоже прокляты? И дети? Это правосудие?

Я говорил и говорю: человека убили, остальное — от лукавого. Я знаю, как у нас даются показания на мертвого и как суд проходит. И я своего мнения не изменю.

26 сентября 1963 года подводная лодка 627А проекта К-181 достигла Северного полюса.

Командир корабля капитан второго ранга Ю. А. Сысоев и старший на борту командующий Северным флотом адмирал В. А. Касатонов получили звание Героев Советского Союза.

Поход подо льды трудная задача не только из-за того, что при аварийной ситуации невозможно всплыть, но и из-за того, что ледяные пики уходят под лед на десятки метров в глубину и на них можно легко напороться. Это лес из подводных сталактитов, под которыми и крадется подводная лодка — очень неприятная штука.

Так что поход на Северный полюс — дело опасное. Но под лед ходят хотя бы

потому, что ракетная подводная лодка, осуществившая пуск своих ракет с Северного полюса, практически неуязвима для ответного удара.

Такие походы считались походами за наградами, поэтому кроме старшего на борту в них ходил целый букет из штабных.

Мне переслали выписку из вахтенного журнала центрального поста К-181:

06.00 Подводная лодка достигла Ш — 90 градусов 0 минут СШ — района Северного полюса...

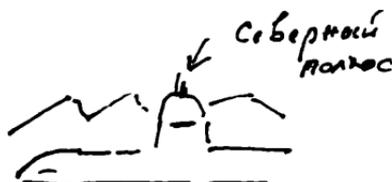
06.43 Дали пузырь в среднюю. Всплываем...

06.51 Отдраили верхний рабочий люк. Ш — 90 градусов 0 минут. Всплыли на Северном полюсе. Стравлены баллоны вакуумирования. Ветер 4 балла, снегопад, температура воздуха — 15 градусов по С, Р — 750 мм, лед 30–40 см...

10.30 На Северном полюсе водружен Государственный флаг СССР и Военно-морской флаг СССР.

10.40 При опробовании льда спускались с борта, командир БЧ-1 капитан-лейтенант Храмцов оступился в полынью. Утоплены канадка меховая — 1 шт., сапоги — 1 пара, меховые рукавицы и аварийный ломик. Ш — 90 градусов. Ввиду большой глубины затопления (4000 метров) имущество признано безвозвратно утерянным и с согласия командующего Северным флотом адмирала

В. А. Касатонова списано, о чем был составлен соответствующий акт...

Великое и смешное — все рядом. Люди жизнью рискуют, но и о списании имущества не забывают.

Странно, что они там бинокль в воду не уронили.

Если в свое время нам, к примеру, надо было подарить старшему на борту бинокль, то в вахтенном журнале делалась запись: «При следовании ПЛ в надводном положении сигнальщик матрос Куквин уронил за борт бинокль».

Потом издавался приказ о наказании матроса и командира штурманской боевой части, имущество признавалось «безвозвратно утерянным», а адмиралу дарили бинокль.

А тут утопили канадку, сапоги, рукавицы и лом. И глубина отмечена — 4000 метров. Не забыли про глубину.

Как будто если б там было бы 40 метров, то за канадкой немедленно кто-нибудь нырнул.

Ну, лом — это понятно, а вот упавший за

борт на Северном полюсе вряд ли начнет раздеваться в воде, температура которой частенько достигает минус двух при минус пятнадцати на ветру.

Падали у нас люди за борт и при минус пятнадцати и при минус тридцати.

Падали при стоянке в базе — верхние вахтенные, например. В канадке, в ботинках, в валенках, в обнимку с автоматом Калашникова. И никогда никто ничего не теряет.

Канадка намокает очень быстро и становится колом. И руки у человека не действуют — околевают руки, и хватается он за брошенный ему шкерт (веревку, значит) зубами — а больше-то никак. Где уж тут ему, сердешному, канадку-то расстегнуть, которая на молнии от горла и до промежности.

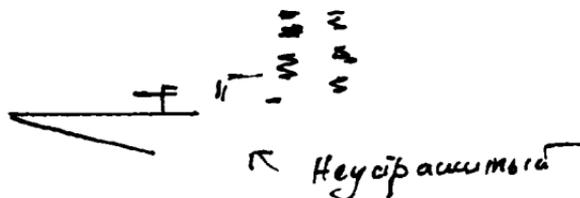
Вот так и служили мы.

И подо льды ходили, и канадки с биноклями для начальства не забывали списывать.

—

СКР «Неустршимый» направился к берегам Сомали.

Он там будет бороться с пиратами.

Два года тому назад я писал о том, что за пиратством вижу большое и светлое будущее.

И это не просто убытки в 15 миллиардов евро для мирового сообщества ежегодно. Сейчас это уже гораздо больше. Можно говорить и о 30, и о 50 миллиардах.

Пиратство — это современнейший, бурно развивающийся бизнес. И тут давно уже крутятся большие деньги, что так лихо отнимаются у торговых флотов всех стран мира. Миллиардные выкупы, зверские убийства моряков, продажа захваченных кораблей и груза на сторону, оружие, наркотики — все это современное пиратство.

А что до смычки терроризма с пиратством, так там осталось всего-то, наверное, сантиметров десять, и тогда пираты будут иметь не только самые быстроходные катера, но и подводные лодки, базы и лаборатории по производству новейших видов вооружения и взрывчатых веществ. И так далее и тому подобное, вплоть до биологического и химического оружия.

А международное сообщество во главе с нашей самой большой международной совестью — Соединенными Штатами Америки — проснулось только что.

США направили к Сомали эсминец. Интересно, чем же он там, на досуге, займется?

Двухсотмильная зона, рекомендованная

когда-то судам как панацея от нападения, давно уже преодолена бодрыми сомалийскими ребятами, а география их деятельности сегодня такая, что впору говорить необходимости полной блокады Сомали с моря.

Выполнимо ли это?

А кто ж его знает? Еще не пробовали.

Вот теперь и попробуем.

У России несколько флотов: Балтийский, Тихоокеанский, Северный, Черноморский.

А еще у России есть «флот на Козловском» — на Большом Козловском в Москве стоит здание Главного штаба Военно-морского флота.

Как-то пару лет тому назад я разговаривал с одним из представителей этого замечательного флота. Говорили мы о пиратах. Я говорил о том, что пора бы выполнять присягу и защищать российских граждан, где бы они ни находились, а он мне говорил, что они там плавают под непонятными флагами.

— Плевать! — горячился я. — Хоть под флагом Страны восходящего солнца! Это наши граждане, и в соответствии с присягой они должны быть защищены! Ну хоть эсминец пошлите!

Послали. Наконец. Не прошло и двух лет.

СКР «Неустршимый» Балтийского флота — это очень даже неплохой корабль. Когда-то планировалось, что таких кораблей у России будет аж 70, но построили

только один. Он теперь нарасхват — и в Крым, и в рым.

Ну, теперь он должен войти в состав международных сил, если, конечно, такие силы начнут создаваться.

А сомалийцы тем временем готовятся разгружать захваченные украинские танки.

Конечно, посылать танки в Кению без сопровождения — это не от великого ума, но теперь-то уже чего там. Теперь-то всем миром навалятся.

И тут важно, чтоб американцы, россияне, французы, итальянцы, испанцы и германцы договорились бы между собой.

А то в горячке как бы не покрошили друг друга. Раз пошла такая драка, то все возможно.

—

Ох, боюсь, не дождутся нашего «Неустранимого» американцы — начнут штурм «Фаины». Недаром вертолеты вокруг летают. Мандат на это дело получен давно и от ООН, и от того правительства, что сейчас считается за правительство Сомали.

Там же танки, а кто позволит пиратам разгружать танки? Никто. Выкуп теперь вряд ли заплатят, а сдаваться пираты не намерены. Значит, захват. Ночью диверсанты бесшумно на борт — а там и пошла резня.

Если на одной чаше весов находятся жизни моряков, а на другой танки, то у людей шансов маловато — сдадут людей.

А все из-за того, что мировое сообщество никак не может договориться о создании международных сил по противодействию пиратству — каждый тянет одеяло на себя, и разума в этом деле нет.

Нужны, очень нужны силы быстрого реагирования. Особенно в районе Сомали. Нужна блокада Сомали с моря. Полная блокада. Наблюдение из космоса, патрулирование, сопровождение судов.

И на каждом судне нужна вооруженная охрана — палубные пулеметы и десантники.

И это, повторюсь, на любом судне — на рыбацком, пассажирском, торговом.

Элементарно, но об этом разговоры идут годами.

Ничего не делается.

Нет, можно, конечно, сейчас окружить все это американскими эсминцами, да к ним еще в придачу и парочку эсминцев из Малайзии прижать, да и нашего «Неустрашимого» можно послать, но все это непродуманные, отрывочные действия.

А тут нужна система. В борьбе с пиратами нужна система.

Их сейчас хотят взять на испуг, а они давно уже переросли этот испуг. Не пугаются они, и можно там хоть целый год вокруг них на вертолетах летать — не испугаются. Прикормлены они выкупами. Им давно платят.

А американцы теперь хотят разорвать эти дивные отношения «товар и деньги».

Кровью моряков все это пахнет.

Так что нашего «Неустрашимого», боюсь, не дождутся.

—

Меня спросили:

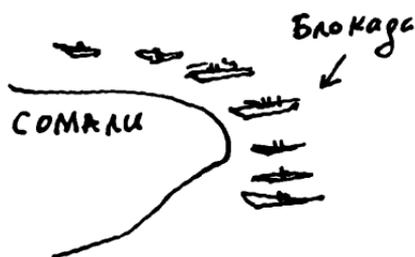
— А вы по-прежнему готовы иронизировать по случаю посылки «Неустрашимого» к берегам Сомали?

Ну почему иронизировать-то я должен?

Ну пошел туда «Неустрашимый», ну и слава богу. Только ему топлива надо жуткое количество. Заправлять его надо. Вот он еще неделю будет идти, потом начнет там ходить туда-сюда кругами, дожидаясь наших кораблей, которых надо будет проводить через пиратские воды.

Может быть, он примет какое-то участие в организации блокады сомалийского берега. Все это может быть. Почему нет? Просто нужна нешуточная организация. Нужен центр управления всеми этими международ-

ными силами, нужен штаб, нужно обеспечение. Все это нужно. Есть ли все это на сегодняшний день? Сомневаюсь, поэтому все будет как и всегда: сначала пойдем, а потом будем маяться с организацией.

Корабли туда посылает политическая воля, а эта воля, как мне представляется, считает, что организация возникнет сама собой, вдруг, ни с того ни с сего.

Ну, пусть они так считают. Результаты-то налицо: окружили «Фаину», а дальше что?

Не допускаем разгрузки. Замечательная цель, и она достигнута, но выкуп все равно готовятся платить. Сейчас только решат, кто платить будет, а тем временем закончатся у них на «Фаине» продукты, вода и топливо, пиратам все это надоест, пошлют они этот выкуп далеко и надолго, и они начнут действовать — им-то все равно, когда с Аллахом встречаться, сегодня или завтра. Вот тогда и начнется мясорубка, штурм, гам — все прыгают и стреляют друг в друга.

В далекие советские времена эта стрельба была бы минимизирована. Конечно, в те времена людей бы никто не жалел. О заложниках думали бы в последнюю очередь.

Тогда, если приняли решение на штурм, то тихо, ночью подошла бы поближе атомная подводная лодка 671 РТМ-проекта, и из нее через торпедные аппараты к «Файне» отправились бы боевые пловцы.

Вскарабкаться на борт им ничего не стоит. А бесшумно снять пиратов-дневальных выстрелами из оружия с глушителями — это дело нескольких минут.

А потом и все другие пираты уничтожаются подобным же образом, ведь не спят же они в обнимку с заложниками.

А где они спят и как они спят — это предварительно устанавливает разведка — они ж там две недели за пиратами следят, установили, наверное, за этот период, кто, где и как находится.

В советские времена диверсанты только и делали, что тренировались и дневальных в соседних частях воровали. И так это здорово получалось, что даже автомат вскинуть никто не успевал.

А сейчас, похоже, инициатива в руках у пиратов, и они там решают, когда на них будет осуществлено нападение.

А если так, то неожиданным оно станет только для нападающей стороны.

—

Меня спрашивают, я отвечаю. Спрашивают меня периодически. Звонит какая-нибудь девушка: «Я из газеты номер такой-то...» — и задает вопрос, а я отвечаю. Я всегда отвечаю, только прошу, чтоб не забывали при публикации перемежать мое выступление такими фразами, как «мне кажется», «я думаю», «мне представляется», потому что я не хочу «пасти народы», как выразился однажды Лев Толстой. Я не хочу быть провидцем, отцом нации, учителем, пастырем, пророком и все такое прочее: Я это не люблю, мне это не нравится.

Договариваемся, что я просто высказываю свое мнение. Договорились? Мне говорят «да» и задают вопросы, и я на них отвечаю. Потом просят назвать адрес, чтоб прислать мне интервью на согласование, а я говорю, что присылать мне его не надо, поскольку я не думаю, что девушка сильно наврет, она смеется и говорит: «ладно».

Недавно спросили: что я думаю об энергии будущего. Я сказал, что об этом я уже как-то писал. Могу повторить: нефть, газ, каменный уголь — это все из области вчерашнего дня.

Особенно в России.

В России огромные пространства, и каждый год одно и то же: успеем или не успеем за короткое лето завести уголь на Коман-

дорские острова и в Петропавловск-Камчатский. Пещерный век. Туда надо завозить не уголь. Туда надо поставить мобильную атомную электростанцию. А в каждом доме надо поставить электрический котел, чтоб не тащить трубы по улице. Я предлагал это лет десять тому назад.

Как-то в конце семидесятых годов прошлого столетия на севере, в Гаджиево, прошел ураган. Он повалил линии электропередач. Две атомные подводные лодки на мощности 20% обоими бортами от пирса питали весь поселок примерно неделю, пока они восстанавливали там свое электричество.

Вот и все. Вот выход, который давно напрашивается. И известно все это еще с прошлого века. Лет тридцать уже известно.

Согласен, атомные реакторы, теплоносителем в которых является вода, не самые безопасные реакторы в мире. Кроме того, такие реакторы дают огромное количество жидких радиоактивных отходов (ЖРО).

Но существует альтернатива — жидкометаллический теплоноситель (ЖМТ).

Компактно и ЖРО практически нет. Есть у нас такие реакторы? Есть. Немного, но есть.

Сейчас ведутся работы по созданию нового образца — реактора с ЖМТ на быстрых нейтронах. Вот только в России эти работы ведутся мед-

ленно — то денег не хватает, то, когда их дают, эти деньги куда-то деваются, то не тем дают. Так и живем.

А эти реакторы интересны тем, что они транспортабельны. Их можно перевозить. Они модульного типа. Как батарейки. Вставил — есть электричество. И хватает такой батарейки лет на пять-десять.

А что будет через десять лет? Меняем батарейки. И отходы минимальны. Это не миллионы тон радиоактивной воды, которую в конце концов сливают в реки.

Все должно быть электрическое. Не газовое, а электрическое.

Беда — у нас все медленно. Диплодоки. Нервный импульс от хвоста до маленького мозга идет три минуты.

—

Позвонила корреспондентка из немецкой газеты (название тут же забыл):

— Я могу у вас взять интервью?

— Можете.

— Я буду задавать вопросы об экономическом кризисе.

— Но я не экономист.

— Это и хорошо. Нам не нужно мнение экономиста.

— Спрашивайте.

— Как бы вы охарактеризовали происходящее в мировой экономике?

— На мой взгляд, экономисты — это такие водители паровоза. Или они не знают, куда он движется, или они не в силах его остановить, или они знают, куда он движется, и со всего происходящего они имеют свой процент. Последнее утверждение мне представляется более вероятным. Ведь кризис начался не сегодня. Все признаки его приближения были видны еще год тому назад. В любом случае, мне кажется, доверие к экономистам очень сильно подорвано. Экономист сегодня слово ругательное.

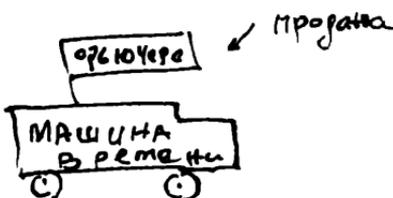
— Каким вам видится будущее?

— Кризис теперь станет явлением будничным. Это как ураганы в Мексиканском заливе, количество которых день ото дня только растет.

— В чем вы видите причины кризиса?

— Экономика для меня штука странная. Тут можно купить не сегодняшнее состояние, а состояние будущее. На биржах всего мира продают фьючерсы. Это такая машина времени: можно забраться в будущее, там разбогатеть, а потом вернуться в прошлое, где и продол-

жить. Год от года это сделать будет все сложнее, а желание сорвать куш всегда остается, отсюда — кризисы. Существуют за-

коны экономики. Они сегодня уже вышли на космический уровень. На уровень всей планеты. А на космическом уровне так себя не ведут. Тут сошел с тропы, наступил на бабочку — и в результате происходит катастрофа. Здание рушится. Медленно, но падает. Это раньше человек убивал оленя стрелой и, в общем-то, ни на что это не влияло. Потом он убивал его пулей — тоже ничего страшного. А потом он изобрел атомное оружие — а им уже можно Землю с орбиты сбить.

Чем выше уровень развития, тем меньше свободы действия, потому что с развитием приходит понимание того, что законы преступать нельзя — Вселенная рухнет.

Пока наше развитие опережает понимание того, что может рухнуть Вселенная. И чтоб она не рухнула — будут кризисы. Вас устроит такое объяснение?

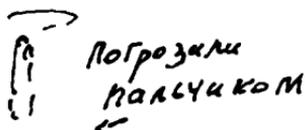
— Вполне. А как вы видите развитие кризиса в России?

— В России все имеемые законы экономики нарушены не один раз, поэтому, как мне представляется, если во всем мире все рухнет в два раза, то у нас — в двадцать два.

— То есть вы не видите выхода?

— Я вижу выход. В экономике должен быть свой «Гринпис».

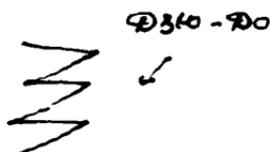
Вот такое получилось интервью. Не знаю, опубликуют ли.

Мы опять погрозили Европе. Пальчиком. Это очень просто устраивается. Берется пальчик... и им так в воздухе, в воздухе...

— А вы не знаете, зачем ему подарили тигра? — Раньше дарили борзых щенков. Тигр просто крупнее.

Все же от любви. От любви нас к нему, а его к нам. Такое возвратно-поступательное движение — дзю-до, дзю-дзю-до...

— Интересно, когда-нибудь, мы узнаем все? — А вот это как раз и не интересно.

А у нас и до кризиса было херово, и во время кризиса у нас херово, и после кризиса у нас тоже будет херово.

Впору говорить о некой незыблемости и, может быть, даже стабильности.

Незыблемость

↓ от
незыблемости

Россия большая. Из-за этого в ней ничего не успеет произойти.

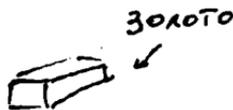
Ни хорошее, ни плохое.

А спинку-то как он держит! Как он держит спинку! Маленький такой, а как уже держит спинку! А если б не держал?

Если б не держал, то все говорили бы: он даже спин-

ку не держит. А тут держит. И как только рот свой он открывает, аккурат в тот же миг и критикует происходящее. Очень! Очень мне это нравится.

— Вы видели деньги? — Нет! — Вот эти наши деньги, увеличения, убыстрения, достижения... — Нет! — А золотовалютный запас? — Нет! — А этот... Стабббббб-фффффонд? — Нет! Это ж все виртуальное, где ж его можно увидеть? — А вот то, что нас каждый день тут е... — А вот это уже натуральное.

Премии вручали. Военные, летчики, испытатели, артисты.

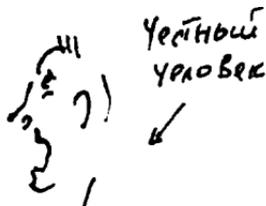
— Вы не знаете, почему на вручение премий объединили военных и артистов? — Знаем. Одно говно.

Чем древнее человек, тем ближе ему хочется быть с властью. Всею виной сентиментальность, старческие слезы, испускаемые по любому поводу.

Ум неясен, взор затуманен. В этом случае для поцелуя подойдет и жопа.

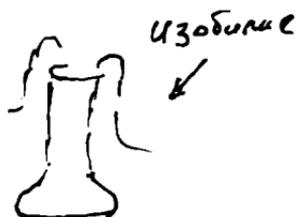
Совершенно честного человека из нашей Думы взяли и оклеветали, мол, он в Испании, с какими-то бандитами, по пятьсот счетов на каждого, на что другие честные люди из той же Думы немедленно встали, сказали свое веское слово в его защиту, а потом только сели, а потом опять встали, добавили и опять сели.

А ведь нам еще предстоит борьба с коррупцией, а они уже так расходовали себя!

Чиновникам грех жаловаться на наш благодатный, изобильный край, где все чересчур, все с избытком.

Недостаток только в догляде. Некому за ними доглядывать. От того и смурь, честолюбие, трусость, гордость, сладострастие, зависть. Упыри, прости Господи! Все никак порчу на них не навести.

Право дело, и как только это возможно? Как возможно навести порчу на то, что само по себе и есть порча? Не ржавеет только ржа, управляемая ржою.

Оттого и блага на них источаются в столь пристойном и похвальном излишестве, что никто всерьез не помышляет жаловаться.

— Эх, моя б воля...

— Слышал я, что примут кодекс чести.

— Неужели? Вот ведь как! У кого у нас появится честь?

— У чиновников.

— Надо же! И остроумие, и глубина наших суждений теперь будут в точности соответствовать длине и ширине наших потребностей. Тощие ручейки порядочности, что еще только мгновение назад казались пере-

Тощие
ручейки
порядочности

сохшими, в один миг станут полноценными реками, забурлят, забурлят потоки совестливости, оживут водовороты...

— Вот водовороты обязательно оживут. Всенепременнейше. Насчет этого вы совершенно правы.

—

Дума-вилла-Дума-вилла-Дума-вилла-Кремль! Вы не знаете, почему эти слова так связаны?

—

Вот ведь как! Вот так взяли и остановили кризис.

В одной, отдельно взятой стране.

А я-то думал, что они там все только срут помаленьку — ан нет!

Не срут.

И даже никаких к тому не имеют позывов. А имеют они только то влечение, то невыносимое, неодолимое желание, как только служить. Стране. Вот этой самой,

что вынянчила такое количество разного тут всего.

Вот этого кудлатого, многорукого, совсем ни на что не похожего, но нашего, нашего — за что ни возмись, чего ни коснись, ни вторгнись, только кажущегося всем угрюмым и бесчеловечным, а на поверку — радостным и сладостным.

—

— А кризис для России — это хорошо! — Неужели? — Да! И эксперты об этом говорят. — То есть то, что для остального мира говно, для нас — хорошо? — Получается, что так. А для нас все хорошо. И это хорошо может быть только двух видов: просто хорошо и очень хорошо.

—

Меня спросили: что я думаю относительно того, что Главный штаб ВМФ хотят перенести в Санкт-Петербург и разместить его в здании Адмиралтейства.

Я сказал, что это все было во время высоких цен на нефть. Сейчас цены на нефть упали, а вместе с ними утихли разговоры о таком переносе.

Это все из-за цен. Нефть была дорогая, деньги лишние, а лишние деньги всегда жгут карманы — хочется сделать что-нибудь для грядущего.

Это как в Бразилии до изобретения искусственного каучука.

Когда-то в Бразилии добывали каучук, и нужен он был всему миру, потому что этот мир в очередной раз воевал. Каучук шел на шины для автомобилей, и Бразилия процветала. В непроходимых джунглях строили дворцы, здания для оперы. Потом там пели выдающиеся певцы.

Но, во-первых, каучук был не только в Бразилии, а во-вторых, начали изготавливать шины из искусственного каучука. И Бразилии пришел конец.

Дворцы снова заросли великолепными джунглями.

Так что и у нас все эти переносы Главного штаба, повороты рек и рытье нефтепроводов — это все из той же серии — от высоких цен.

Как только цены упали, вернулся сбежавший было ум.

Не совсем, конечно, но кое-что.

Это я насчет ума.

То есть говорить о полном безумии в России уже нельзя.

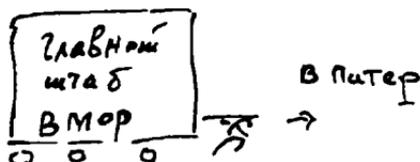
Перенести-то Главный штаб можно, конечно, но вот только зачем?

Был когда-то в Советском Союзе Военно-морской флот. Он был не маленький. И управлялся он из Москвы. Из Главного штаба. Хорошо ли управлялся или плохо — это уже другой вопрос, но управлялся.

А теперь взяли и перенесли его в Санкт-Петербург? Зачем? Поближе к воде, что ли? От этой близости флот будет лучше управляться?

Управление — это сначала хорошая связь, а потом уже светлая голова при этой связи.

А перенос штаба в Петербург — это новая связь. Вот на нее, прежде всего, и нужны колоссальные деньги. И время.

Флот в России в сравнении с советским Военно-морским флотом уменьшился до размеров етишкиного причинного места, неужели ж для управления им надо переехать в Питер?

Нет, я понимаю, конечно, там, в Москве, он занимает площади, а здесь, в Петербурге, он тоже будет занимать Адмиралтейство (всех оттуда вытряхнем, и займет), что рядом с бывшим царским дворцом — а вдруг у нас царь снова появится, так вот, чтоб, значит, к нему на доклад через дорогу легко бегать было...

И потом, ему — штабу то есть — после Адмиралтейства всегда же можно присмотреть еще одно место, еще ближе к воде — в Кронштадте, например.

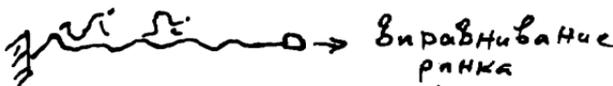
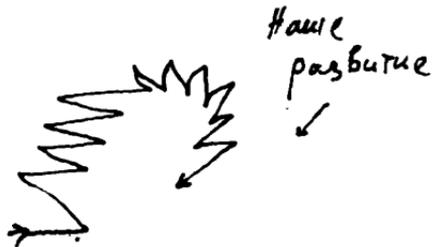
То бишь это будут такие вечные переезды. А переезды, что пожары...

Но все это — все эти переезды, повторюсь, как мне представляется, можно сделать только с очень большого, нефтяного, жира.

С жира многое случается.

Мне кажется, что прошла уже целая вечность с тех пор, как нас в нашем развитии опять треснули по башке и оставили нас без развития. Ну, теперь,

конечно же, надо поддерживать рубль, выбрасывая на рынок доллар, что при высоком уровне инфляции сделать, естественно, нелегко. Но мы это сделаем во что бы то ни стало. Выравниваем рынок.

— При выравнивании рынка большой помер.

— Кудрявого наградили. — Опять? — Опять! — За что? — За все. И в Сингапуре и не в Сингапуре. За все.

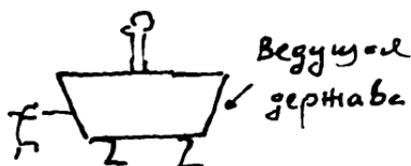

— Все дело в длительности и ее непостоянных модусах. — Вы полагаете? — Да! — А что такое «модусы»? — Не знаю, но слово красивое. Кажется, оно имеет отношение к экономике.

— И как ему удастся так долго быть министром? — Ему не удастся, но он министр. — Вы не видите в этом никакого противоре-

чия? — А вы не видите противоречия в том, что Россия — ведущая мировая держава?

— Надо все растянуть до непостижимых размеров! — Что вы собираетесь растянуть? — Время конца. — У конца есть время? — У нашего — есть!

Даже человеку с воображением решительно невозможно тут что-либо понять, куда уж тем, у кого воображение задушено еще в детстве подушкой.

С 2000 по 2007 год цены в России выросли в 3.97 раза, и это придумал не я.

Все выросло в 4 раза при темпах ежегодного роста ВВП то на 7, то на 8 с какими-то долями процентов.

То есть за 7 лет рост ВВП составил 56.7 процента при стремительном росте цен.

И это, конечно же, является достижением нашей экономики, финансовой системы,

тактики, стратегии — чего хотите. Россия периодически занимает то шестое, то десятое место в мире по объемам ВВП, и только уверенное 59 место в мире по расчету его на душу населения.

Пора всех награждать.

Пора, пора, давно пора.

А кого пора награждать?

Пора награждать начальство, конечно.

Только его — замечательное, величайшее, великолепнейшее, скромнейшее наше начальство.

Что и делается.

Я хотел бы остановиться только на наградах господина Кудрина (поклониться бы ему при встрече до земли).

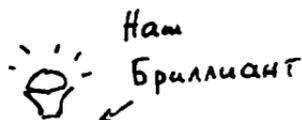
В апреле 2004 года на международной конференции в Нью-Йорке министр финансов господин Кудрин отметил, что инфляция в России в ближайшие 3–4 года сократится до 3–4 процентов (ах, ах!), и все это, заметьте, при росте валового внутреннего продукта на 8 процентов. Конференцию организовывала авторитетная неправительственная организация — Международный институт «Восток—Запад».

Речь господина Кудрина настолько потрясла всех присутствующих, что он немедленно получил награду «За глобальное лидерство».

В сентябре 2006 года в Сингапуре на осенней сессии Всемирного банка и Меж-

дународного валютного фонда он же был признан «лучшим министром финансов среди развивающихся стран Европы».

Кроме того, Указом президента России от 12 октября 2005 он награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, а еще он получил две благодарности того же президента в 2004 и 2005 годах, а еще Почетную грамоту правительства Российской Федерации в 2000 году, а 11 сентября 2007 года он стал лауреатом премии «Русский Бриллиант» в номинации «Достоинство».

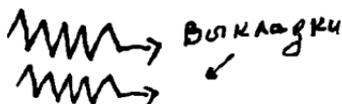

И вот таких бриллиантов у нас с вами не счесть.

Очень хотелось бы знать: в силу какого механизма и каких выкладок в мозгу нам удалось пострадать гораздо больше всех остальных во время экономического кризиса, начавшегося не у нас, а в Америке.

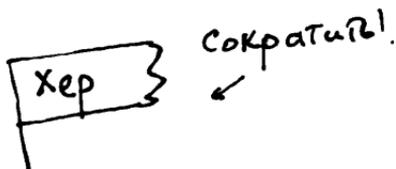
При этом невредно было бы сообщить, в чем мозгу мы должны искать эти выкладки и этот механизм.

А давайте выберем Обаму заодно и президентом России, и сразу же наступят и демократия, и определенность во всех наших делах.

Госаппарат сократится на букву «хер». А субъектов Федерации будет всего два: до Урала и после Урала.

И станут происходить какие-то разумные вещи.

Не будет, например, мыслей о том, как было бы хорошо, если б срок у нас был не четыре, а, к примеру,

как и у всех недоразвитых, пять, а возможно, шесть и более лет.

Не будет мыслей о том, что было бы очень здорово поменять ваши доллары на наши каменные колеса, потому что теперь мы будем все расчеты производить в мельничных жерновах.

И наконец, не будет послания Федеральному Собранию, потому что и само Собрание, и послание к нему очень уж напоминают «Посмертные записки Пиквикского клуба». Местами оно в точности воспроизводит строки из указанного произведения, посвященные сообщению Сэмюэла Пиквика, эсквайра, размышляющего «об истоках Хэмстедских прудов с присовокуплением некоторых наблюдений по вопросу о теории колюшки».

Цитата: «Она была, как челюсть в стакане, — и страшно, и воды не выпить».

— А понимаете ли вы теорию этого дела? — Ни капельки! — Но есть же у вас какие-то идеи относительно того, что вы здесь говорите? — Не больше, чем у моей лошади! — Боже ж ты мой! Но сколько же достоинства в этом простодушном невежестве! Прямо жаль заменять его знанием!

О чем это я? Да все о нем, о послании. Вот ведь какая штука получается. Всего одну букву вставляешь в слово (например, букву «ы»), и «послание» сейчас же превращается в «посылание». Вот с «посыланием», кстати, все понятно.

Вот послушал я их и подумал: а ведь они все сумасшедшие. И Собрание это — собрание сумасшедших. И сидят они, как

Сумасшедшие

сумасшедшие, и слушают, как ненормальные, и говорят, как тронутые, а глаза у них светятся чокнутой радостью и свихнувшимся разумом. Неужели же один на всем нашем свете и есть нормальный человек, и этот человек — я?

Вот оно — настоящее одиночество.

—

Обычно все принимается так, как оно и происходит. Меньше всего на свете люди утруждают свои мозги путанными мыслями.

Путанные идеи

Идеи времени и пространства, болезни Вселенной или маленькие неприятности с ней; или то, как мы доходим до этих идей, из какого материала они образованы, как рождаются они с нами; как они вообще появляются в нашем уме, подбираются ли где-то в пути, по дороге, или возникают на сон грядущий, когда все уже расстались не только с брюками, но и с трусами, вместе с тысячами

других изысканий, предвидений и пререканий относительно свободы и необходимости, на чем двинулось рассудком великое множество лучших сынов человечества, никогда не приносили ни малейшего вреда головам остального люда, что всегда воспринималось мной не иначе, как Божья благодать.

«8 ноября в 20.30 по местному времени на многоцелевой подводной лодке «Нерпа» (проект 971 «Щука-Б»), вышедшей из базы ЗАТО «Большой Камень» и проходившей ходовые испытания, произошло несанкционированное срабатывание системы пожаротушения с выбросом фреона. Погибли 6 военнослужащих и 14 гражданских лиц. Еще 22 человека госпитализированы. Всего на борту подлодки находились 208 человек, из которых 81 — военнослужащие» — вот такое сообщение подарили нам СМИ.

Потом господин Дыгало уточнит: погибли 3 военнослужащих и 17 гражданских.

Особенностью проекта 971 «Щука-Б» является его более высокая в сравнении с аналогичными проектами автоматизация боевых и технических средств. Управление осуществляется из единого центра — с главнокомандного пункта (ГКП). Экипаж — 73 человека.

То, что на ней во время аварии находилось 208 человек, говорит о том, что на хо-

довые испытания пошла большая сдаточная команда, а это означает только одно — жуткая теснота, скученность, людям негде спать. Их там на каждом квадратно метре по двое. А спят они стоя или вообще не спят.

На ходовые испытания лодка может выйти на десять суток, и все десять суток они будут не спать.

К сожалению, все ходовые испытания проходят именно так, а поскольку только на ходовых испытаниях системы и механизмы корабля и проходят настоящую проверку работоспособности, то возможно все что угодно. На ходовых испытаниях всегда чего-нибудь да случается, а если не случается, то это великое счастье.

В СМИ сообщалось, что «возник пожар» и произошла «несанкционированная подача огнегасителя (фреона)».

Так вот, если пожар и может возникнуть совершенно «неожиданно», то «несанкционированная подача огнегасителя (фреона)» произойти не может — не зря мы упомянули о том, что управление всеми техническими средствами осуществляется на этом проекте из единого центра. Не может просто так пойти в отсеки фреон. Его надо туда подать.

Я с фреоном проплавал 10 лет. Все эти 10 лет надо было держать ПДУ (портативное дыхательное устройство, изолирующее органы дыхания от влияния внешней сре-

ды) при себе всегда — на обеде, в туалете, в койке — всегда.

Фреон нельзя подать, «нажав кнопку». Он подается при повороте вентиля. Этот вентиль довольно громоздкая штука. Его случайно повернуть нельзя. У него есть холостой ход, чтоб, случайно за него задев, не подать фреон в отсек.

Еще раз отметим: фреон не подается автоматически, потому что в отсеке могут быть люди, не включившиеся в ПДУ.

Но можно перепутать и подать фреон не в тот отсек. Такое бывало. Рабочие при сдаче корабля путали маркировку, и тогда при пожаре, повернув вентиль, подводники подавали фреон туда, где его меньше всего ожидали. Вот тогда и травился народ.

И еще о фреоне. Применяется он только при объемных пожарах в отсеках подводных лодок. Перед применением, повторюсь, все люди в отсеке должны быть включены в изолирующие средства защиты органов дыхания. Иначе — смерть от удушья.

Кроме того, после подачи в отсек фреона выходят из строя все электрические щиты и электронные схемы. То есть отсек после применения фреона перестает функционировать.

Так что на деле применять фреон при пожаре подводники не любят.

Теперь вернемся к сдаточной команде.

Лодка выходит на ходовые испытания, и это означает, что она не принята ВМФ. Сдаточная команда под контролем подводников проверяет работу каждого механизма и системы. Сдаточная команда — это представители промышленности, контрагенты, рабочие завода. Они могут быть очень хорошими специалистами в своей области, но в вопросах борьбы за живучесть подводной лодки — это балласт. Недаром от фреона в этом случае их погибло 17, а военнослужащих — 3. Они просто не понимают, почему надо все время носить с собой средства защиты органов дыхания.

Так что сдаточная команда — это что-то. Рабочие просто неуправляемы. Только и гляди, чтоб они чего-нибудь не сделали. А когда их больше сотни?

Обычно наш старпом, если на корабле появлялись рабочие, рядом с каждым из них ставил подводника, с тем чтоб он ходил за рабочим как тень и всегда видел, что тот делает, потому что разводные ключи, забытые рабочими в электрощитах, — это обычное дело. А такой ключ является источником короткого замыкания в щите и скоротечного пожара. Чуть качнуло — и забытый ключ уже чего-то замкнул.

Из 208 человек только 81 подводник.

81 умножаем на 2 — это 162. То есть 46 человек из сдаточной команды ходили по ко-

раблю без сопровождения. Вот и доходились.

Это невозможно. В стране надо объявлять траур, а по телевизору все пляшут и поют, а если и появляется кто-нибудь, то рассуждает он о том, что «реактор в норме» и «остальные механизмы работают нормально».

Да не нормально у вас. И никогда нормально не было. У вас люди для железа, а не железо для людей. Вот в чем причина всех ваших неудач — прошлых, настоящих и будущих.

У вас не для человека все это. А должно быть.

Почему на подводных лодках — современных, суперсовременных — до сих пор в системе объемного пожаротушения применяется фреон? Почему? Неужели существует «фреоновое» лобби?

Давно, еще в девяностые годы прошлого века, в Отчестве нашем любезном проводились испытания различных систем пожаротушения. Цель — с началом пожара быстро снизить содержание кислорода в отсеке с 21 до 12 процентов, при которых горение прекращается почти мгновенно. Испытывались: распыление специальных аэрозолей, выжигание кислорода с помощью специальных устройств и самое простое — снижение процентного содержания кислорода повышением давления. При этом

давление повышалось всего на 0.5 атмосферы избыточно путем подачи в отсек сжатого азота из специальных баллонов. Азот заполняет отсек, концентрация кислорода падает до 12 процентов, и пожар прекращается. Оборудование отсека при этом также не страдает.

В ходе испытаний выяснилось: при подаче азота концентрация быстро падает до 12, и пожар прекращается как по мановению волшебной палочки, сразу.

Вдумайтесь — сразу!

И все-таки как эта ситуация влияет на людей? Не будет ли у них кислородного голодания? Выдержат ли они избыточное давление в 0.5 атмосферы?

И это проверялось — выдерживают люди. Выдерживают они избыточное давление в 0.5 атмосферы и снижение процентного содержания кислорода до 12 процентов. Не случается у них при этом кислородного голодания.

И что же теперь? Почему через 15 лет на современной подводной лодке у нас все еще подается в отсеки фреон?

Все очень просто. В 90-е годы испытания проводились, но до конца тогда дело не довели — деньги кончились. Вот и остался на лодках фреон.

А в России всегда так. Сделают суперсовременную подводную лодку, но что-то на

ней все равно оставят из прошлого века. Это как каменные топоры пещерного человека.

Что-то у нас очень хорошее, современное, новое, но рядом обязательно будет лежать каменный топор — это уж как пить дать!

Как мина замедленного действия.

И вот эта мина когда-нибудь да рванет.

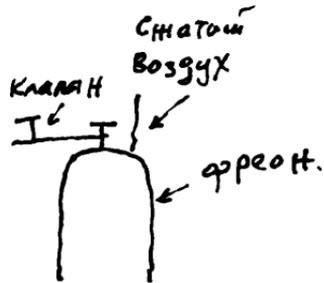
Сейчас же говорят о том, что поскольку эта лодка автомат, то и подача фреона произошла автоматически. Произошел сбой в системе управления.

Если это так, то я поздравляю наших конструкторов с этим невероятным достижением.

Да, лодка может быть автоматом, и фреон может подаваться в помещение автоматически. Но он должен автоматически подаваться в нежилое помещение. В этом помещении гарантированно не может находиться человек.

А если он там находится, то это помещение автоматически становится жилым, и тогда подача такой штуки, как фреон, должна осуществляться вручную.

То есть конструктивно должна быть предусмотрена блокировка, исключающая автоматическую подачу фре-

она в помещение в случае нахождения в помещении людей.

Если это не сделано, то жертвы будут. Фреон можно подавать в помещение только тогда, когда там все уже включились в индивидуальные средства защиты органов дыхания.

Фреон — это смерть от удушья.

Подводные лодки не должны строиться по десять и более лет. За это время техника уходит вперед, и такая лодка становится старой, еще не начав своего движения. Через десять лет — ходила лодка в море или стояла в заводе — оборудование надо менять. Это срок среднего ремонта.

Кроме того, за десять лет меняются задачи, потому что мир меняется. Нельзя сделать оружие просто так. Оружие делается под задачу, под стратегию и тактику.

За 10 лет все меняется. Друзья перестают быть друзьями, враги — врагами.

Например, если в 1941 году фашистская Германия была врагом США, то в 1951 году она уже не была врагом.

Чем эта ситуация, на мой взгляд, опасна? Представьте себе, что вы строите атомную ракетную подводную лодку, несущую на себе ракеты с ядерными боеголовками. И строите вы такую лодку 10 лет,

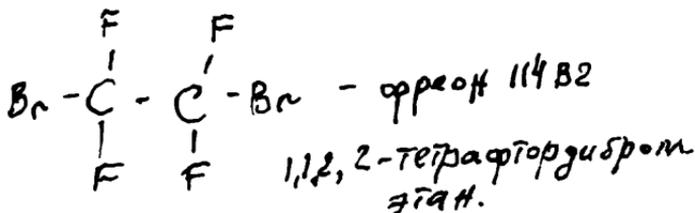
а через 10 лет случается так, что у вас нет противника.

И что же получается? Построив такую лодку, вы начнете себе искать противника.

То есть не тактика под оружие, а наличие оружия начнет изменять вашу тактику.

Только что сообщили: найден виновный того самого несанкционированного срабатывания системы пожаротушения на подводной лодке «Нерпа», что привело к выбросу фреона в отсек и, как следствие, к гибели 20 человек. Это матрос с лодки.

Через пять минут у меня в квартире уже звонил телефон.

Позвонили из газеты такой-то и спросили, смогу ли я все это прокомментировать.

Конечно могу. Что еще в этой ситуации я могу сделать? Я могу прокомментировать. Конечно.

— Понимаете, — сказал я, — иногда мне кажется, что на Земле остался только один

нормальный человек, и этот человек — я, а все остальные давно сошли с ума, а потом мне начинает казаться, что, наоборот, это я сошел с ума, а все остальные как раз совершенно нормальные люди.

То, что прокуратура так быстро нашла виновного, — это очень здорово. Мои поздравления.

Но именно то, что все так быстро произошло, и позволяет предложить целых два варианта моего ответа или комментария. Выбирайте любой.

Первый.

Если в выбросе фреона виновата техника, системный сбой, ошибка компьютера, то такую технику никому не продашь. Никто ее просто не возьмет. На кону контракт с индусами, а это прекрасные эксплуатационщики, и барахло они не купят. Они купят прекрасную вещь, и она таковой будет числиться только в том случае, если виноват будет человек. То есть берется человек, и с ним договариваются. Он берет вину на себя, его судят, но про него никто не забывает, когда лодка продается за хорошие деньги.

Это один вариант.

Второй вариант — матрос идиот. Такое бывает. Понаберут на флот не пойми кого. Вот он и начинает играть с пультом в компьютерные игры. Заканчивается все это печально — смертью людской.

Таких кораблей, как эта «Нерпа», сделали 14 штук, и нигде ничего не «срабатывало». Во всяком случае, подобное «срабатывание» всегда бы заканчивалось человеческими жертвами, а их сейчас скрыть очень трудно.

Конструкторское бюро «Малахит» отличается тем, что там всегда можно найти ответственного человека. Всегда можно найти того, кто отвечает за систему. И специалисты там хорошие. Лодки проекта 971, или «Барсы», как мы их называли — это прекрасные лодки. Они вовремя пришли на смену 671РТМ. Уверен, «Малахит» предусмотрел все. В том числе и «поправку на дурака», и пульт там запрашивает оператора несколько раз: «А вы действительно хотите подать фреон в такой-то отсек?» — и надо столько же раз отвечать: «Да!».

Я видел телерепортаж из госпиталя. Там парень сказал: «На меня полился фреон».

Он не сказал: «Пошел в отсек фреон», а именно — «полился». А потом я заметил, что на руках у пострадавших есть следы от ожогов. Все сразу же заговорили о возможном пожаре, но это слово «полился» говорило о том, что пожара не было. Как это? Фреон пошел в отсек ведрами? Да! Он в огромном количестве пошел, потому что на руках у людей следы, но они не от ожога пламенем, а от холода — хладон на них «полился». Это значит, что фреон подали

не из одного отсека, а из трех и почти одновременно. То есть получалось, что человек переходил из отсека в отсек, подходил к пульту и там уже забавлялся — подавал и подавал в один и тот же отсек фреон.

И фреон пошел. Сразу из нескольких емкостей.

Конечно, техника должна была подсказать, что что-то происходит. Наверняка в центральном посту, на пульте, высвечивается все, и там, у пульта, несется вахта. Как это так? Как вахта могла не заметить, что кто-то играет с пультами в отсеках? Как? Должен быть предусмотрен и звуковой сигнал. Система ЛОХ (подочная объемная химическая система пожаротушения) просто должна была заорать, как в фантастическом фильме: «Опасность! Несанкционированное вторжение!»

Заорала? Может быть. Это вопрос к вахтенному центрального поста.

То есть на подводной лодке уже два идиота? А может, их там больше? Что-то тут не так. Не вяжется. Как-то подозрительно быстро нашли виновного. Просто прилетели, а он — вот он, уже стоит с поникшим видом.

Видите ли, на подводной лодке в этой связке «человек—машина» не должно быть ничего лишнего. Машина своим умом и живучестью должна напоминать человека, а человек в своих действиях должен напоминать машину. Он должен действовать как

автомат и оставаться при этом человеком. Вот этого соответствия — «человек—машина» — достичь очень трудно. То техника подводит, то человек, но человек все чаще.

Время обезьян прошло. Давно. В XXI веке. Еще в XX веке можно было вести себя, как стадо павианов на марше, — впереди только молодежь.

В XX веке можно было воевать 18-летними.

В XXI — нельзя. Обезьян не должно быть.

Это же космос. Это подводный космос. И посылаются в него подводные космические корабли. Отбор, отбор и еще раз отбор. Нельзя на лодках служить кому попало.

Нельзя!

Я вообще против службы 18-летних. Вон их из армии! Пусть при школе проходят курс молодого бойца — и все. Прошло время конницы Буденного.

И это надо понять.

Всем не ощущающим себя сумасшедшими.

Мне сказали, что на матроса давят, и что он дает признательные показания под давлением.

И еще сказали, что на его защиту встал офицер, который заявил, что матрос опытный подводник и не мог такое совершить.

То, что офицер встал на защиту матроса, — это хорошо.

А вот что рассказали очевидцы аварии.

«Погибшие — все хорошие специалисты, ответственные и опытные, и сдают они лодку не в первый раз. Фреон был подан в 18.00 по местному времени. Лодка была под перископом (это значит, что центральный пост сидел по тревоге). Сработала «подача ЛОХ» во 2-й. Вначале прошла подача со станции 2-го, потом — 1-го и с 3-го, но с 3-го фреон не пошел (скорее всего, не продавало мембрану), но команда прошла. Никаких работ с ЛОХ в этот момент не велось. Несмотря на сигналы (звуковой и световой), люди не сразу поняли, что подали ЛОХ в отсек. Фреона было много. Некоторым было достаточно нескольких вдохов, чтоб отключиться. Те, что находились во втором, говорили потом, что никаких сигналов на применение ЛОХ не слышали. Команд они тоже не слышали. Возможно, это было связано с тем, что подающие команды уже включились в ПДА.

ПДА было на всех. И на заводчан тоже. Перед тем как зайти на лодку, заводскую команду строили и проверяли наличие ПДА и умение им пользоваться.

Всплыли аварийно, продув балласт. Гражданский оператор на пульте «Молибден» все сделал правильно.

Погибли те, кто на этот момент спал — или в каюте, или на «самолетах» (матрасах) у механизмов. Испытания шли круглые сут-

ки. Люди все время устраняли мелкие неполадки. Очень много людей. Большая скученность, сон урывками.

Личный состав лодки действовал грамотно. Спасал людей, вытаскивал потерявших сознание, переключал их из ПДА в ШДУ.

О том, что не только подача ЛОХ, но и ВВД на этом проекте управляется автоматически, давно шли разговоры: «Как можно управлять клапанами ВВД, ЛОХ и прочее с помощью компьютерной мышки!»

У американцев только ручная подача ЛОХ. Все в руках оператора. Никакой автоматики, только температурные датчики.

Есть такая особенность: после подачи ЛОХ, например, во 2-й, отсек герметизируется. После этого подать фреон в отсек дважды не получится. То есть все разговоры о том, что матрос, сойдя с ума, шел и подавал из разных отсеков, несостоятельны. Подать ЛОХ во 2-й отсек из трех отсеков можно только из центрального поста, а там матросу делать нечего. Тем более при всплытии на перископ».

Две точки зрения.

Первая: «Все, что я на сегодняшний день узнал о матросе Дмитрие Гробове, которого прокуратура подозревает в совершении преступления — убийстве людей на подвод-

ной лодке «Нерпа», — все говорит только о том, что это очень хороший человек.

И потом, он не совсем то, что мы привыкли понимать под словом «матрос», ему не 18 лет. Он контрактник, с детства мечтал о море, хотел служить, сам пошел в подводники и служит уже пятый год.

И еще на его защиту встал экипаж, встали офицеры.

Если офицеры встали на защиту матроса, то это настоящие офицеры. Тот не офицер, кто о матросе не думает.

То есть у них там, на «Нерпе», настоящий экипаж — все друг за друга.

И потом, по свидетельству той же сдаточной команды завода, экипаж вел себя во время аварии достойно — грамотно спасал людей.

Прокуратура назвала его виновным. То ли у нас такая прокуратуры, то ли еще что? Виновность человека устанавливает суд. Так мне, во всяком случае, кажется, а до этих пор никто не имеет право оскорблять военнослужащего, полагая его преступником.

Я считаю, что Гробов просто очень совестливый человек. И именно совесть, ее муки толкают человека на самооговор.

То, что человек считает себя виновным, это еще не доказательство его вины. Конечно, я понимаю, ЛОХ — это его заведование, и если твое заведование убило людей, то

ты будешь чувствовать себя виновным. Но говорить всем: «Я виновен» — нельзя. Прокурор этих душевных порывов не оценит. Самопожертвование — одна из отличительных черт подводника, но в данном случае то, что человек сам себя казнит, не исправит ситуацию. ЛОХ от этого не перестанет самопроизвольно поступать в отсек. Как только следствие установило, что на лодке идиотов нет, вопрос сразу же обратился к технике. Ее надо проверять и проверять. Сложилась схема в обход всех схем — вот что очевидно.

А диверсантов высокого уровня на нашем флоте не случилось со времен гибели «Новороссийска».

Да и там они были иностранного производства».

Вторая: «На сегодня единственная официальная версия аварии атомохода — человеческий фактор, и имя этого фактора уже не скрывают: контрактник Дмитрий Гробов. Следователи пытаются добиться ответа: как он запустил ЛОХ (лодочную объемную химическую систему пожаротушения)? А главное — зачем?»

Наши источники, близкие к следствию, восстановили примерную картину действий контрактника.

Представьте себе заступившего на вахту матроса. Гражданские спецы бегают как сумасшедшие по всей лодке (ее нужно сдать до 1 января), а ему скучно. А рядом на стене — легкий способ победить скуку: прибор, похожий на большой калькулятор, — дублирующий пульт управления. Таких «калькуляторов» на АПЛ несчетное количество, чтобы можно было бороться за живучесть лодки и экипажа из любой точки корабля: дать сигнал на всплытие, пустить кислород в отсек или включить систему ЛОХ. Реальный шанс почувствовать себя капитаном.

Доступ к пультам никто не охраняет. На страже стоит только пятизначный пароль, известный лишь офицерам. Но в тот момент проводили испытания кодовой системы, — рассказал наш источник, — и секретные коды были просто... написаны карандашом на всех пультах.

Матрос набрал код и начал играть. Выбрал систему управления пожаротушением. Вообще, надо признаться, что Дмитрий испытывал к ней большой и не совсем понятный интерес. Как-то, вспоминают, при учебной тревоге интересовался у гражданских спецов, можно ли запустить ЛОХ вручную. Такой шанс у него появился. Исследуя содержание пульта, матрос залез в блок управления датчиками температуры и давления в отсеке. И начал ради интереса ме-

нять их настройки. Не подозревая, что они очень тесно связаны с пуском фреона.

30 градусов, которые показывал температурный датчик, матрос поменял на 78. А уже при 64 градусах система начинает подозревать пожар, — говорит наш источник. — Но машина попросила подтверждения — включать ли ЛОХ. Раньше в подобной ситуации появлялся сигнал на центральном пульте управления. И только при подтверждении пожара оттуда подавался фреон в отсек. На новейших системах фреон подается даже по запросу с локального пульта.

— Конечно, там есть защита от дураков, — объясняет капитан 1 ранга Алексей Суханов. — Даже если матрос ввел все данные, система должна запросить подтверждение ввода. Судя по всему, матрос и нажал его. Видимо, не осознавал степень ответственности. Насколько я знаю, сейчас с личным составом инструктаж почти не проводят.

Подтвердив пуск фреона в свой родной отсек, матрос услышал рев сирены, извещающей о запуске системы пожаротушения, и тут наконец осознал, что натворил. Перепугался, сбежал на другую палубу и там надел кислородную маску.

Гробов сейчас в шоковом состоянии, показания дает невнятные. Говорит, что кто-то ему сказал, мол, блок отключен и на кнопки можно нажимать.

Допустим, матрос-контрактник действительно не подумал о возможных последствиях своей игры с кнопками. Но следствие уже вызывало на допрос командира трюмного отделения Алексея Васильева, который видел, как Гробов нажимает на кнопки пульта, и... ничего не сделал. Да и после трагедии он рассказал об увиденном не сразу — ведь он несет персональную ответственность за действия своего подчиненного.

По словам следователей, матрос — не конечное звено в ЧП. К ответственности будут привлечены и другие люди».

Что смущает в деле матроса с «Нерпы» лично меня.

Меня смущает прежде всего время аварии. Официально заявлено 20.30, а очевидцы говорят о 18.00.

Почему для меня это так важно?

Потому что, случись это в 20.30, все бы поужинали, а потом кто смог, тот лег бы спать до вахты (первая смена заступает в 24.00). В пользу этого говорят свидетельства очевидцев, которые утверждают, что те, кто спал, те и погибли. Вроде бы все совпадает.

И тут вдруг появляются заявление очевидца, что авария произошла в 18.00, а лодка в это время находилась под перископом.

Если это так, то — «Боевая готовность»

два, от мест по боевой тревоге отойти! Центральному посту готовность номер один!» (Только центральный сидит по тревоге.)

То есть если все же авария произошла при нахождении лодки на перископе и в 18.00, то в центральном посту на «Молибдене» не может быть «вахтенного матроса» (если только, конечно, это не допускает ТКР — типовое корабельное расписание, в чем я очень сильно сомневаюсь). Его там не должно быть. Там должен быть офицер.

Что за «Молибденом» делал матрос?

А офицеры-то где были по тревоге в центральном посту?

И еще. Если это ходовые испытания, то за «Молибденом», вообще говоря, должен сидеть гражданский. То есть за «Молибденом» на ходовых испытаниях сидит гражданский. Лодка и все ее механизмы пока еще не переданы ВМФ, поэтому там должен быть гражданский специалист, за спиной которого должен все время находиться офицер.

То есть в центральном посту все время двойной, если не тройной комплект народа. Тем более если лодка находится на перископе. Но вдруг там оказался матрос, который начал играть с пультом и в конце концов подал-таки фреон в отсек? На виду у всех? Два человека смотрят на пульт, а за ним забавляется матрос?

Почему и как там оказался матрос? И оказался ли? Ведь, по свидетельству все

тех же очевидцев, все ЦГБ с «Молибдена» продул именно гражданский специалист, не дожидаясь команды ЦП!

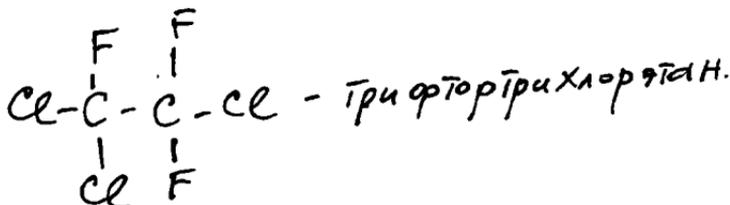
Как это все получилось с точки зрения даже не следствия, а простого здравого смысла?

Все отлучились, матроса пустили за пульт, он там играл, потом он доигрался, потом — фреон, потом — матрос сбегает, потом — прибегает гражданский, садится за пульт и продувает все группы ЦГБ, после чего лодка всплывает в надводное? Так, что ли?

Кино какое-то.

—

Теперь оказывается, что там был вовсе не фреон-114В2, а фреон-113 (трифтортрихлорэтан) — хладагент для турбокомпрессорного оборудования, растворитель для очистки электронного и оптического оборудования и прочая, и прочая. Опасен для человека. При вдыхании — слабость, головокружение, тошнота, рвота. При попадании на кожу — ожог, волдыри. В закрытых помещениях — смерть от удушья. При соприкос-

новении с открытым огнем образует фосген, галогеноводороды, галогены.

Если это так, то всех поздравляю с этим открытием.

Если на многострадальной «Нерпе» еще и это обнаружено, то хочется в который раз спросить: при чем тогда здесь матрос, даже если он что-то там нажал?

Матрос нажимающий — это уже венец всего.

Вообще-то, так, для сведения, лодочные хладоны, в том числе и фреон из системы ЛОХ, периодически сдаются на анализ в лабораторию. Результаты анализа в 80-е годы прошлого века было ни подделать, ни купить, потому как лаборатории понимали — концы все равно найдут и всех уничтожат.

Сейчас, наверное, всех можно купить. В том числе и лаборатории, растерявшие сотрудников и коллективный разум.

То есть при подготовке лодки к швартовным испытаниям — бардак, при выходе — бардак, на ходовых испытаниях — бардак. Коды допуска пишем прямо на пультах, с пульта можно подать в первую очередь то, что должно подаваться в последнюю очередь — фреон то бишь, а по тревоге у нас в кресле оказывается безумный матрос. Все так?

Мои поздравления еще раз всем.

И как они только воевать собираются?

А теперь в следственном комитете говорят, что матрос Гробов, набирая на клавиатуре подачу фреона во 2-й отсек, на самом деле таким образом просто вызывал вахтенного. Это у них так принято было. На корабле. Так они всегда вызывали на связь вахтенного. Мол, вахтенный, ау! То есть на других кораблях на таких же пультах стоит блокировка и фреон не идет, а включается только ревун. И он, тот ревун, и вызывает на связь вахтенного.

Если все так, как считает следствие, то матрос здесь просто крайний, а преступников там — целый корабль. Вдумайтесь, они использовали отраву для того, чтоб просто вызывать вахтенного! То есть народ ничего не боится? То есть все, что только можно нарушить по РБЖ, они нарушили, и не сегодня это началось? Это у них практика такая?

Как же они раньше-то не утонули, не взорвались, не горели?

Ведь на корабле шаг в сторону — смерть. У нас фреона боялись. Как огня. А тут — с ним играют в игры? На виду у всех? И все в курсе этих игр?

Немыслимо.

У нас на корабле тоже вызывали вахтенного. Но его вызвали звонком. В базе его вызывали звонком. В этом тоже было нарушение, потому что звонком на корабле подают боевые сигналы — «Боевая трево-

га», например. Но при стоянке в базе на короткие звонки закрывали глаза. Но это же были просто звонки. Они не были связаны с подачей в отсек фреона. Это был только звонок и все.

Причем в море никому и в голову не пришло бы вызывать вахтенного подобным образом.

Вахтенный всегда на связи. А если он не на связи, то вахтенный инженер-механик находит его по собственному «Каштану» (или что там у них сейчас стоит для связи с отсеками) за одну секунду. При чем здесь матрос? Конечно, матроса можно послать на поиск вахтенного, но его именно посылают, и он идет. Пешком. Ножками. Ему и в голову не придет искать вахтенного по-другому. Он запрограммирован на выполнение команды «Найди такого-то!», и он знает, что по этой команде надо пойти, найти, за ручку привезти.

А тут он начал играть клавишами? На виду у всех? Ну так в чем же его вина? Матроса так научили. Это всех устраивало. Там просто в колонну после этого преступников можно выстраивать.

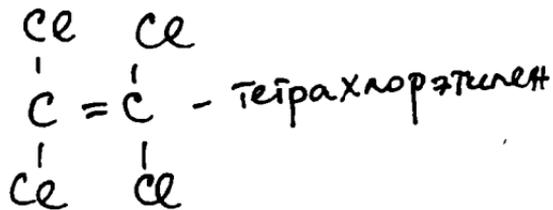
Не могу поверить.

Дал он один раз фреон, потом еще и еще? И все это видели? Интересовались ли они при этом, что там вахтенный-то никак не откликается?

Что-то тут против логики.

—

Что ни день, то новость. Теперь уже вместо фреона-114В2 в систему ЛОХ на «Нерпе» был на две трети закачан вовсе не фреон-113, а тетрахлоэтилен. Растворитель. Токсичный растворитель. ПДК — 10 мг на кубометр. Воздействует на нервную систему, печень, почки. Способен накапливаться в организме. Хорошо растворяется в жировых тканях.

Если его закачали «по ошибке», как говорят, то тут мы имеем дело с системной ошибкой.

И это в масштабах государства. Каждый продавец и каждый покупатель фреонов обязан делать анализ. А перед закачкой в систему на лодку — тем более. Мало того, закачали и опять взяли на анализ — уже из лодочной системы. Так должно быть. Если этого нет, то ничего нет. Никакого контроля. Это сравнимо только с тем, что по всей стране разложено огромное количество бомб и никто не знает, когда они рванут.

Слухи о разумности человека сильно преувеличены. Пока единственным проявлением разумности человека прямоходящего является его алчность. Как только Господь Бог в очередной раз выяснил, что человек согласен участвовать только в одной погоне — в погоне за наживой, он устроил ему всемирный экономический кризис.

А до этого был экологический кризис — потепление, тайфуны, таяние, пожары.

Это такие послания, напоминания, мол, одумайтесь, ребята.

Но мировое правительство все никак не организовать ни сионским мудрецам, ни масонам, ни их разновидностям. Никак. Хоть восьмерку набирай шестерками, хоть двадцатку.

Каждый тянет на себя.

Одна из разновидностей грабежа — пиратство.

Пираты существовали всегда. Только во времена Юлия Цезаря, отвоевавшего в борьбе с ними свое право на единоличный грабеж, их распинали сотнями каждый день.

А теперь распинают они. Ежегодный урон от их неутомимой деятельности до недавнего времени составлял 15 миллиардов евро, а теперь — куда больше.

Пираты процветают там, где слабо государство. То есть пока мировое государство

у нас все еще не освободилось от собственной скорлупы и не просунуло свою неразумную голову в остальной мир, пираты будут успешно действовать на тех артериях, которые давно уже кормят всю международную экономику, — на морских путях.

Сегодня 90 процентов всех грузов перевозится морем.

Как они там перевозятся? Как Бог на душу положит, потому что соображать береговые правительства начинают только тогда, когда эти грузы попадают в порты.

Ну ничего. Скоро пираты всех научат думать в масштабах земного шарика.

Сегодня пираты действуют в Южно-Китайском море, в районах Малайзии, Индонезии (Малаккский пролив), Таиланда, Африканского Рога, Нигерии, Южной Америки, реки Амазонки, Карибского бассейна. Они нападают, выбрасывают за борт, убивают, разрубают на куски, сжигают заживо, захватывают и перепродают — и груз, и судно.

И такое положение до недавнего времени сохранялось — груз и судно застрахованы, а жизнь экипажа стоит мало. Какие-то международные организации все время

орали, но услышаны международным сообществом они не были.

Но вдруг все изменилось, встрепену-

лось. И виной всему Сомали. Точнее, сомалийские пираты — самые благородные пираты в мире. Эти только захватывают и требуют выкуп.

И им платят.

Но в последнее время алчность натолкнулась на алчность — они захотели слишком много — и международное сообщество, отвоевывая свое право на алчность, послало туда военные корабли. И даже наш «Неустршимый» сподобился. Окружили эти корабли «Фаину» — корабль, перевозящий смерть на законных основаниях, — и ждут, когда же корсары сильно испугаются.

А наш «Неустршимый» даже освободил кого-то там по дороге. Кого-то освободил, кого-то не успел — они и сами освободились.

Теперь все думают: что же дальше?

Дальше? На бабочку не надо наступать. Потому что наступил, сошел с тропы — и вот уже ты живешь в совершенно ином мире.

Шестьсот пуль из автомата Калашникова вылетают за одну минуту. За секунду — десять. Это ж сколько оружия надо привезти в Африку, чтоб она воевала десятилетиями!

Вот что надо сделать, на мой взгляд, в первую очередь — установить контроль над взлетами. И не только над ними. А то ведь самолетами, пароходами, контейнерами и просто так — верблюдами — оружие течет

и течет.

Все продают, а потом — вот ведь незадача! — пираты, террористы...

Не решить вам, ребята, одну, отдельно взятую проблему — у вас реки оружия.

А скоро пираты соединятся с террористами — вот где вы миллиарды-то платить будете.

Что стоит захватить перевозчик какой-нибудь очень колючей химии и направить его напрямик к Америке, к берегам Нью-Йорка? Ничего не стоит. Кстати, химию колючую можно и самим изготовить. Например, «тигры освобождения Тамил-илама» давно уже имеют собственный флот и лаборатории по изготовлению взрывчатки. Говорят, они уже пробуют создать и химическое, и бактериологическое оружие.

Вот где можно будет требовать выкуп с планеты Земля!

Осталось ждать недолго. Пираты пока не сообразили еще, что все в их руках, международное сообщество, повторимся, тоже пребывает в счастливом неведении.

Что можно сделать сейчас? Ну, хотя бы не наступать на бабочку.

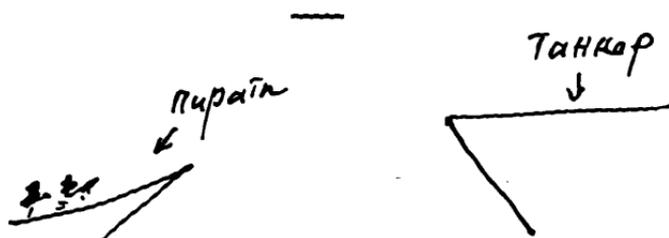
И тогда с пиратами, тиграми и всем прочим можно будет справиться.

А с сомалийскими пиратами нужна полная блокада с моря — единый штаб, командование, согласованность действий, конво-

ирование грузов, разведка, досмотр каждого сомалийского корабля, уничтожение пиратских баз.

И главное (в стотысячный раз!) — оружие прекратите продавать кому попало.

Завтра оно по вам выстрелит.

Сомалийские пираты захватили нефтяной танкер у побережья Кении. Судно, принадлежащее аравийской компании Agamco, было атаковано 15 ноября.

Танкер следовал под либерийским флагом.

Международное сообщество начало борьбу с сомалийскими пиратами, но количество атак у побережья Сомали от всего этого не уменьшилось. Наоборот — увеличилось. В этом году было захвачено 33 судна. Пираты до сих пор удерживают 12 судов, на борту которых находятся более 200 человек.

А 16 ноября российский сторожевой корабль «Неустршимый» предотвратил попытку пиратов захватить в Аденском зали-

ве корабль «Рабих», следовавший под флагом Саудовской Аравии.

«Неустршимый» получил сигнал о нападении на «Рабих». В это время он сопровождал российское судно «Сачи Мару», греческое «Элливита» и китайское «Норд Сатурн».

«Рабих», находившийся от «Неустрашимого» на расстоянии 30 миль, подвергся атаке нескольких быстроходных пиратских катеров.

Капитану «Рабиха» по каналам связи было рекомендовано увеличить ход, после чего с «Неустрашимого» высадились группа анти-террора на «Сачи Мару», а сам он пошел к судну «Рабих» и поднял в воздух вертолет Ка-27. Захват судна был предотвращен, пираты скрылись с места происшествия.

А до этого «Неустршимый» вместе с британским фрегатом «Кемберленд» отогнал пиратов от датского судна «Пауэрфулл». С обеих военных кораблей в воздух были подняты вертолеты. В итоге им удалось отогнать пиратов, которые в ходе атаки потеряли три человека.

13 ноября в 300 милях от берегов Сомали на контейнеровоз «Капитан Маслов» было совершено нападение. Он был обстрелян из гранатометов и автоматов. Судно, маневрируя, ушло от пиратов, а «Неустршимый» в тот момент находился в 1200 милях и не смог вовремя прийти на помощь.

И эти нападения осуществлены только в ноябре прошлого года.

То есть в настоящее время в Аденском заливе развернуты настоящие боевые действия, причем наблюдатели отмечают, что сомалийские пираты очень быстро учатся. Их тактика все время совершенствуется, на вооружении у них только современное оружие, а среди них уже появились иностранные инструкторы и наемники. Так что скоро все боевые действия будут проходить по всем правилам современной военной науки.

Все это чрезвычайно серьезно.

Через Аденский залив проходит 16 тысяч судов ежегодно. Примерно по 44 судна в день.

В этом году сомалийские пираты 80 раз нападали на проходящие мимо суда.

В настоящее время в Аденском заливе установлен транспортный коридор, охраняемый военными кораблями международного сообщества.

В принципе сбить проходящие суда в караваны и снабдить их конвоем можно, но только сомалийские пираты давно уже атакуют суда далеко за 200-мильной зоной. То есть международному сообществу, чтоб пресечь все эти нападения, обязательно придется осуществить разорение береговых пиратских баз, организовать блокаду Сомали с моря и конвоирование проходящих су-

дов, и, кроме всего этого, необходимо несение боевого дежурства в тех районах Индийского океана, до которых способны добраться пираты, которые сумели обойти все эти заслоны.

Причем это дежурство должно быть организовано таким образом, чтоб по первому сигналу с дежурящих судов могли быть подняты вертолеты, которые бы оказались у корабля, подвергшегося нападению, раньше, чем джентльмены удачи.

Вот так встал и решительно сказал то, что все остальные и так давно знали, но все обрадовались, закивали, потому что то, что он сказал, совпало с тем, что они знали.

То есть президент — это последний человек, который говорит то, о чем все остальные и так давно знают.

Я возжелал продолжить начатый разговор о демократии, потому что я никак не мог выкинуть из головы образ ветряной мельницы, возникающий там из раза в раз, как

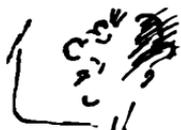
только наши правители заводят о демократии всякую говорильню, рассуждая о том, как они ее для нас блюдут. Едва только они открывают свой рот и оттуда появляется этот сложный звук, расшифрованный нашим мозгом как «демократия», как я тут же чувствую себя задетым, потому что возникающее в моем уме сравнение ее с мельницей подстрекает фантазию, и я начинаю мысленно беседовать и философствовать по поводу этой аллюзии.

То, что произнесение этого слова дается нашим правителям с большим трудом, — очевидно. Осмысление этой очевидности только укрепило меня в том, что и демократия, и вертушка таят в себе опасность. И та и другая красивы только на расстоянии, а подойди очень близко — так и по голове можно получить.

Поэтому как мудры и скромны наши правители. Они произносят слово «демократия» с некоторой заминкой, но твердостью, правильно ставя ударение. Все это напоминает ту ситуацию, когда вы вдруг видите на полу большого тарантула, но в сей миг жизненные духи не покидают вас, дыхание ваше не останавливается, в носу не образуется свист, и вы широко перешагиваете его, дабы не упустить добытое.

мельница

Рассудительность

Так вот, о правителях. «Да не оставит их ум и рассудительность, которыми почел нужным снабдить их творец и подаватель!» — сложная задача, должен вам заметить, ведь ум, его острота, почитаемая за остроумие, никогда не идут рука об руку с рассудительностью. Эти две мысленные операции отстоят друг от друга очень далеко, и если ум сразу видит как начало, так и конец пути, то рассудительность только и делает, что прикладывает примочки к наболевшему, в надежде на то, что хворающему станет легче.

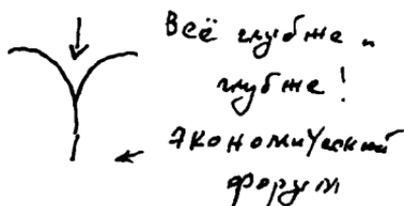
То есть ратуя за рассудочность власти, вы отказываете ей в уме.

Точнее — в его остроте.

— Бестолковщина! — Что вы говорите? — А промахи? — Как, и промахи? То есть сами по себе махи еще ничего, но... промахи, промахи — это, конечно... — Именно! — А как же вперёдсмотрящий? Неужели ж он смотрел в совершеннейший зад, полагая, что смотрит вперед? — Именно! — И что же теперь? — Теперь? Теперь надо всем объявить, что зад, временно исполняющий роль переда, занимает наконец свои истинное

Александр Покровский

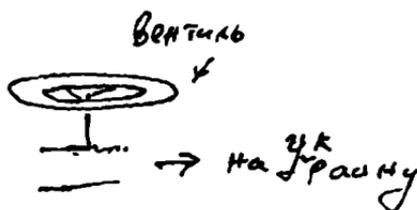
место. — И... — И опять — от победы к победе! И глубже! Глубже! — А что, если это опять зад, а мы все глубже и глубже?..

Дорогие друзья, вы только что присутствовали на экономическом форуме.

Хочется знать о нашем газе все. Какая похвальная жажда знаний!

Действительно, какие затруднения, какой вред и прочее зло может принести то, что человека натолкнул на мысль простой вентиль, потому что теперь, как только взгляну на вентиль, так и ну и пошел, и пошел думать и размышлять на тему «Как там наши вентиля на Украине?» и «Не закрывает ли их кто?».

Хорошо бы еще, чтоб кто-нибудь рассказал нам само устройство — трубы, трубы, насосы, опять трубы.

Или схемы бы, что ли, начертили, я не

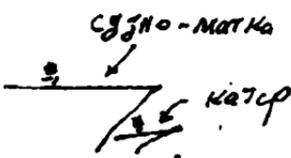
знаю, по телевизору, а то ведь всякие мысли неправильные возбуждаются, если взгляд мой нападает на такие предметы, как мешок, горшок, колпак, дурак, чудик, истерик.

Сомалийские пираты захватили еще несколько судов. Они захватывают примерно по одному судну в день. Так что все эти международные силы по борьбе с пиратством в этой самой борьбе пиратам проигрывают.

Мало того, пираты учатся военному делу с потрясающей быстротой. Самое современное оружие, самые быстроходные катера, разведка, наводка, сговор, а тактике морского боя их теперь обучают наемники и инструкторы со всего мира.

А международное сообщество все никак не договорится насчет того, какого размера воздействие на пиратов было бы настолько эффективным, что остановило бы их немедленно. Ничего не предложено. Опять будут совещаться. И где эти упреждающие фотографии со спутников-разведчиков, которых в космосе пока гораздо больше, чем космического мусора? С них же спичечный коробок фотографируют. Что ж они не сфотографируют все никак судно-матку, что отрывается от известного места на сомалийском побережье и берет курс в Индийский океан, где, пройдя 600 миль — а

это не менее 20 часов непрерывного наблюдения из космоса, — оно находит подходящий объект для пиратского нападения. И тогда от него — от этого судна-матки отделяются быстроходные катера, что и нападают на тот танкер, который каким-то непостижимым образом сбрасывает скорость, дает влезть на свой высоченный борт, а потом покорно идет туда, куда прикажут. Вот ведь как! Пираты — это уже часть нашей жизни. Без них скоро будет просто никуда.

Пираты теперь — это экономика, интриги, политика.

Похоже, мировому сообществу все это нравится, и оно использует пиратов по своему усмотрению. Все в этих играх находят свою выгоду. Иначе расцвет пиратства объяснить разумными словами никак нельзя.

Пираты тут же вошли во все — пришлись ко двору. Все, похоже, в восторге — и перевозчики, и нефть тут же дорожает. Вот только страховые компании недовольны, но они сейчас повысят свои ставки и тоже будут вполне устроены в этой жизни.

А походы вокруг Африки никого не спасут.

Скоро пираты и вокруг Африки наладят регулярное движение своего транспорта.

И до Америки дойдут, и до Европы.

Война у нас, господа, на пороге.

Устремив свой взор себе вовнутрь, я вдруг получил возможность рассмотреть этот вопрос с неожиданной стороны.

Каков это вопрос?

Хороший вопрос насчет вопроса!

Наш вопрос касается крыс на улицах моего горячо любимого города.

Это просто невозможно, до чего шныряют прямо под ногами!

Но недолго им осталось так безалаберно бегать.

Я нашел способ извести их под самый что ни на есть корень.

Видите ли, недавно наши ученые сделали удивительное открытие. Они кормили генетически измененной соей крыс, и — что вы думаете? — те поедали ее с видимым удовольствием, но потом половина новорожденных крысят умерла сразу, а вторая половина стала совершенно бесплодной.

Так вот для чего во всем просвещенном мире вывели такое огромное количество генетически измененных продуктов, которые отказываются есть все эти мошки и все букашки!

Их вывели для того, чтоб мы в конце концов справились с поголовьем наших крыс.

Надо только, не стесняясь, кормить их тем, что мы и сами едим тут каждый Божий

соя

день в невероятных количествах, и все будет в полном порядке.

То есть надо выложить перед их норками не пшеницу, пропитанную трудновыводимыми ядами, а те продукты, в состав которых входит генетически измененная соя, и не только она — все эти колбасы, шоколады, батончики, баунти — все.

Все на стол перед крысами, и все они в конечном итоге сдохнут без особого труда.

Кстати, и тараканы тоже сдохнут, после чего сдохнут все кошки и блошки.

И бродячие собаки, откушав умерших в унылом бесплодии крыс, кошек, голубей и ворон, тоже перестанут безудержно плодиться.

А комары из наших подвалов, испивши генетически измененной крови, больше не будут нас кусать, а будут только ласково реять над нашими головами.

После чего погибнут и черви, перерабатывающие все то барахло, что с таким трудом вывелось из нужного отверстия у всех живых существ.

И тогда наступит оно — время для людей.

То есть в городе нашем наступит та красота, наступление которой все и очень давно так старались приблизить.

—

Не понимаю, к чему все эти увеличения на пять и на шесть лет? Почему сразу не

объявить, что у нас вводится султанат, а султанат — это пожизненно, и это демократично, потому что у нас совершенно иная демократия — самая лучшая в мире.

Не удивлюсь, если завтра глава нашей Православной церкви обратится к возлюбленной пастве со словами: «Братья и сестры!» — после чего последует славословие в защиту введения султаната на Руси и в заключении будет сказано: «Султан — это же так хорошо!»

А историки немедленно откроют новое произведение: «Слово о султани Игоре!» — давно уже существующее, конечно, но скромно дожидавшееся своего часа. И вот он, час, настал.

А в случае султаната Дума не нужна. Достаточно одного только визиря, а он меняется на другого визиря простым отсечением головы — куда ни глянь, одна экономия.

И собственных детей султана не надо будет прятать по заграницам — пускай себе играют в отечественной песочнице.

Султан объявит: «Увеличиваю денежное довольствие в армии в три раза!» — и армия сейчас же будет за немедленное возведение его на пожизненный трон.

Султан
↙

Объявления можно продолжить: «Олигархов в тюрьму, они грабят султана и народ!» — и не найдется ни одного человека, который бы им посочувствовал.

«Пенсию пенсионерам уве-

личиваем вчетверо!» — и все пенсионеры немедленно выпьют за здоровье солнечно-ликого.

«Малый бизнес освобождается от налогов навсегда!» — малый бизнес отныне возносит ежедневные хвалы своему покровителю.

«За каждого ребенка султан лично платит роженице миллион рублей!» — демографической проблемы больше не существует.

«Фермеры — это дети султана!» — отечественного продовольствия будет просто завались.

«Султан дарит каждой семье по квартире!» — и с квартирами наконец наведен тут полный порядок.

Чиновники взяток не берут — за ними организована слежка. Чуть чего — всенародная казнь.

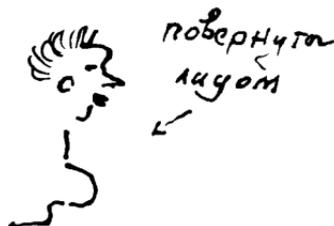
А если хочется дать образование детям, то султан на это выделяет деньги — учись в любой стране мира.

А здравоохранение делается за счет султана.

Ну кто против этого возразит?

Интересно: «мы», «сейчас», «изо всех сил», «повернуться лицом».

В связи с чем вопрос: а раньше-то вы каким местом были ко всем повернуты?

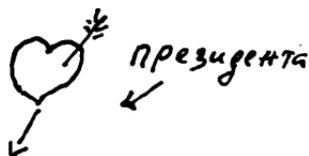

«... Дальнейшая децентрализация и гуманизация социального устройства и политической системы...»

Здесь следует сделать паузу, поискать в зубах — не осталось ли там чего после завтрака, цыкнуть, посмотретья в зеркало и продолжить:

«И чем более свободна и разнообразна общественная жизнь, чем динамичнее экономика и острее политическая борьба, тем прочнее и стабильнее должны быть фундаментальные институты демократии, ее, образно говоря, несущие конструкции, на которых держится все...»

Теперь хорошо бы выпить коньяка, со слезой на глазах, потому как хорош, зараза, коньяк, значит, потом выдохнуть и сказать сифилитическим голосом: «Вот ведь хуйня, бля!»

Раньше я любил девушек, а теперь — демократию. А что у нас воплощение демократии? Воплощение демократии у нас президент. То есть получается, что я люблю президента.

Я был крайне поражен и раздосадован нечаянным решением этого вопроса.

Его решило само время. Само время подсказало правителям, что их время требует растяжения, растягивания, потому что не успеваешь. Вернее, успеваешь только подумать о времени, как оно, то время, сейчас же и наступает.

Боже ж ты мой! Боже милосердный! Как же хочется жить и править!

Какова ваша идея длительности?

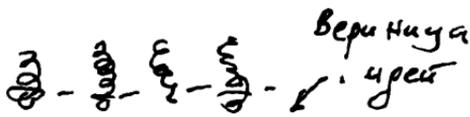
И как ваша длительность соотносится с нашей — вот что очень хотелось бы знать.

В голове каждо-

го здорового человека происходит регулярная смена

идей. Они следуют

одна за другой. Вереницей, точно обоз. На некотором расстоянии, словно они боятся смешаться или же слиться. Вереница бредней, каждая из которых претендует на то, чтобы стать главной бредней, подчинив себе всех остальных.

У большинства людей все их бредни прерываются фазой сна или же фазой еды. На-

сыщение и сновидения — вот главное спасение от бредятины.

А вот с правителями происходит иное — их бредятина выживает после сна и еды нам на погибель.

—

Адмирал

Меня спросили, посмотрел ли я фильм «Адмирал». Я ответил, что нет. Мне хватило того, что я видел в рекламных роликах. Как только я их увидел, мне сразу стало ясно, что зритель в кинотеатре будет просто оглушен взрывами, в него будут лететь оторванные руки и ноги, потом все будут креститься, и все это вперемешку с большой и светлой любовью, после чего — историческая правда — расстрел и захоронение под лед.

Однажды великого Тарле спросили: «Почему вы не пишете исторических романов, вы же замечательный историк?» На что он ответил: «Вот потому и не пишу!»

К сожалению, у нас с историей принято знакомиться по фильмам. После этого, конечно же, появляются памятные доски в честь того или иного персонажа, прежде всего фильма, а потом уже — истории.

Если мне нужно увидеть любовь, я посмотрю бразильский сериал — там играют

любовь очень убедительно. Текст — полная ерунда, но как играют!

Любая историческая личность — живой человек. Противоречивый прежде всего. И Колчак не исключение. Сохранилась его переписка с возлюбленной, и это действительно очень трепетные письма. Кино к жизни не имеет отношения. С кино можно согласиться, оставаясь оно тем, чем оно является по сути, — вымыслом. Тут же — перед нами развернута матушка история.

А история не матушка. Она суровый батюшка.

И Колчак, и Деникин — выдающиеся личности. Но Гражданскую войну они проиграли. Они все на коне хотели въехать в столицу. На белом. Вопрос только в том и заключался — кто это сделает первым. Любили ли они Россию? Да. Но еще больше они любили себя в России. Иначе б они эту войну выиграли.

То есть, на мой взгляд, будучи великими, они в то же время были мелкими.

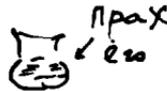
Их надо оставить истории. Не киношной, а настоящей.

Мне нечего больше сказать по этому предмету. Какое удачное стечение обстоятельств пропало даром! Ведь можно же было не долететь нашему олицетворению

Бортовой журнал 6

учтивости, доброжелательства, разбиться, размазаться нам всем на радость. Бог явно был не в ударе, клянусь надгробным камнем Рабле и прахом его праха!

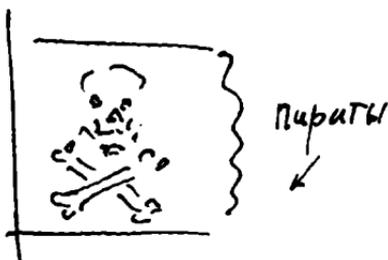
Я всегда готов всему давать только философские объяснения. Я всегда готов энергично преследовать любое метафизическое положение и обложение до самых тех областей, где его тут же окутывают и мрак и смрад! Но тут — тлен их поberi! Иссохни, иссохни, иссохни! И еще раз иссохни! И иссыхай всякий раз, как только вознамеришься появиться на этот свет. Это я о них, конечно, всем понятно о ком.

Теперь в Аденском заливе суда сбиваются в караваны и движутся под присмотром военных кораблей.

И все-таки пиратам удастся отщипнуть кусок от общего пирога.

Прошедший ноябрь вообще был очень удачным месяцем для сомалийских ребят — чуть ли не каждый день они что-то захватывали. И удаляются они от родной Сомали и на 600, и на 800 миль. То есть они вышли в Мировой океан, а это означает, что все эти походы вокруг Африки, о которых говорят теперь как о защите судоходства, ни к чему не приведут — они и там всех достанут; а уж как только произойдет у пиратов соединение с террористами, то они и вообще могут отправиться удить свою рыбку аккурат рядом со статуей Свободы.

Вот почему мировое сообщество хоть и медленно, но все же начинает на этот счет размышлять. И даже наш президент, поди ж ты; сподобился побеседовать с американским президентом о пиратстве. Недавно. Встретились и мило поболтали.

При этом все никак не решат: нападать на них в море из космоса или разорять их базы на грешной земле.

Американцы очень не хотят воевать. Они получают свое и в Ираке, и в Афганистане, чего нельзя сказать о наших. Нашим хочется. Всем остальным тоже хочется, потому что пираты покусились на самое святое — на нефть.

То есть все это не за горами. Что-то и сейчас делается, но пока это все больше напоминает театральные декорации к сказке «Малыш и Карлсон»: «Он улетел, но обещал вернуться».

У Сомали не так много портов, так что если заблокировать сомалийские суда на выходе из них, то и работы потом по сбору этой мелочи по всему Мировому океану будет меньше.

Тогда и особой необходимости в наземной операции нет — нехай себе плодятся, потому как только сунься с наземной операцией на их территорию, как тут же получишь народно-освободительную войну.

Блокада, спутниковое слежение, наведение, захват — вот и все.

Да, вот еще что. Все эти демократичные передачи пиратов в руки правосудия — это все наземные игры. Со времен Великой Британской империи для пиратов был один закон — уничтожение на месте. Пиратов не перевоспитывают.

—

Опротивело. Мне опротивело. А вам не опротивело?

← бить
спуг
спуга

А давайте бить друг друга по рукам и попадать только в самые больные места.

—

Нам не хватает молока и меда. Сначала молочком все сдобрим, а потом медком все смажем, а после — опять молочком. И с-только на все это требуется и того и друго-го — просто беда. На всех не хватает.

—

А потом — по башке непокорных, по башке, и так по самой что ни на есть башке, чтоб, значит... по башке...

Вот так и движемся вперед.

—

Все, о чем я волнуюсь, о чем беспокоюсь и что особенно мучит мое воображение, не дает мне спокойно уснуть, это — как бы мне приняться за дело.

Само дело я уже нашел — я буду указывать другим, как им взяться за дело и обустроить страну, но вот взяться за него...

Многое у меня припасено на потребу человеческому роду — в виде мыслей, потоков, маленьких ручейков и бурных водопадов. Все это рождается в глубинах Вселенной, а потом оттуда — из этих глубин — посылается во все стороны, и только незначительная

часть попадает на Землю, где совсем уже капелька капает в мой собственный ум.

А из этого моего ума — во всеобщее благо.

Ровно в 8.30 утра раздался звонок.

— Здравствуйте!

Я тоже сказал: «Здравствуйте!» — и подумал: «Господи, кто ж это не спит в такую рань?»

— Это вам звонят из шведского института... — названия шведских институтов в 8.30 утра совершенно не сохраняются в памяти. — Не могли бы вы рассказать, над чем вы сейчас работаете?

Видите ли, обычно я сплю обнаженным, и поэтому вопрос этот заставил меня скопировать глазки вбок.

— Над чем я сейчас работаю?

— Да.

— Вы это хотите знать?

— Да, если не трудно.

— Отчего ж! М-м-м... я пишу... одну фантастическую повесть...

— Как интересно! Можете о ней рассказать?

— Конечно.

Я надел халат и уселся в кресле поудобней.

Ну, держись, шведский институт, не надо было меня будить в 8.30.

— Называется она «Две тысячи сорок пятый».

— Не могли бы вы зачитать нам хотя бы начало?

— Конечно мог бы. Слушайте.

«И наступил 2045-й год. На Земле остался только один народ и одна страна, потому что все остальные страны и народы давно уже улетели жить на Сириус.

Наш народ остался. И остался он не только потому, что планета Земля — это, собственно, наша Родина и защита ее наш священный долг, но и потому, что не вся еще нефть и не весь еще газ был выкачан из ее недр.

Энергетический хаос, вызванный недопоставками гелия-3, перерос сначала в финансовый, а затем уже и в экономический кризис. Только вчера президент приветствовал с трибуны наших ветеранов по случаю Столетия Великой Победы и возлагал венки к памятнику Большой Вертикали (что когда-то привела нас к тому, что мы остались одни на планете), а сегодня кризис уже бушевал везде. Даже в ноосфере.

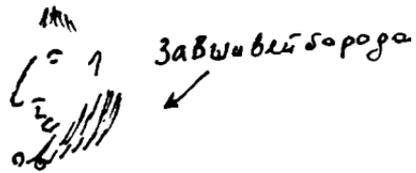
*ПАМЯТНИК
Большой
Вертикали*

Президент нашей страны Двуликий Анус вместе с министром финансов, потомственным экономистом по фамилии Завшивейборода искали пути выхода из создавшегося положения. Рост цены на нефть до

двух рублей за баррель мог бы сильно улучшить ситуацию, но она едва достигала 1,9876543 рубля. Снижение добычи до ста миллиардов

баррелей в секунду не спасло положение. Под угрозой была демократия и все накопленное до последней капли. Предложение уменьшить НДС на пять сотых процента, чтоб оживить частного предпринимателя, не нашло понимания у министра Завшивейбороды, а его предложение увеличить пенсионный возраст до 105 лет для мужчин и до 110 для женщин были тут же отвергнуты в ходе прямых голосований во Вселенной. Увольнение могло коснуться 140 миллионов человек. Мир застыл в ожидании».

Я позволил себе передохнуть. В трубке слышалось взволнованное дыхание.

— И что потом? — спросили меня.

— Где?

— В вашей повести.

— Потом?

— Да.

— Потом все тоже улетят на Сириус. А на Земле останутся только те, кто не верит в демократию. Они станут добывать метан с открытых помоек. Метана им надолго хватит.

— Скажите, вы еще никому не продали права на эту книгу?

— Нет.

— А что, если мы купим?

— Конечно. Жду.

На этом мы разговор и закончили.

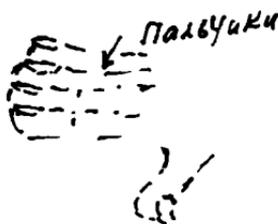
Странные они все-таки, эти шведы из шведского института.

—

Все эти разговоры о великом — это просто пальчики оближешь. Я лично облизываю свои пальчики регулярно. Как только вижу на экране то лицо, что ответственно тут за все, так я сразу же готовлю свои пальчики — сейчас начну оближивать.

А умно-то как! Оборвать его в этот момент значило бы похитить из антологической сокровищницы такую драгоценность, какую туда потом не способно будет вернуть никакое стечение благоприятных обстоятельств.

Так что пусть себе (как бы это помягче) пиздит.

— А у вас есть продолжение?

— Какое продолжение?

— Вашего произведения «Две тысячи сорок пятый»?

— Продолжение? Конечно, есть продолжение.

— Можете зачитать отрывок?

Меньше всего я ожидал такого развития событий. Продолжение несуществующего произведения я буду зачитывать по телефону.

— Пожалуйста. Слушайте:

«Президент Двумикий Анус обратился с посланием к Законодательному собранию. Обычно такое послание мы слышим только раз в месяц, но теперь оно посылалось каждый час, потому что страна не попадала еще в такое положение, когда все на грани.

Послание поступало сразу в мозг, потому что все послания нашего президента давно уже поступают только в мозг, минуя промежуточные стадии.

Законодательное собрание напряженно работало, слушая эту речь.

Члены Законодательного собрания обычно удерживаются на своих местах специальными захватами, но тут их на месте удерживала сама мысль президента. Они не отвлекались на те видения, что посылала в их ум Великая Матрица, послания ко-

торой на этот период были блокированы Высшим Советом.

Высший Совет состоит из действительных членов, давно уже улетевших на Сириус, но здесь, на Земле, остались их клоны.

Каждому члену Высшего Совета и Законодательного собрания можно иметь только по пять клонов, в то время как президенту можно иметь шесть.

Очень много работы, поэтому срок президентства продлен на 25 лет, и ему разрешено иметь столько клонов (что внесено в Конституцию), чтобы успеть везде. Обмен информацией между клонами и настоящими телами осуществляется в 2 часа ночи по местному времени (в Час Быка), и только тогда истинный президент и каждый действительный член начинают обладать всем объемом информации.

Нанотехнологии позволили осуществлять селекцию этой информации на самом мелком уровне, а чтоб узнать, клон перед вами или же действительный член, достаточно коснуться его рукой — произойдет считывание кода со специального чипа, вживленного под кожу в районе затылка каждому жителю страны при рождении.

„Неплановой девальвации рубля не будет!“ — сказал президент, и по рядам покатился вздох облегчения. Успел. Успел или сам министр финансов Завшивейборода,

или один из его четырех клонов продать акции суриусурян.

Следует объяснить: девальвация рубля проходит всегда планоно — раз в сутки отнимаются лишние нули, а тут — не будет ее, внеплановой, успели.

„Фух!“ — выдохнули как клоны членов Законодательного собрания, так и действительные члены, и этот выдох немедленно передался всем жителям страны, которые с помощью специального детектора, вживленного в переносицу, смогли проверить, истинный это был „Фух!“ или же ложный».

Продолжение следует.

— Спасибо, — сказали по телефону.

— Не за что, — ответил я.

—

Главное дело заключается в прочистке ума перед применением доказательств.

Какие это доказательства?

Это доказательства подлинности произнесенного слова. То есть это самые главные доказательства того, что все страдания наши не напрасны, все они записаны, учтены,

снабжены специальным номером, чтобы потом по этому номеру и выдавать награды за веру и верность.

1941

специальный
номер

Но сначала — все на чистку ума.

И чтоб на нем ни пылинки ни соринки.

А то ведь вопросы начнут задавать, а они, те вопросы, от этого самого — разуменья нечистого. И плавают. Пятнышки такие мутной материи, которые, оставь их там плавать в диком рассудке, могли бы затруднить понимание и все испортить.

Главное же единство!

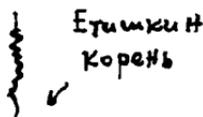
ЕДИНСТВО, етишкин корень!

То есть — мы, они — все вместе.

Это не страшно, когда все вместе, когда все скопом, одним разом, махом единым.

Так что, дорогие мои хитроумнейшие государственные мужи, прославленные тонкостью рассуждений и остальными частями, а также все прочие, бодрствующие или спящие разумом, все вы будете свалены в одну кучу.

И куча та будет называться... сами знаете как...

Зачем я все это говорю?

Затем, что с вами разговаривать скоро будут. Вот так, запросто, напрямую.

И великие дары, и сокровища, как остроумия, так и рассудочности, со всем, что им обычно сопутствует, вроде обрывков памяти, отрывков фантазий, огарков красноречия и ошметков сообразительности — прольются на вас в эту самую драгоценную минуту без ограничения и всякой меры, без помех и препятствий, полные огня и припадков, с пеной, с осадком.

И я не хочу, чтоб даже капля из этих драгоценностей ума пропала даром.

Их будут впрыскивать, вливать, вталкивать, вдалбливать, всовывать.

А вы будете внимать, насыщаясь сверх всякой меры.

огарок
красноречия

Помилосердствуйте! Помилосердствуйте, милостивые государи! Не будем об этом думать. Никогда. Будем думать о приятном. О многочисленном, приятном. О том о сем!

приятное

— Государство... — Господи, опять, опять он за свое! — Государство... — Да заткните же его кто-нибудь! Эй! Вы там! — Государство... это я вам скажу... — Что? Что он собирается нам сказать? Что? — Государство — это... — Что? — Это не хер... собачий... — Все! Хватит! Достаточно! Уф! Неужели заткнули? Уф еще раз...

Все интересуются: как там обстоят дела с транзитом нашего газа? Я видел даже одну старушку, которая возмущалась:

— Эта Украина ворует наш газ!

После этих слов я не выдержал:

— Бабушка! Да у вас уже давно все украли, и оставили вам только то наше несомненное достижение, что Украина ворует у нас газ!

К ежегодному январскому сумасшествию с повышением цен на все в нашей стране теперь добавилось другое ежегодное сумасшествие — Украина и Россия замораживают Европу.

Выглядит это ровно так.

Где эти многомиллионные менеджеры Газпрома и где эти контракты на транзит?

Если уж все население страны с увлечением следит за сериалом «Украина не дает нам продавать наш газ», то хотелось бы посмотреть не только на сытые лица этих специалистов по газу, но и на те контракты на транзит, которые они там назаклучали. Уверен, что там есть такие слова: «Мы сделаем все от нас зависящее для бесперебойного снабжение газом Европы».

То есть все дело в языке. В великом, могучем русском языке, на котором из-за его молодости и поэтичности никак нельзя написать ни одного закона, исключаящего разночтение. И если с экрана телевизора эти самые менеджеры произносят: «Мы сделаем все от нас зависящее», — то Европа сейчас же может готовиться к ледниковому периоду, потому что «все зависящее», похоже, уже сделали, а теперь — увы!

И вот ведь незадача, воруют-то не первый год.

И что это там за специалисты такие, хочется в который раз спросить, по единственному нашему отечественному сырью, не затронутому пока еще всемирным кризисом, у которых что ни год, то воруют!

Из пункта А в пункт Б вышел опломбированный контейнер, за который деньги уже заплачены, и через легко рассчитываемое всеми

Газ-наше всё

время он должен оказаться в пункте Б. Вот и вся недолга. Вот что во всем мире понимают под словом «транзит».

А если «воруют ежегодно», то давно уже следует разогнать всех, кто организовал такой транзит, потому что эти стенания давно уже нехорошо пахнут.

А признаваться на всю страну в том, что твои стенания имеют застарелый запах, — это не от великого ума. Это от того ума, которого у нас палата.

То есть ум не в голове, он где-то рядом.

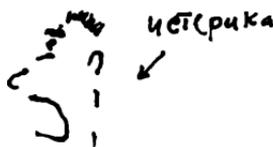
Постскриптум. Украинцы молодцы. Переигрывают наших по всему полю. На высокомерное «Мы перекроем газ Украине за долги» они перекрыли наш газ Европе. А потом наши бросились звонить «Ющенко и Тимошенко», но те трубки не брали. Вот это политики! То есть наша политика — это сначала высокомерие, а потом — от нетерпения трубки обрываем. А те не берут.

А когда показали по телевизору, как в зарубежном селе женщина говорит, что у нее на подворье «все на газе», и теперь она вынуждена «дрова колоть», так мне и вовсе вскрикнулось: «А у нас на селе всегда дрова кололи!»

И то, что у нас на селе средневековье, — это уже внутренняя политика.

То есть мы имеем полный политический комплект — внутренняя политика и внешняя.

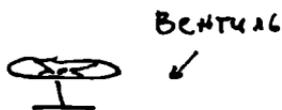
А теперь можно срываться в истерику, потому что истерика — это стиль.

И еще: транзит — это транзит. Слово это (по словарю Ожегова) означает «груз без перегруза». То есть без остановок. Не должно быть вентиля с украинской стороны. Или это не транзит.

Видите ли, все в языке. Если мы говорим о транзите газа через территорию Украины, то это должно означать, что Украина не может ничего себе откачать.

А если у них там вентили стоят, то это уже не транзит.

Все очень просто. Наши менеджеры от Газпрома давно не заглядывали в словарь русского языка.

Они спорят, не зная родного языка.

Или он им не родной.

«И почему это люди, начисто лишенные разума, слынут у нас за государственных

деятели? Быть может, потому, что наличие разума как раз и мешает управлять страной.

Человек разумный, понимающий, что надо работать во благо, никогда не согласится работать, потому что это совершенно непосильный труд. Лишенный же разума посчитает, что работа на государство — это работа прежде всего на самого себя, поскольку он и есть это самое государство». (Френсис Бекон. 1600 год от Рождества Христова.)

Лишенный
разума

Приведенные выше строчки пришли мне на ум только тогда, когда газовый кризис подошел к своему концу. Украина и Россия пришли к совместному решению — будет газ у Европы. Вот ведь счастье какое! Почти месяц мы все это наблюдаем, и — поди ж ты! — все завершается без танков. То есть есть от чего возрадоваться.

Наша
Танки

Уже никого не интересует стремительное падение рубля, всем только и интересно — когда! Когда же Европа получит то, за что она деньги уже заплатила?

И вот оно — скоро! Скоро получит!

Господи, как хорошо! И как это увлека-

тельно! Непроходимость желудочная преодолена. Больной испустил наконец долгожданные газы. Хирургическое вмешательство не потребовалось.

А по поводу того, что Украина у нас газ ворует, высказались абсолютно все старушки. А старики им только вторили. Не собственная пенсия их взволновала, и не то, что теперь они ее получают в долларовом эквиваленте меньше на одну треть, а то, что где-то там, на Украине, есть заветный вентиль. О нем говорили даже те, кто всю жизнь в нашей стране отапливает свою избушку дровами.

То есть в чужую избушку у нас газ проведен, осталось его туда только доставить, а вот в свою — нет, но это особенно никого не волнует.

Мне же во всей этой истории понравилась информация о том, что Украина платила за газ не прямо в Россию, а на швейцарские счета Газпрома.

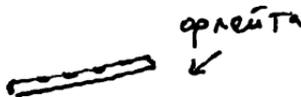
Как только я услышал это из родного телевизора, так я сейчас же и вспомнил о Френсисе Беконе.

Боже ж ты мой, как мы прекрасно поработали! Произнеся «мы», я тут же подумал: а точно ли все мы — и решил: точно! И в этот самый миг, как только ко мне пришло такое разумение, я нашел в себе столько

вдохновения, СТОЛЬКО — что сейчас же сломал себе ноготь и вывернул палец.

Праведное небо! Силы человеческие не могут это снести. Это чересчур. Голова моя закружилась, тошнота поступила, рвота началась, в глазах потемнело — умираю. Меня уже нет — вокруг цветы и рыдания, черный креп. И музыка — тру-лю-ли, тру-лю-ли — флейта, там-там-там — тромбон, ы-ы-ы — альт, дрым-дрым — арфа.

Но постойте! Мне становится лучше, и я встаю, сменяя брошенные на грудь цветы, и я начинаю. Начинаю предвидеть.

Это была клиническая смерть, после чего я начал предвидеть.

Я и до этого предвидел, но теперь — о-го-го! Теперь — это совсем не то. Теперь будет столько сатир и сарказмов! А ирония? Теперь будет море иронии! Просто одно, но очень большое море. Вошел — по колено. Вы хотели бы, чтоб вам было по колено? Вот и по-лу-чи-те! Издевательства, злые шутки, насмешки, колкости, едкости, ядовитости, выпады из-за угла — на-те!

Непорочные светила! Перегрыземся, перецапаемся — шум, крики, проломленные головы.

Олигархов я не люблю. Меня с одним знакомили. Шапочное знакомство, но я себя не очень уютно чувствовал, потому что он людей боится. Не знаю, чего он боится, но боится. Очень. Оттого и мне с ним рядом тяжело.

Олигархи уверены, что их из-за денег не любят. То, что их не любят, это верно, но тут даже не деньги, тут, мне кажется, другое.

Это как в фильме «Чужие». Сверху один, внутри другой. Чужой внутри. Хищник. Спinoй нельзя поворачиваться. У меня такое же отношение к кавказцам. Я сам оттуда и знаю, когда можно спиной поворачиваться к ним, а когда нельзя. Так вот, к некоторым никогда нельзя.

Так и к олигархам.

Там внутри гниль. Какие бы благотворительные жесты они ни делали. Гниль.

О начале. Наше начало связано с газом. С него мы начали год. Вернее, нервы, господа, случились в самом что ни на есть начале, отчего к 20 января все еще не очень было понятно: по какой же цене мы все-таки продаем Украине газ?

То ли по 360 — и это со скидкой, то ли по 228 — и это тоже со скидкой.

Общество измучено. Новости — только про это.

А еще про вентили — где они, как они, открыли, не открыли, отрыли и ликвидировали по дороге те фирмы-посредники, что нарастают все время каким-то совершенно непостижимым образом сами, и их ликвидация была подана как достижение, как несомненное благо.

Лучше всех выглядела Юля.

Юля была вся в черном с рюшами, с талией в нужном месте — хороша, ой как хороша.

И абсолютно спокойна — как тут не вспомнить о глазах и о божьей росе.

Евросоюз при встрече она бросилась целовать, после чего его председатель все никак не мог задать вопрос о вентиле. Забыл, бедняга, — так свежи были те поцелуи.

А наших она вмиг построила. Судя по их лицам и по тому, что так нервно путаем цены, на это не потребовалось много труда. Построила и показала всему миру, на чьей стороне вентили.

Осталось только поздравить Юлю с победой — молодец!

После всех этих достижений Ющенко

бросился в прорубь. На Крещение. Крест прорубили во льду могучей реки, куда он и кинулся.

В этом году случилось еще одно начало. Обама вступил в свою должность. Вся Америка и весь мир — все это видели.

Вот ведь незадача! Кризис у них, а доллар укрепляется у нас. У них цены падают, а у нас растут. Вот и квартплату опять повысили.

Не знаю, как там с наградами, но мне лично кажется, что наших министров от экономики пора награждать.

Надежд у нас никаких — так что пора награждать экономистов.

А американцы никого не награждают, и выглядят они там на своей инаугурации как вполне приличные люди.

Смотрел я на все это с плохо скрываемой злобой.

Как выяснилось — не я один.

Наши комментаторы и агитаторы тоже ею полны.

«Вот погодите, Обама вам еще покажет! — кричат они. — Не пройдет и полгода!»

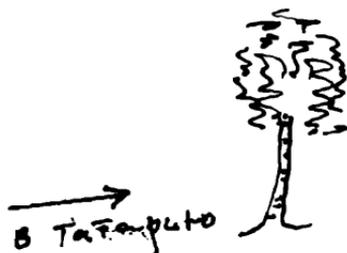
Так что ждем.

Осталось полгода.

—

Оставим все — и Норвегию, и Швецию. Плюнем на них и оставим. Вернемся все. Вернемся назад. В Татарию. Что может быть

лучше родимой Татарии? Вглядимся, вцепимся взором, втемяшимся, влупимся — лопни глаза, а лучше Татарии ничего не найти! Сколько тут родного остроумия вкупе с изрядными порциями добротного домашнего, сыромятного разума, с помощью которого, учитывая его количество и

качество, они (ну, эти... самые) отлично управляются. Под этим я понимаю только то, что кто-то ими отлично управляет, и в результате этих его стараний они *отлично управляются*. Будь у них и того и другого побольше — это я об остроумии и разуме, — нарушилось бы природное равновесие. А так — ну просто замечательно.

И этот, как его, ну, этот... хер... м-да... ну, этот хер... никак его не выговорить... вот ведь, поди ж ты... ну просто чудо какое-то...

Однако погода — то мокро, то сухо, то ураган, то затишье — никаких правил и никакого порядка. И при этом столько правителей, что впору говорить об утрате коллективного разума. Раз! — и умение. Раз! — и еще одно умение.

Не могут они думать всем коллективом.

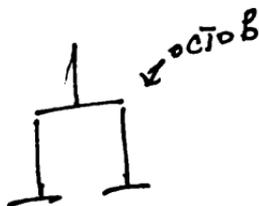
Потенция
↙

Они и порознь ни на что не способны. Чем выше уровень, тем ниже все остальное.

Потенция, господа мои, мать остроумия. Изголодавшиеся по остроумию на самом-то деле должны голодать по-иному.

Ах какой замечательный, какой чудесный, какой прекрасный у нас остров!

Какой он, я бы даже сказал, благодатный, отрадный, прочный — просто кремень. Основа, господа! Так, знаете ли, задумаешься иногда о судьбах Отечества кулемного, и такая тоска вдруг накатит под самое что ни есть горло, гортань, схватит, закрутит, затутит, замутит кручина. Господа! Вот как крест... Где наш крест? ведь был же крест? ах вот и крест... Да-а-а! А потом — словно отпустит, и так широко, так привольно задышится вдруг, так вольготно, что сейчас же хочется петь: «Степь да степь кругом... мы-мы-мы ящик... в той степи...мы-мы... заманал ящик! — а все потому что остров, господа!..

Но, может быть, нам самое время помолчать, застыть в осознании того, что «прав

ты был, Господи!» — подобраться в темноте ладанной к ничему не подзревающему батюшке, лоснящемуся, и ну его целовать?

А не выслушать ли нам наше дьячество? Оно готовит нам пути. Не те пути, которые мы уже прошли, как ученые крысы, но другие, извилистые, полные неожиданных поворотов и соблазнительных углов.

Мы же чрезвычайно рассудительные люди и без труда улаживаем все свои дела.

Санкт-Петербург очень грязный город — бумажки, окурки, жижа, подвалы, подъезды, крыши домов.

Вдумчивый читатель скажет: опять он о грязи.

Нет-нет-нет, я совсем не о грязи. Я о чуши.

Я все время пишу о чуши, и все, что я пишу, самой настоящей чушью и является.

Так что те, кто не готов читать чушь, пусть тут же отложат это чтение и выпьют чего-нибудь веселящее дух.

А мы продолжим о грязи.

Грязь — это не просто бумажки. Грязь — это мысли. Идет человек по улице, видит грязь, и в мозгу у него откладывается: «грязь».

Мозг человека, как говорила Наталья Петровна Бехтерева, удивительное творение природы. Он любит работать. А загружает он себя работой походя: идет по улице и получает огромное количество информации — о погоде, природе, небесах.

Например, вы прошли мимо дерева, а ваш мозг посчитал количество веток на нем и количество листьев на каждой ветке. Вспомнить вы это не сможете — разве что только под гипнозом, — но он посчитал. Это ненужная информация, он ее потом выбросит. Он многое выбрасывает. Совершенно неосознанно. В виде слов. Посмотрел, воплотил в слово, выбросил.

И вот он выбрасывает слово «грязь». И не один человек это делает. Это делают каждый Божий день никак не меньше миллиона жителей Санкт-Петербурга.

А знаете ли вы, что такое на самом-то деле мусор и грязь?

Мусор и грязь — это нарушение порядка.

А всякое нарушение порядка увеличивает энтропию, хаос. И хаос — это любое нарушение порядка — дым, смрад, помойки, мысли. А что делает хаос? Хаос разрыхляет Время. Великое Время, большое Время.

Все мы суть сосуды для хранения Времени.

Времени Вселенной. Так говорит теория Козырева — великого ученого и гражданина.

Хаос изгоняет Время. Он выгоняет его из города, домов, людей.

Он выгоняет его даже из Законодательного собрания, зданий Сената и Синода и из Смольного дворца. Все в этом городе охвачено тем, что называется истечением времени.

Не правда ли, время тут просто летит?

Это летит время жизни. Любой жизни — домов, дорог, светофоров, теплотрасс, коммуникаций, людей, собраний, партий.

Уменьшается время домов — они ветшают и рушатся. Уменьшается время людей — они болеют и умирают, больше, чем где бы то ни было.

А партии — так и мелькают, так и мелькают.

Энтропия, ребята. Ей не прикажешь. Она не слушает выступление президента по телевизору. Она после этого выступления только увеличивается, совершенно не обращая внимания на принимаемые меры по преодолению кризиса.

А тут еще над нами ноосфера — вот куда направляются все наши мусорные мысли — ноосфера, открытая самим Вернадским.

А что она есть, как не опрокинутое над нами вечное вогнутое зеркало?

А вогнутое зеркало, господа, как замечал гениальный Козырев, способно сжимать распадающееся время. И, сжимая, оно заставляет тех, кто внутри, проживать его еще быстрее. Оно его точно сворачивает. Неумолимо.

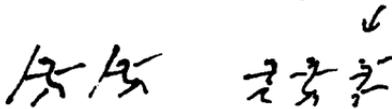
Процесс только усиливается, приобретая лавинообразный характер.

Все ускоряется — больше мусора, больше мыслей о мусоре, больше хаоса, больше происшествий, больше беспорядков, больше выступлений, больше милиции, больше ОМОНа.

Чем это обычно заканчивается?

Обычно это заканчивается сменой цивилизации.

смена цивилизации

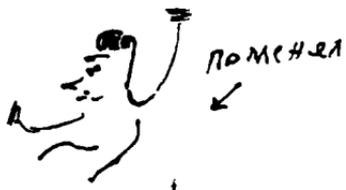
Вот, ребята.

Вот мы и поговорили.

О чуши.

—

Любимое занятие всей нации — следить за курсом доллара. Потому что доллар для нас и отец, и мать, и дом родной. Вот она, настоящая демократия: послушали замечательных вождей о том,

как они его ненавидят, пошли и купили его про запас. Настоящее народоизъявление.

Если посмотреть по телевизору любую нашу говорящую голову, вплоть до самой что ни на есть главной говорящей, то на ум немедленно приходят сравнения с котом Баюном. Убаюкивает, знаете ли. Растлевет. Настраивает на разложение.

А если при этом еще и звук выключить, то и вовсе никак не отделаться от мысли, что гниение не остановить.

Нет, законопослушные граждане, что ринулись после речей наших драгоценных кормчих срочно покупать доллары в обмен на рубли в Сочельник, гниение не остановить.

Дело в том, что без звука лицо становится очень выразительным и выражает то лицо только одну мысль: врет. Нет у нас ничего. Не-ту-ти. То есть хоть тебе «ту», хоть «ти» — нету.

А это каждый год. В самый что ни на есть канун все дорогие россияне делаются как сумасшедшие: прослушав отцов, бегут в банки менять ту валюту, которая по заявлению оных чуть было не стала альтернативой этому поганому доллару, на этот самый доллар.

Потом пьянство — оттого что успели поменять, шампанское рекой, петарды во все

стороны, застолье в кругу семьи, и на десять дней куда-нибудь отлежаться.

Потом — вот вам, бабушка, и Новый год, и все повторяется.

—

Давно ли вы смотрели на портрет Медведева?

А я вчера только на него смотрел. Сын товарища — маленький такой тип лет пяти сидел за столом, а перед ним лежал большой портрет «нашего всего», и он над ним трудился. Сначала он подрисовал ему небольшие усики рыжим фломастером, а потом и бородку соорудил, и... и тут только я заметил, внутренне обмирая, что портрет этот мне напоминает совершенно другой портрет — мама моя дорогая! — самодержца нашего последнего, Царствие ему Небесное, Николая, можно сказать, Второго.

И головку он так же держит, и спинку — ну просто точь-в-точь!

И это удивительное подобие натолкнуло меня на мысль о том, что вот ведь как у нас все получается: последний император похож на главного стража и борца, может быть, даже не совсем последнего, и это, мне думается, неспроста.

он

Природа если уж и повторя-

ет чего-то, то с умыслом, кусать ее в кочерыжку.

Или судьба у них будет похожая, или еще чего.

Правда, со временем трагедия вырождается (слава тебе господи), так что революционное цунами вряд ли нам угрожает (хотелось бы верить).

И все-таки! Цунами не цунами, но сходство, господи, сходство-то потрясающее!

Усики этот паршивец маленький ему такие нарисовал, что я уже и до бороды что-то почувствовал. Неудобство какое-то. Не по себе вроде как.

Исторические аналогии, мать иху ети...

То есть без давки на Ходынском поле, как я слышал, на этот раз обошлись, а вот небольшая, но победоносная война, о которой так мечтал прототип, уже была.

С русско-японской, помнится, не все гладко тогда получилось, но зато уже в этот раз...

То есть что-то уже начало повторяться. А раз начало, то первую русскую революцию 1905 года, помнится, подавить удалось, а вот 1917-й, отречение, Керенский, распад, разлад и ту единственную, Гражданскую, где комиссары в пыльных шлемах, — нет.

Вот ведь какие мысли, уважаемые, могут возникнуть от простого пририсовывания усов.

—

Петербургский научно-исследовательский комплекс РНЦ «Прикладная химия» (ГИПХ), головное предприятие которого размещено в Санкт-Петербурге на Петроградской стороне, где занимает площадь более 10 га (с одной стороны оно ограничено набережной реки Малая Невка, а с другой стороны — проспектом Добролюбова), к 2010 году должен переехать в Капитолово, где указанному комплексу принадлежит 240 га. Там имеется опытный завод института площадью 30 тысяч кв. метров.

На освободившихся площадях с видом на Малую Невку ЗАО «ВТБ-Капитал» к 2015–2016 годам построит целый квартал под названием «Набережная Европы» — это просто счастье какое-то. Так что подготовка к переезду института идет полным ходом.

Недавно на территории опытного завода в Капитолово начался экстренный демонтаж оборудования — появилось множество бригад «металлистов», которые завезли туда болгарки, шланги, баллоны с пропан-бутаном, газовые резаки. Начато массовое списание оборудования.

Списывается все, скопом, целыми цехами — режут, режут, режут. Режут, а потом вывозят.

Причем режут и то оборудование, которое давно пора порезать, и то, которое еще

можно продать, — все под нож. Варианты даже не обсуждаются. В дикой спешке.

На сегодняшний день уже уничтожены: последняя в России установка по производству технического гидразина (предпоследнюю недавно порезали в Воронеже), а также установка по выделению дейтерия (не последняя, но дающая самый чистый дейтерий в регионе).

Не то чтобы это катастрофа вселенского масштаба — нет-нет-нет — но что-то около того.

На фоне упомянутого просто теряются такие вещи, как участок сжатого воздуха и всяческие там газо- и паропроводы, некогда могучие механические цеха и остальная инфраструктура завода.

Возвратимся на минуточку к вопросу о гидразине — без него ракеты не летают.

То есть ракеты летают на его производных (на несимметричном диметилгидразине, например). Технический гидразин чистится (установка по очистке, кстати, пока еще цела) и используется при производстве топлива.

То есть теперь получается так: для того чтобы запустить нам ракету, хоть в космос, хоть куда, надо покупать гидразин, например в Германии.

Конечно, гидразин или его производные это не просто большая отравка, а очень боль-

шая отрава, и, может быть, уже давно придумано нечто, на чем ракеты летят и легче и лучше для окружающей природы, и мы просто не в курсе того рывка, который осуществила на сегодняшний день наша наука.

Это объяснило бы ту спешку, с которой так лихо все уничтожается.

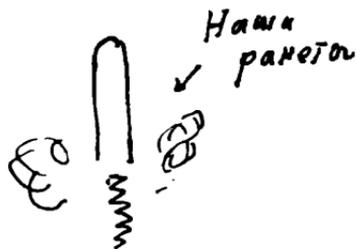
Вот только что-то не было слышно о техническом прорыве в этой области.

То есть, с одной стороны, все время идет речь о возрождении армии и флота, а с другой — эта армия и флот будут покупать гидразин в Германии?

Конечно, скорее всего, мы сгуцаем краски. Наверняка уже закуплено новое оборудование, которое вот-вот будет завезено и установлено, тем более что параллельно идет разработка плана развития того же опытного завода, который включает в себя значительное уменьшение его территорий, организацию на освободившихся землях технико-внедренческой зоны и уменьшение

зоны отчуждения предприятия, которая сейчас имеет километровую ширину.

И все-таки (ну так, для полных идиотов) хотелось бы знать, на чем завтра будут летать наши ракеты и будут ли завтра у нас ракеты вообще.

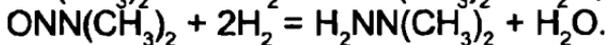
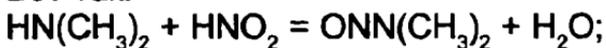
Написал я предыдущий абзац и подумал: наверное, будет не все понятно. Надо бы все расписать подробно.

Подробно: одна из областей применения гидразина — ракетное топливо (там его множество видов). Например, ракетное топливо азрозин на первую половину состоит из гидразина, а на вторую половину — из несимметричного диметилгидразина (НДМГ, или гептила).

На азрозине собираются летать наши ракеты в будущем (если верить открытым источникам).

А выражение «его производные» — из специальной литературы, где гептил (НДМГ) называют производным гидразина. И это совсем не означает, что в промышленных масштабах гептил получается из гидразина, хотя все этом мире возможно, но легче всего получить его из диметиламина — $\text{HN}(\text{CH}_3)_2$.

Вот так:

$\text{H}_2\text{NN}(\text{CH}_3)_2$ — гептил.

В настоящее же время множество наших ракет — и военных и невоенных — летают именно на гептиле.

И я не защищаю ни ракеты, ни ракетное топливо. Я просто спрашиваю: на чем летать будем? По мне, так вообще бы лучше не летали — чище воздух будет и здоровее дети, но поскольку этот мир безумен и все время вооружается, то вопрос мой, как мне кажется, вполне уместен.

—

Кстати, о гептиле. Сейчас в мире его просто залежи, а утилизация этой штуки в России организована слабо. Что я под этим понимаю? Я под этим понимаю то, что вместо утилизации его часто выливают куда попало. Иногда — в уникальные лесные озера Сибири, и иногда это делают наши уважаемые ракетчики.

А между тем эйхорния (водяной гиацинт), как открыли ученые совсем недавно, способна очистить не только сточные воды с птицефабрик, но и любые воды, зараженные гептилом.

Удивительное растение — ни следа не остается от отравы.

Сделав свое дело, эйхорния вместе с осадочными породами становится пищей для калифорнийского червя. На выходе — отличное органическое удобрение.

Вот чем следовало бы заняться всем

причастным к использованию гептила — очисткой ранее загаженного.

Создаете новые виды ракетного топлива? Хорошо, замечательно, просто прекрасно, но одновременно и средства очистки от него тоже неплохо бы было создавать.

Заодно и залежи старого можно было бы расчистить. Не сжигать, а именно расчищать.

Глядишь, и уволенным в запас ракетчикам нашлось бы настоящее дело.

Мне написали, что наш СКР «Неустршимый», что так здорово воевал против пиратов Сомали, возвращается домой в плачевном состоянии. Он еще не пристал к родному берегу, а на него уже взошли ремонтники. Их на ходу на него забросили. От увиденного они пришли в ужас. По их словам, корабль чудом доберется до земли — все сломалось, все вышло из строя.

В самом начале похода приказала долго жить холодильная машина, а это в условиях Африки, пусть даже и африканской зимой, штука серьезная. Это значит, что в машинном отделении была жара, как в песне «Товарищ, я вахту не в силах стоять».

При этом весь поход экипаж питался тушенкой и крупой, и у половины экипажа — цинга.

Вот это да! То есть героям ни фруктов, ни соков.

Один лимон на литр воды — и никакой цинги.

Чем же там они снабжались? И было ли вообще снабжение? И что сегодня на нашем флоте означает это слово, очень хотелось бы знать.

Я получил цингу на Северном флоте после 10 лет непрерывного хождения в море — без солнца, на искусственном воздухе, холодная война, вахты, вахты, вахты. Никакие витамины не усваивались от этих вахт. Лимонов, правда, не было, но аскорбиновой кислоты было навалом. Лук, чеснок — все это мешками с собой брали.

Но я этим делом заболел через 10 лет хождения по морям, и болел только я, а тут — три месяца, и цинга у половины экипажа?

Мы тогда считали, что продовольствием нас снабжают плохо, а тут-то, в этом конкретном случае, интересно, как все считают?

У нас цинга стыдливо именовалась пародонтозом, а здесь она как именуется?

Цинга на корабле, когда болеет половина моряков, — это эпидемия. Есть такое понятие «морской скорбут», то есть цинга на корабле. Она возникает при острой нехватке витамина С — вялость, быстрая утомляемость, боли в конечностях, крестце, кровоточивость десен, хрупкость сосу-

дов, частые кровоизлияния под кожу. Итогом является смерть. Мрут от цинги, если только витамина С не достанут вовремя.

А вовремя — это снабжение.

Что ж это за снабжение у нас такое?

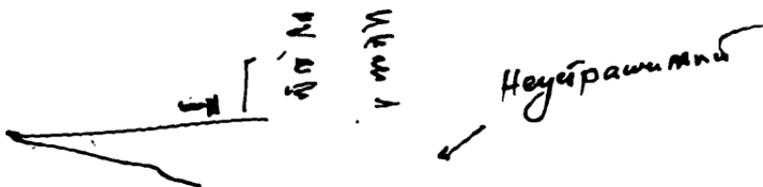
И что это за несение боевого дежурства?

То, что в Аденском заливе никакой общей организации по борьбе с пиратами нет, — в это можно поверить. Там каждый действует самостоятельно, полагаясь только на себя, но если уж посылается корабль, то снабжение-то ему организуется.

И не кто-то должен его организовать, а именно тот, кто этот корабль посылает.

Не посылаются корабли из последних сил.

СКР «Неустршимый» (проект 11540) — это очень удачный проект, и не только потому, что именно он обеспечивал официальный визит президента РФ Владимира Путина в город Лондон. Он не раз объявлялся лучшим кораблем на Балтийском флоте.

Вот только ремонтировать его надо своевременно. Не просто так в море выпихивать под всякие политические demonstra-

ции, а, отремонтировав, обеспечив всем необходимым, продумав снабжение в условиях похода, посылать на выполнение боевой задачи.

Кстати, с цингой на военных кораблях справились, если мне память не изменяет, еще в XIX веке.

С тех пор эпидемий не было. Это первая.

В капиталистическом мире Военно-морской флот — это показатель экономического здоровья. Есть флот — есть здоровье, нет флота — нет у вас здоровья, и ваша очередь пятидесятая.

А в России сейчас осталось то, что когда-то было построено при социализме.

Новое строим по десять лет и все никак не достроим.

Так что донашиваем старое, а его как ни отремонтируй, оно все равно старое.

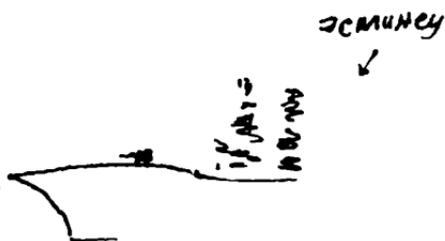
Да и ремонтируют только тем, что Бог послал.

Так что имеем, что имеем.

В отношении «Неустрашимого». Приход его после славных побед сначала ожидался к 4 февраля, а теперь и середина февраля под большим вопросом.

Дизель-генераторов у него из десяти осталось в строю только два, поэтому и ползем где шестью, где десятью узлами.

Что же касается остальных Военно-морских сил на Балтике, то на Балтийском флоте есть два корабля первого ранга — это эсминцы «Беспокойный» и «Настойчивый». Так вот, оказывается, что эти корабли тоже планировались для участия в антипиратской операции, в походе в Средиземное море и даже собирались на далекую Кубу, но, увы, не сложилось.

Причина проста — эти флагманы Балтийского флота давно сгнили у стенки. ГЭУ у обоих кораблей в полной... как бы это поприличней... в полной... дыре андронного коллайдера, особенно у «Беспокойного».

Несколько раз дальновидному начальству все же удалось отбрехаться от походов (неудобно все-таки, корабли-то в «кампании», то есть в любой момент по документам могут встать на защиту святых рубежей, за что им, кстати, и деньги платят).

И тут такая неприятность с «Неустрашимым», так что пришлось отрывать от заводской стенки с межпоходового ремонта на ПСЗ «Янтарь» большой противолодочный корабль «Адмирал Чабаненко» и на скорости в 32 узла срочно выкидываться в море на лидирование «Неустрашимого». Посылать

же что-то на выручку из сил аварийно-спасательных сил флота неудобно, потому как это будет признанием аварийного состояния «Неустрашимого», да и ход у них маловат.

Из истории. «Беспокойный» «грохнули» во время перехода из Питера в Балтийск после празднования 300-летия Российского флота, обводнив забортной водой трубки котлов, после чего его надо тупо ставить на капитальный ремонт и резать до кия, а зачем это делать с кораблем, которому в обед 15 лет?

А «Настойчивый» просто сгнил.

Как-то летом был предпринят двадцатидвухдневный поход по Балтике в составе корабельной ударной группы: кое-как реанимированный «Настойчивый», малый ракетный корабль и большой ракетный катер. Совершили заходы в Польшу, Швецию и Финляндию. За время похода не выполнили ни одного боевого упражнения из АУ, а также из ЗРК (ПЗРК) и ПЛО. Даже из стрелкового оружия не стреляли, не удосужились даже гранаты побросать.

Максимальный ход из-за проблем с ГЭУ у флагмана был 14 узлов. А на малом ракетном катере дивизионный механик до того трудился, что просто спал в машине, а если кто интересуется ЗРК «Оса», так он был сломан.

В Стокгольме, готовясь к выходу из порта, дали такую «шапку» дыма, что в порту

была сыграна пожарная тревога и прибыли расчеты из города и всякие там «скорые помощи». Инцидент улаживал наш военный атташе. Заплатили штраф — как бы это помягче... обомлеть — не встать.

Так что с флотом на Балтике у нас просто беда.

Вспоминается поход на крейсере «Октябрьская революция» в 1981 году для участия в стратегических маневрах, в которых корабли Балтийского флота изображали противника и шли на север. Сломались уже в проливной зоне. Окончательно сдохли у Шетландских островов, где мертво и встали. Слава богу, не юг, поэтому ничего не протухло, но вот с водой, мягко говоря, были проблемы. По возвращении все скрыли, да так удачно, что начальство получило орден Нахимова.

Небольшая справка: на момент распада СССР Балтийский флот включал в себя 350 кораблей и подводных лодок (Ленинградская военно-морская база по воле ЦК КПСС - была отдельной единицей), пять военно-морских баз (из них две первого разряда и одна за границей) и отдельную бригаду в Риге. А на сегодняшний день в его составе

36 боевых (ой ли!) единиц и две военноморские базы (в Балтийске и Кронштадте), но вот что интересно, численность адмиралов и генералов в штабе Балтийского флота не осталась прежней, она... увеличилась.

Адмирал

—
Какие новые у нас на Балтике адмиралы? Пожалуйста! Плетеные погоны надели на себя: начальник связи флота (контр-адмиралы в советские време-

на были только на Тихоокеанском и Северном флотах), появилась должность замкомфлота по вооружению (в ВМФ СССР это было в ведении замначтыла флота), потом начальник АБТС флота тоже стал генерал-майором (но это просто начальник гаража, в последний раз генеральские погоны в этой должности были у фронтовиков в 50-х годах), потом генералов получили начмед и начфин.

—
Поговорим о шишковидности человеческого разума. Тривиальное «В начале было слово» предлагаю заменить на «В начале была шишка».

шишковидность

То есть сначала удар, а потом разум. Много ударов — большой разум, мало — маленький. В промежутках человечество гадит под себя и ищет альтернативные источники энергии. Все ходят по мусору и мечтают только о том, чтобы получить такую энергию, которая позволит увеличить количество мусора до невероятных пределов.

Правда, в некоторых странах — Италии, Греции, например, предел уже наступил. На очереди остальная Европа — ее мусорные бунты мы еще увидим.

России до всего этого далеко — у нас просторы, гадь — не хочу, но особо обольщаться не стоит.

Сегодня любой товар упакован не в одну, а сразу в несколько упаковок, и для того чтоб сохранить среду своего обитания, надо снять и отдельно утилизировать каждую. Пока в этом больше всех преуспевают шведы и японцы, остальные предпочитают мусор сжигать, увеличивая количество углекислого газа, выброшенного в атмосферу.

Кстати, метан, о существовании которого человечество не очень сильно осведомлено, в 21 раз (по некоторым источникам в 23) превосходит углекислый газ по парниковому эффекту. И еще он может находиться в атмосфере 12 лет.

Получается он при любом гниении органики, и мусора прежде всего. То есть пре-

доставленный сам себе мусор — это бомба замедленного действия.

И замок в Сан-Тропе никого не спасет. Мы все под одним колпаком. Бури, ураганы, цунами, наводнения, землетрясения — во всем этом есть уже доля человеческого пренебрежения мусором, и она будет только увеличиваться.

В идеале рядом с заводом по производству автомобилей где-нибудь в Усть-Волюпинске надо строить завод по утилизации старых автомобилей.

А обычный, бытовой мусор надо немедленно направлять не на специальные полигоны гнить под открытое небо, а на специальные заводы по сортировке и переработке, прежде всего в биогаз, который после очистки от углекислого газа в основном состоит из метана.

Еще две тысячи лет назад некоторые германские племена могли собирать метан от гниющего мусора. Они накрывали выгребные ямы кожаным колпаком, а потом пошитым из кожи трубам переправляли его к своим жилищам. На нем готовили пищу, с его помощью они обогревали свои нехитрые хижины. То есть все уже было.

И сейчас существуют такие установки. Они способны переработать навоз, пищевые отходы, птичий помет, отходы боев, жмыхи, стоки канализации в прекрасное

удобрение и биогаз. Биогаз — это электричество и тепло. На нем могут работать машины, сельскохозяйственная техника. И не надо тянуть за тысячу километров к коровнику трубы Газпрома, он сам себе Газпром.

Что для этого нужно?

Нужно, чтоб человечество испугалось. Оно должно испугаться. За свою жизнь и за жизнь своих детей, потому что Лазурный берег, повторимся, никого не спасет — мы все находимся в одном бульоне.

А бури, ураганы, таяние льдов, потепление, наводнения, пожары и землетрясения — это все с каждым годом будет только увеличиваться.

А человечество при этом будет заниматься болтовней — поговорили о глубокой переработке мусора и повезли его на очередную свалку.

—

Звонит корреспондент:

— Вы не могли бы ответить на вопросы?

— По какому поводу?

— По экономике.

— Ребята, я уже говорил — я не экономист.

— Но нам хотелось бы услышать ваше мнение.

— Хорошо, спрашивайте.

— Как бы вы охарактеризовали сегодня

нышнюю экономическую ситуацию в мире?

— Ростовщичеству приходит конец. Оно сегодня охватило уже весь мир. Дальше идти некуда. Не открыты еще те марсиане, которых можно было бы привлечь к продаже мыльных пузырей. Так что придется остановиться.

— А экономика в России? Как бы вы охарактеризовали экономику в России?

— А экономика в России — это то, что с трудом можно назвать экономикой. Это что-то иное. Это вне арифметики. Если ежегодный рост ВВП составляет три процента, банки кредитуются под два процента, а инфляция при этом составляет один процент, то это можно называть экономикой. А если в России прирост ВВП шесть процентов, кредит можно получить под шестнадцать, официальная инфляция — двенадцать, а неофициальная — двадцать четыре, то это, по моему, не экономика. У всего этого другое название, чаще всего неприличное.

А если все это длится не один год, то в пору задуматься о разуме.

— Но вот снизили налог на прибыль.

— Не стало прибыли — снизили налог? Так ее вообще не стало. Нет ее. Так что снижение — это только для детей, а вот повышение единого социального налога — это для взрослых. Нет налога в одном месте — возьмем в другом. То есть не послабление

налогового бремени для предприятий, а его увеличение. Во всем мире снижают все налоги, снижаются ставки рефинансирования, снижается НДС. У нас все повышается. Так мы доживем, на мой непросвещенный взгляд, только до лета. У нас нет производства, а то, что есть, — это доживает свое. НДС — это самый губительный налог для производителя. Чем сложнее производство, тем больше в конечной цене доля этого налога.

— Но он же возвращается государством.

— А вы пробовали его вернуть у государства? Это под силу только крупным компаниям, торгующим сырьем на вывоз. Остальным три месяца будут возвращать, а перед этим все ваше производство встанет, потому что вы будете проверяться налоговыми органами на правильность начисления НДС. Вы закроетесь раньше, чем вам НДС вернет государство. И это все для крупных производителей — строителей самолетов или ракет, например. Про мелких я молчу. Эти выживают чудом. Вот об экономическом чуде выживания малого и среднего бизнеса можно поговорить, но только это бесполезный разговор. В России — бесполезный. Тут война идет с малым и средним бизнесом. А в войну все средства хороши. У России практически не осталось своего производителя. Станки — из-за рубежа, сырье — оттуда же. Квалифицированных рабочих рук

нет — страна менеджеров, экономистов и юристов. Экономики нет, зато есть армия экономистов и финансистов. Огромные пространства — нет продовольствия. Где здесь экономика? Где разум? Своего хватает на полдня. Как это можно назвать экономикой? Деньги есть, но на них купили валюту, после чего начинаются разговоры о том, как бы нам перейти во взаиморасчетах на рубль. Черт его знает, а вдруг это действительно экономика?

экономика

- То есть вы не видите перспективы?
 — Вижу. И этим летом ее увидят все остальные.

— Меня спросили, как я отношусь к тому, что нашему начальству мешают «праворукие» машины.

— Знаете, — ответил я, — однажды я говорил с одним англичанином, и разговор зашел о машинах.

— Машину придумали в Англии, — сказал он, — а потом весь мир из ненависти к англичанам начал их переделывать. Так и появились «леворукие» машины и движение по правой стороне.

— А правильно...

— А правильно так, как придумали мы: праворукие и движение по левой стороне.

— А если «праворукие», но движение по правой стороне?

— Это лучше, чем «леворукие» по той же стороне.

— Почему?

— Потому что руль надо держать правой рукой (далее следовало английское выражение с упоминанием их английской матери), а вы выдержите левой. Вы все левши (то же самое выражение)?

— Не все.

— То есть вам, правшам, легче держать руль левой?

Я тогда не нашелся что ответить.

Сейчас, когда вы меня спросили, я вспомнил того англичанина.

А вообще, все речи чиновников надо слушать с частицей «не». И тогда все совпадет.

То есть события в Божьем мире совпадают с тем, что говорят и делают чиновники только в том случае, если ко всем их разговорам и действиям прибавлять частицу, отрицающую их разговоры и деятельность.

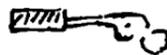
То есть мир чиновника — это мир обычного человека с частицей «не».

То есть если чиновники пытаются запретить «праворукие» машины, то правда Божья на стороне тех, кто борется за них.

«не» — 2/5

Убили Маркелова и Бабурову. Среди бела дня. Пистолет с глушителем. Через десять дней самое наше все пригласило Диму Муратова и долго говорило, что, мол, соболезнует. Теперь это все обсуждают, будто не понимают, что им все равно. Убили и убили. Машину, лишенную человечности, мы пытаемся наделить этой человечностью. А у нее все гладко, все соскальзывает. Ничего там ни привить, ни приладить.

Игры это все. Отметились. Галочку поставили. Муратов примерно 24 января в каком-то интервью западникам сказал, что все позвонили ему и выразили сочувствие. Даже главы государств зарубежных, вот только наши не позвонили. Ну вот и позвонили. Здесь человека убить ничего не стоит. Гниль. Гниет. Не остановить. У них все гниет. Нельзя из гнили что-то строить. Во всяком случае, государство на этом не воздвигнуть.

пистолет

Валерий Саблин родился 1 января 1939 года в Ленинграде в семье военно-морского офицера. Окончил ВВМУ имени Фрунзе. До 1969 года служил на строевых должностях и с должности помощника командира сторожевого корабля Северного флота по-

ступил в ВПА имени В. И. Ленина, которую с отличием окончил в 1973 году. По должности аттестовался положительно. Женат. В 1962 году в его семье родился сын.

БПК «Сторожевой» прибыл в Ригу для участия в параде по случаю 58-й годовщины Великой Октябрьской революции. Около 19.00 8 ноября 1975 года заместитель командира корабля по политической части капитан 3 ранга Саблин, вызвав командира корабля капитана 2 ранга Потульного в гидроакустический пост, закрыл его там на замок и выставил для его охраны вахтенного матроса Шеина.

Затем Саблин собрал 13 офицеров и 13 мичманов в мичманской кают-компании. Он объявил им, что руководство страны отошло от ленинских принципов, из-за чего в стране процветают бюрократизм, очковничество, использование служебного положения в личных целях. Народ живет хуже год от года, а посему предлагалось совершить переход корабля в Кронштадт, объявить его независимой территорией, от имени экипажа потребовать у руководства партии и страны предоставить ему возможность выступлений по центральному телевидению с изложением своих взглядов. Обращение к советскому народу было запи-

сано на магнитофонную пленку и непрерывно передавалось по корабельной трансляции: «Всем, всем, всем! Нет смысла доказывать, что в настоящее время слуги общества уже превратились в господ над обществом. На этот счет каждый имеет не один пример из жизни. Мы наблюдаем игру в формальный парламентаризм при выборах в советские органы и в исполнении Советами своих обязанностей. Практически судьба всего народа находится в руках избранной элиты в лице Политбюро ЦК КПСС...»

10 офицеров и 5 мичманов, не разделивших взгляды замполита, были изолированы. Затем Саблин собрал команду по большому сбору и выступил перед матросами и старшинами. Он призвал их проголосовать за принятое решение. Тем временем старшему лейтенанту Фирсову удалось по швартовому канату перебраться на стоявшую рядом подводную лодку Б-49.

Его доклад оперативному дежурному по флоту поразил всех: «На „Сторожевом“ восстание!»

В 2 часа 50 минут 9 ноября корабль под управлением Саблина вышел в Рижский залив. В адрес Главнокомандующего ВМФ за подписью Саблина была отправлена телеграмма, в которой он объявил «Сторожевой» «свободной и независимой терри-

торией», далее Саблин изложил свои требования.

К 8.00 9 ноября, когда «Сторожевому» оставалось около 18 часов хода до Кронштадта, на корабль посыпались одна за другой телеграммы от командующего Балтфлотом, Главкома ВМФ, министра обороны с категорическим требованием вернуться на рейд Риги.

Вышедшие вслед за БПК пограничные корабли потребовали остановиться, в ответ со «Сторожевого» передали семафором: «Друг! Мы не изменники Родины!» Пограничники не решились открыть огонь, «Сторожевой» продолжил свой путь.

«Сторожевой» не отвечал на вызовы по радио. Руководство страны долго не могло поверить, что на корабле действительно произошел мятеж.

К 9 часам утра «Сторожевой» прошел Ирбенский маяк.

К этому времени о восстании на «Сторожевом» стало известно Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу. Тот не стал миндальничать: «Разбомбить и потопить»!

Бомбовый удар должен был нанести 668-й авиационный полк. Попасть в корабль удалось только с третьей попытки. У «Сторожевого» заклинило руль, корабль стал описывать циркуляцию. К этому времени командир корабля уже освободился

из-под стражи, он вооружил часть матросов и поднялся на ходовой мостик. Выстрелом из пистолета он ранил Саблина и вернул корабль под свое командование. Это был единственный выстрел на «Сторожевом».

«Сторожевой» застопорил ход, тут же к нему подошли корабли, на борт была высажена морская пехота. Экипаж не оказал сопротивления. В 10.32 на КП флота поступила телеграмма от командира «Сторожевого»: «Корабль остановлен. Овладел обстановкой. Жду указаний командующего флотом».

Корабль отбуксировали на якорную стоянку у полуострова Сырве, южной оконечности острова Сааремаа, где был снят с борта и арестован весь экипаж «Сторожевого». Раненому и закованному в массивные наручники Саблину помогли сойти с борта корабля двое матросов, один из которых, обратившись к присутствующим, сказал: «Запомните его на всю жизнь. Это настоящий командир, настоящий офицер Советского флота!»

Позже комиссия под председательством Главкома ВМФ установит, что никакого мятежа не было, а были «неосознанные действия людей, поддавшихся на демагогическую агитацию».

Саблин был приговорен к исключительной мере наказания — расстрелу.

3 августа 1976 года приговор был приведен в исполнение. Только спустя полгода о его смерти были извещены родные. В это время уже не было в живых преждевременно скончавшегося отца, а смертельно больная мать была прикована к постели.

Шейн осужден к восьми годам лишения свободы. Он полностью отсидел свой срок.

Что я думаю о Валерии Саблине? Тут много про него говорят. Говорят такие слова, как «предатель» и «герой». В 1975 году я прибыл служить на Северный флот. Тогда нам было сказано, что все, что случилось с Саблиным, — это измена Родине. Никаких подробностей. Измена. Замполит пытался угнать корабль в Швецию. Остальное — молчок. Ничего.

Пройдет много лет, я прочитаю о тех событиях и удивлюсь этому человеку.

Он шел на смерть и понимал это.

Видите ли, в те времена мы хоть и думали о том, куда же движется страна, но информации было так мало и она была такая однобокая, что впору было говорить о том, что мы, офицеры, вообще ничего не знали о том, что же творится в стране. Мы догадывались, но откровенно о политике — а тогда это называлось политикой — никто не говорил. Как только разговор заходит о чем-

то скользком, так все сразу настораживаются — не провокация ли особого отдела? — и разговор сам собой затихает.

Мой большой друг, ныне покойный капитан 2 ранга Фоминцев, выведенный мною в рассказах о Фоме, даже придумал такую отговорку для подобных случаев: «Скажите тем, кто вас послал, что капитан второго ранга Фоминцев этот разговор не поддержал».

И я подозреваю, что наши политические органы, что так трогательно берегли нас от правды, где-то даже были правы в том, что не надо нам в те времена было знать всей правды. Молодые мы были. Горячие. И нас так воспитали в наших училищах, что та правда, за которую сложил свою голову Валерий Саблин, вполне смогла бы поставить под его знамена многих.

В частности меня. Я бы встал. Это был бы порыв. Крик души.

Когда-то, в начале 80-х, появился у нас на экипаже один лейтенант.

Хороший парень, умный. Я тогда был уже капитан-лейтенантом, вот-вот должен был стать капитаном 3 ранга. Так вот, тот разбитной лейтенант был близок к тем кругам, что сейчас называли бы «политической элитой». И он рассказывал про эту самую элиту такие вещи, что, выслушай я его в 1975 году, неизвестно, что бы со мной стало.

И хотя в 80-е годы я уже был достаточно

закален на сей счет, его рассказ меня потряс. Я тогда сказал ему: «Как же жить дальше?»

В 1975 году, после всех этих откровений, я бы, наверное, или застрелился, или застрелил бы кого-нибудь, или встал бы под знамена Саблина, случись мне оказаться с ним рядом.

Сегодняшнее мое отношение к Саблину не такое простое. Я понимаю, что он был прав, но сегодня мне уже 56 лет, и я также понимаю, что человек может распоряжаться только своей жизнью, никого не подставляя под тюрьму и под смерть.

Смерть по законам чести человек должен выбрать себе сам. Если ее вместе с ним выберут еще несколько человек, — это их выбор, но подводить людей под смерть нельзя. Все должно быть осознанно.

Но не будем забывать, что Саблин совершил это все в 1975 году.

Тогда все было другое.

Мы же судим о тех событиях из 2009 года.

Он поступил так, как подсказала ему его совесть.

Прав ли он был? Я ему не судья. Время рассудит.

Александр Покровский. Бортовой журнал 6: Проза.: СПб.: ООО «ИНАПРЕСС», 2009. - 272 с., илл.

УДК 882 ББК 84 (2Рос-Рус)6
ISBN 978-5-87135-210-6

Искрометное перо знаменитого русского прозаика Александра Покровского преподносит читателям 6-й выпуск «Бортового журнала».

В этой книге писатель остается верен себе – неподражаемо остроумно и одновременно серьезно он пишет о нашем времени, о его непростых коллизиях.

Александр Покровский наделен редким даром – он может с юмором и сарказмом анализировать серьезнейшие особенности нашей действительности.

Уникальный вдумчивый литературный стиль, позволяет ему ерничать без злопыхательств, шутить без желчи, подсматривать без издевательств. Свои литературные заметки он снабжает беглыми перовыми зарисовками, которые удаются ему столь же выразительно.

Благодаря блистательному проникновенному стилю Александра Покровского, вчитываясь и всматриваясь в книжные страницы «Бортового журнала 6», пережить «предложения времени» становится легче.

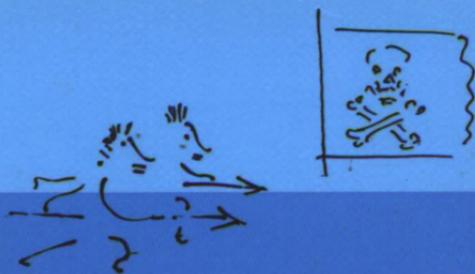
**ПОКРОВСКИЙ А. М.
Бортовой журнал 6**

Редактор Н. Кононов
Художественный редактор М. Покшишевская
Рисунки А. Покровского

Подписано к печати 04.03.2009. Формат 84X108/32.
Гарнитура Arial. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 17.
Тираж 3000.

Заказ 14265.
Издательство ООО «ИНАПРЕСС»
С.-Пб., ул. Некрасова, д. 60

Отпечатано по технологии StP
в ОАО «Печатный двор» им. А.М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

Искрометное перо знаменитого русского прозаика Александра Покровского преподносит читателям 6-й выпуск «Бортового журнала».

В этой книге писатель остается верен себе – неподражаемо остроумно и одновременно серьезно он пишет о нашем времени, о его непростых коллизиях.

Александр Покровский наделен редким даром – он может с юмором и сарказмом анализировать серьезнейшие особенности нашей действительности.

Уникальный вдумчивый литературный стиль, позволяет ему ерничать без злопыхательств, шутить без желчи, подсматривать без издевательств.

Свои литературные заметки он снабжает беглыми перовыми зарисовками, которые удаются ему столь же выразительно.

Благодаря блистательному проникновенному стилю Александра Покровского, вчитываясь и всматриваясь в книжные страницы «Бортового журнала 6», пережить «предложения времени» становится легче.

ISBN 978-5-871352106

